

Екатерина Кострова

**ЗА ТИХОЙ
ГАВАНЬЮ ЗАЛИВА
ПЛЕЖЭ**

Екатерина Кострова

За тихой гаванью залива Плежэ

«Издательские решения»

Кострова Е.

За тихой гаванью залива Плежэ / Е. Кострова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934312-3

Середина XVIII века. Трогательная и одновременно трагическая история любви юной девушки и отважного капитана, с одной стороны, и стареющего графа, с другой. Чем дальше её заводит судьба, тем в больших скитаниях находится душа главной героини. Каждая страница романа окутана тайной, пропитана страстью, граничащей с безумием, наполнена вдохновенной и в то же время одержимой любовью... К чему же приведёт главных героев их необузданное стремление во что бы то ни стало добиться желаемого?

ISBN 978-5-44-934312-3

© Кострова Е.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	51
Глава 12	57
Глава 13	60
Глава 14	64
Глава 15	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

За тихой гаванью залива Плежэ

Екатерина Кострова

© Екатерина Кострова, 2018

ISBN 978-5-4493-4312-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I

Глава 1

Виктория проснулась, только солнечные лучи забегали по светлым стенам её небольшой спальни. Глаза девочки опухли от слез, а горло болело от ночных рыданий. Встав с кровати и подойдя к окну, она отдернула тяжёлую портьеру. Солнце едва показалось из-за густого леса, бросая свои яркие лучи на изумрудную листву деревьев, надвигающиеся тяжёлые черные тучи, нависшие над поместьем, готовы были разорваться и вылить на него тонны воды, все то, что накопилось за несколько месяцев засухи. Этот трагический день ещё надолго останется в памяти Виктории, наложив на её ещё неокрепшую душу свой тёмный отпечаток, отныне, разделив её жизнь на «до» и «после».

Дверь в комнату распахнулась и на пороге появилась женщина лет сорока, облачённая в чёрное платье и чёрную вуаль. Лицо женщины серое и угрюмое, выражало неподдельную скорбь, хриплым от рыданий голосом она проговорила:

– Виктория, светает уж. Все готово для похорон. Пора.

Женщина не смогла сдержать слез и, громко заплакав, выбежала из комнаты.

Это была мачеха Виктории – Рамира. При родах мать Виктории умерла, спустя год её отец снова женился на молодой девушке, родом из Мадрида. Рамира не смогла родить ребёнка и заменила Виктории мать. Не сказать, что женщина окружила девочку любовью, но относилась к ней с нежностью и добротой, никогда не обижала.

Виктория посмотрела на пустой проем двери и тоже заплакала. Девочка села на край кровати, её переполняли чувства горечи, вызванные утратой самого близкого ей человека, её отца. Она не знала, как сложится её жизнь без него, он был для нее целым миром, самой большой любовью, человеком, которым она восхищалась, перед которым трепетала и с замиранием сердца смотрела на него. Теперь же она должна будет учиться жить заново. Виктории пару месяцев тому назад исполнилось десять лет, в тот день отец обещал, что будет заботиться о ней всегда, никогда не оставит её одну. А давеча он не смог сдержать данное дочери обещание, смерть забрала его, украла у этой маленькой и одинокой девочки, оставив одну в этом огромном чужом мире. Ах, папочка... – плакала она. – Как же я без тебя?

На улице начался сильный дождь, громко забарабанил по глиняной крыше особняка, а солнце окончательно скрылось за тучами, так и не успев полностью подняться из-за леса. Виктория быстро надела своё чёрное льняное платье, затянула его на поясе шелковой чёрной лентой, а волосы собрала в пучок и повязала чёрный платок. Спустившись вниз, девочка последовала вместе с Рамирой, своей тётёй – Мануэлой и бабушкой – Рикардой к экипажу, чтобы поехать на отпевание и похороны отца.

Отпевание началось в десять утра в небольшой церкви, расположенной неподалёку от кладбища в городке Маруанас, провинция Кордоба. На похороны, казалось, собрался весь город, так уважали и чтители память славного и отважного старосты вечевого собрания городка Маруанас – Савьоло Эстебан Севильо. Умер он, едва дожив, до сорока лет. В Маруанасе Савьоло имел добрую славу, часто ходил в море, в том числе в составе эскадрилий испанского флота, несколько раз участвовал в страшнейших боевых сражениях против французов и англичан, проявляя при этом небывалую храбрость. После смерти жены, на Савьоло легло бремя воспитания дочери и ему пришлось оставить море, женившись вновь, решил более не рисковать своей жизнью столь отчаянно, и вовсе осесть на суше, полностью посвятив себя земледелию. Близ Маруанаса у Савьоло имелось небольшое поместье, которое впоследствии разрослось до землевладений в несколько сот гектаров. Однако год назад Савьоло все же привелось

вернуться в море. Он отправился в плавание к Филиппинам, где испанцы вели ожесточённые бои с англичанами. На обратном пути на фрегат Савьоло напали корсары, команде с трудом удалось отбиться от морских бандитов, но Савьоло был ранен стрелой капитана корсаров, с тех пор он медленно умирал, почти не вставал с кровати, его тело постепенно отказывалось двигаться, сначала руки, потом ноги, а последние полгода он и вовсе перестал вставать с кровати. Месяц назад к этому недугу присоединилась сильнейшая лихорадка, Савьоло находился в бреду, все время повторял, что он не тот, кем его считают, призывал на помощь своего отца, что-то бормотал про Ямайку, пиратов и какой-то корабль. Рамира и мать Савьоло – Рикарда воспринимали его слова, как лихорадочный бред и не придавали им особого значения. Перед самой смертью, в последние минуты жизни, Савьоло все же нашёл в себе силы, чтобы попрощаться с дочерью, последнее, что он успел ей сказать: «Найди его, найди, во что бы то ни стало!». С этими словами он передал Виктории свой медальон, который всю жизнь носил на шее, не снимая.

Вечером в день похорон в особняке Эстебан Севильо собрались самые близкие друзья и родные Савьоло. Рамира сидела в центре стола. В зале повисла гнетущая тишина, никто не решался вымолвить хоть слово. Виктория сидела рядом с бабушкой Рикардой и тётёй Мануэлой. Девочка надеялась, что после смерти отца она будет жить с ними в поместье в Кордобе, но Рамира, прервав гнетущую тишину, разбила все её надежды.

– Я думаю, нужно назначить управляющего, – начала она, – я не смогу управлять делами своего покойного мужа, я попросту ничего не понимаю в земледелии. Кроме того, завтра на рассвете я и Виктория покинем Маруанас. Я хочу вернуться в Мадрид.

Виктория с ужасом посмотрела на мачеху и чуть слышно пробормотала:

– Я хочу поехать с бабушкой в Кордобу.

Рикарда провела рукой по шелковистым волосам девочки и поцеловала её.

– Дорогая моя, ты не можешь поехать с нами. Ты же знаешь, что после смерти дедушки мы едва сводим концы с концами. С Рамирой тебе будет лучше.

Виктория расплакалась и убежала в свою комнату. С первыми лучами солнца Рамира и Виктория отправились в Мадрид.

Глава 2

Рамира по приезду в Мадрид устроила Викторию в закрытую королевскую школу-интернат для девочек, где последняя пробыла вплоть до своего восемнадцатилетия. Сама Рамира год назад снова связала себя узами брака с молодым землевладельцем Даниэлем Орландо ди Кальенте из провинции Барселона. С тех пор живёт она в роскошном поместье, расположенном в небольшом портовом городке Бадалона, славящимся своими живописными местами: лесными озёрами, зелёными равнинами, а огромные скалы, раскинувшиеся по берегу Средиземного моря, завораживают своими необычными формами и одновременно грозностью.

В последний день пребывания в школе Виктория решила сделать подарок директорисе-настоятельнице – сеньоре Марисо, которая с теплотой и заботой относилась к ней все эти годы. Девушка преподнесла ей свою лучшую картину, над которой трудилась последний год.

– Сеньора, – обратилась к директорисе Виктория, стоя перед воротами школы, – я безмерно Вам благодарна за заботу, которую Вы проявили ко мне. Мне будет Вас не хватать в моей новой жизни. Я надеюсь, что когда-нибудь смогу вновь встретиться с Вами. Прошу берегите мою картину, я вложила в неё свою душу.

Сеньора Марисо ещё раз взглянула на полотно в деревянной раме и чуть заметно улыбнулась. На картине был изображён фрегат с белоснежными парусами и размытой фигурой капитана у штурвала.

– Береги себя, Виктория, – ответила сеньора Марисо, – ты всегда останешься в моем сердце, как одна из самых старательных учениц нашей школы.

Виктория обняла директорису, после чего направилась к экипажу, возле которого её ожидала Рамира. Заметив приближающуюся юную девушку, Рамира на мгновение оторопела, последний раз она видела Викторию десятилетней девочкой, и сейчас едва могла поверить, что из того маленького и довольно заурядного ребёнка выросла столь красивая особа, точно из гадкого утенка она превратилась в прекрасного лебедя. У неё были роскошные густые золотисто-каштановые волосы до пояса, слегка вьющиеся на концах, которые обрамляли собой хорошо сложенную утончённую фигуру девушки, несколько напоминающую песочные часы, а светло-зелёные глаза, с будто бы солнечным отблеском, излучали неподдельную жажду к жизни. Небольшой немного курносый нос, округлые щёчки и несколько пухлые губы делали её лицо необыкновенно милым и притягательным, а белая кожа и черные густые брови придавали лицу той истинной благородности, которой так славилась француженки или англичанки.

Виктория подошла к Рамире и улыбнулась ей, озарив своё лицо безупречной улыбкой, сделав ещё более притягательным.

– Здравствуйте, маменька. – заговорила она. – Я так рада видеть Вас! Наконец-то я могу вернуться в Маруанас, я так скучаю по дому!

Рамира слегка опустила голову, ей было неловко говорить о том, что в Маруанасе у Виктории больше нет поместья, и что отныне она будет жить в новой семье в Бадалоне.

– Видишь ли, Вики, мне пришлось продать поместье твоего отца...

– Как ты могла?! – воскликнула Виктория, не давая женщине закончить.

Рамира попыталась обнять её, но для Виктории эта новость стала сильным потрясением, она оттолкнула Рамиру от себя и забралась в дорожный экипаж, не дожидаясь, пока возница подаст ей руку. Рамира села следом, отдав кучеру указание направляться в Бадалону.

– Как в Бадалону?! – удивилась Виктория. – Почему? Я не понимаю, маменька...

– Видишь ли, дорогая Вики, пока ты обучалась в школе, я вновь вышла замуж. Мой муж...

Но Виктория не дала ей закончить, она закрыла руками уши, давая понять, что ей меньше всего хотелось бы, что-либо слышать о новом избраннике мачехи. Она не знала, как вырваться

из этого плена. Все восемь лет Виктория грезила мечтами о возвращении в Маруанас, в те места, где она выросла, туда, где был её дом. Все эти годы она представляла себе, как будет заниматься земледелием, подобно отцу, и может быть, когда-нибудь даже отправится в морское путешествие. Все было в её мечтах так расплывчато, в одно время, она понимала, что рано или поздно выйдет замуж, станет жить смиренной жизнью, и в другое, она рисовала в мечтах своих морские приключения. Признаваясь самой себе, Виктория желала выйти замуж, скорее лишь для того, чтобы продолжить жить отдельной от Рамира жизнью. За время пребывания в школе, Виктория осознала, что эта женщина так и не стала для неё родной, она не скучала по ней, не ждала её каждые выходные у ворот школы, и более того, совершенно не желала, чтобы мачеха когда-либо навещала её. К слову, Рамира этого и не делала, за все восемь лет, она ни разу не приехала к Виктории, ни разу не написала ей ни строчки, ни разу не справились о её судьбе. Виктория, буквально выросшая на книгах о приключениях, мечтала встретить знатного, благородного и храброго юношу, чтобы он полюбил её, как никогда и никого не любил на всем белом свете, и чтобы она искренне полюбила его, чтобы любовь их была послана небесами. Мечтала о том, как будет встречать рассветы и провожать закаты с тем единственным мужчиной, выходить с ним в открытое море на его прекрасном фрегате под белыми парусами, ведь он непременно должен быть доблестным и отважным моряком. Она непременно родила бы ему сына, а потом дочь и может быть ещё сына, стала бы для него верной женой и опорой в жизни, ожидала бы его дома из долгих плаваний, и счастье переполняло бы её сердце день ото дня, и добро бы несла она в этот мир. За всеми этими мечтами Виктория погрузилась в глубокий сон. Снились ей прекрасные равнины Маруанаса. Бежит она вдоль леса дорогой, что отец её уезжал на виноградники, а вдалеке видится ей образ отца, он зовёт её за собой, но какая-то сила держит её, не пускает. Внезапно небо заволокли черные тучи, будто в тот день, в день похорон отца, поднялся сильный ветер и подхватил её, только чувствует, как ноги отрываются от земли, и поднимается она все выше и выше к черным тучам. Пытается сопротивляться этой невиданной силе, но тело словно ватное, не слушается её, не повинуется. Как вдруг среди черных туч пробивается тонкий луч солнца, и видится ей образ отца, он что-то пытается сказать, но она не слышит его. В этот момент ветер стих, и девушка полетела вниз, летит и летит, все ниже и ниже, и ближе к земле, а когда земля, казалось бы, коснулась её, она проснулась. Виктория проспала около двенадцати часов.

Всю оставшуюся дорогу Виктория молчала, как бы тщетно Рамира не предпринимала попытки заговорить с ней, рассказывала о необычайно красивых местах Бадалоны, о своём новом муже, о том, как они познакомились и многом другом, но Виктория будто не слышала её, не желала слышать.

Когда, наконец, экипаж выехал на дорогу, ведущую в Бадалону, к поместью ди Кальенте, у неё заметно улучшилось настроение, из окна она наблюдала прекрасные виды провинции, глубоко вдыхая тёплый морской воздух. Виктория была впервые на море, у неё даже закружилась голова от переизбытка эмоций и такого свежего и чистого воздуха. Каждый метр пути заставлял трепетать её от восторга, это было то самое место, которое она рисовала на холстах, будучи в школе и то, о чем она так самозабвенно мечтала. Ясная голубая полоска неба тонко соприкасалась с синим волнующимся морем там, где солнце, заходя за горизонт, освещает зелёную долину своими золотистыми лучами. Именно так Виктория рисовала пейзаж этих прекрасных мест. Девушка смотрела в открытое окно экипажа, а улыбка не сходила с её лица и душа, казалось, готова была воспарить над этими красотами навстречу неизведанному. Экипаж незаметно для Виктории подъехал к высокой каменной стене, вдоль которой росли кусты свежей сирени, и остановился у кованой решётки ограды, обрамлённой лилиями и лианами.

Покинув экипаж, Виктория и Рамира прошли в чудесный сад, раскинувшийся перед особняком ди Кальенте. Повсюду росли роскошные тисы, ели и сосны, а также, сливы, яблони и другие плодово-ягодные деревья. Все они были укутаны белоснежным покрывалом цвете-

ния, превращая сад уголок земного рая. Фасад дома, точно был покрыт «зелёным покрывалом» из дикого винограда и поэтому глазу невозможно было оценить всю величину особняка.

Виктория сделала глубокий вдох, она сильно разнервничалась перед встречей с сеньором ди Кальенте. Подойдя к высокой дубовой двери, расписанной позолотой, Виктория остановилась и неуверенно взглянула на Рамиру. В этот момент дверь распахнулась, на пороге стоял мужчина, высокий и худоватый, загорелый, на вид не старше тридцати лет, со светлыми удлинёнными волосами, собранными на затылке в хвост и бездонными голубыми глазами, в которых Виктория мгновенно бы утонула. Она пристально смотрела на него, боясь даже моргнуть. Буквально на секунду они встретились взглядом, но этого хватило, чтобы заставить сердце её биться учащённее. Виктория слегка покраснела, ей вдруг стало неловко за себя, тогда она присела в неглубоком реверансе и слегка дрожащим голосом промолвила:

– Добрый день. Должно быть, Вы сын сеньора ди Кальенте? А где же сам хозяин дома?

Лицо молодого человека коснулся лёгкий румянец, очевидно, ему стало неловко.

– Дорогая Вики, – сказала Рамира, пытаясь выйти из неловкой ситуации, – это и есть сеньор ди Кальенте – Даниэль Орландо ди Кальенте. Мой муж.

Виктория почувствовала, как в горле, что-то сдавило, словно её резко схватили за шею и начали душить, ей стало отчаянно не хватать воздуха. Собрав все силы, она смогла выдавить из себя лишь:

– Очень приятно!

После чего потеряла сознание.

Очнулась Виктория в роскошной спальне на огромной двуспальной кровати с балдахинном. Она осмотрела комнату. Спальня была выполнена в стиле итальянского барокко – белые стены с гобеленами, отделанные золочёной лепниной, витиеватые и сложно переплетённые орнаменты создавали возвышенность и объёмность. Потолок выполнен фресковой росписью, что придавало ему характерную для этого стиля величественность и помпезность. Вся мебель в спальне – два кресла, кровать, прикроватные тумбы и пуф – лакированные светлых оттенков в тон общей отделки, с изогнутыми ножками, богата сложными позолоченными резными элементами. Окно было занавешено массивной портьерой темно-бордового цвета с золочёными окантовками. Виктория встала с кровати и отёрнула её, желая впустить в комнату последние лучи уходящего солнца. За портьерой оказались двустворчатые застеклённые двери, ведущие на балкон. Она открыла тяжёлые ставни, вдохнув полной грудью свежий морской воздух. С балкона перед её взором открывался прекрасный вид на Средиземное море. Стоя у парапета, она вспомнила первую встречу с сеньором ди Кальенте, какая-то злоба охватила её в эту самую секунду

В дверь спальни постучали, Виктория быстро опомнилась, она решила, что должна быть сильной, должна, непременно, справиться со своими эмоциями, которые испытывала от встречи с мужем своей мачехи. Скорее всего, что я почувствовала к сеньору ди Кальенте всего лишь наваждение, – утешала она сама себя, – разве мне ранее приходилось иметь общение с мужчинами и уж тем более со столь благородными юношами?! Дверь в спальню отворилась, на пороге стояла горничная, которую послали справиться о здоровье Виктории и пригласить последнюю к ужину.

Виктория посмотрела на эту маленькую хрупкую темнокожую девушку и спросила:

– Как тебя зовут?

– Малик, сеньорита.

– Ты из Алжира?

Горничная кивнула.

– Сколько тебе лет?

– Пятнадцать, сеньорита.

– Как ты оказалась у сеньора ди Кальенте?

- Сеньор выкупил меня у одного страшного вассала в Барселоне.
- Какой он, сеньор ди Кальенте?
- Сеньор хороший человек.
- Малик, пожалуйста, помоги мне надеть платье, а после я спущусь к ужину.

Виктория достала из саквояжа, купленное в Мадриде платье, лёгкое с кринолином, нежно василькового цвета, по английской моде, с открытым декольте. Волосы Виктория собрала лентой, распустив их часть в свободной причёске. Накинув на плечи лёгкий палантин, она вышла из комнаты следом за горничной. Малик повела её по полутёмному коридору, стены которого украшали картины с пейзажами морских просторов. Перед лестницей, ведущей в гостиную, Виктория остановилась, она на мгновение засомневалась, сможет ли справиться со своим волнением?

– Сеньорита, – точно лезвием ножа пронзил её сердце голос сеньора ди Кальенте, заставив его замереть на мгновение, – Вы прекрасно выглядите! Позвольте, я провожу Вас к столу.

Даниэль в одно мгновение оказался рядом с Викторией и подхватив под руку, повёл вниз по лестнице в зал, где за столом их уже ожидала Рамира, а также неизвестный мужчина с пожилой дамой. Виктория взглянула на мачеху и заметила, что женщина чем-то озадачена.

– Прошу за стол, сеньорита, – сказал Даниэль и помог девушке присесть на стул.

Даниэль сел напротив Виктории, он пристально разглядывал её, будто изучал. Пожилая дама и молодой мужчина, сидевшие за столом рядом с Рамирой, также пристально рассматривали девушку. Под их взором Виктория чувствовала себя будто на торгах, и главный лот – она. Успев отметить для себя, что пожилая дама, скорее всего, хорошо обеспечена, поскольку одета она была по самой последней моде, но при этом совсем не вычурно, а над причёской её работал не один парикмахер, Виктория поспешила опустить голову. Мужчина выглядел значительно моложе и приходился старухе сыном, он был одет в белоснежный камзол коммодора. В целом выглядели они весьма благородно, но не преминули посмотреть на Викторию с некоторым высокомерием.

Тишину прервала Рамира.

– Виктория, позволь представить тебе наших дорогих гостей – донна Франческа Изабелла де Маурисио Торо и её сын коммодор Рикардо Маурисио Торо. Донна Франческа, – обратилась Рамира к пожилой даме, – а это моя дочь Виктория Савьоло Эстебан Севильо.

Донна Франческа кивнула, выражая тем самым своё одобрение. Коммодор встал и подошёл к Викторией. Девушка также встала и присела в неглубокий реверанс. Он взял её слегка дрожащую от волнения руку в свою, и чуть коснулся губами, обратил при этом на лицо Виктории взор своих темно-карих глаз, почти черных, она увидела в них какой-то зловещий огонёк.

– Мне искренне приятно познакомиться с Вами, сеньорита Виктория? – проговорил он бархатистым голосом. – Мне невероятно приятно сегодня видеть столь прекрасную юную особу. Я слышал Вы впервые в наших местах, если позволите, я хотел бы завтра показать Вам окрестности. Не откажете ли Вы мне в чести совершить со мной утреннюю прогулку верхом?

Виктория замешкалась, она не ожидала приглашения от коммодора. Более того, он показался ей слишком надменным и щеголеватым, но отказываться было бы дурным тоном. Неожиданно в разговор вступил Даниэль.

– Коммодор, прошу простить меня за то, что вмешиваюсь, но боюсь, завтра сеньорита Виктория никак не сможет составить Вам компанию на утренней прогулке, поскольку эта честь уже выпала мне.

Виктория в недоумении посмотрела на него.

– О да, простите меня, коммодор, мне так неловко говорить Вам нет. – ответила Виктория, придавая своему тону наигранную огорчённость, но внутри себя она ликовала, что ей не придётся проводить время с этим самодовольным коммодором.

Рикардо, ничего не ответив, сел обратно за стол. Эта ситуация явно задела его самолюбие, поскольку оставшийся вечер он не проронил ни слова. Рамира также сидела молча. Виктория периодически останавливала свой взгляд на мачехе и никак не могла понять, что привлекло в ней Даниэля, этого молодого, полного жизни мужчину. Рамира всегда, сколько её помнила Виктория, была женщиной угрюмой, безрадостной, она как бы проживала свою жизнь и ждала, когда же наступит конец, и казалось, ничто не могло её заинтересовать. При этом Рамира отнюдь не плоха собой, у неё яркая южная внешность, густые длинные черные волосы, чуть затронутые сединой, загорелая ровная кожа и пышная фигура. Сама же Виктория по характеру была полной её противоположностью – живой, любознательной, жаждущей опасности и приключений, она любила рисовать, разбиралась в искусстве и живописи, ей нравились рассказы о доблестных мореплавателях, захватывающие истории о пиратах, романтические оды о рыцарях. В столице Виктория занималась верховой ездой и фехтованием, последнее стало для неё подобно танцу, в котором она, словно летала во время боя. За ужином говорила в основном Виктория, она рассказывала всевозможные истории о своей жизни в Мадриде, о школе, удивительные, захватывающие и такие банально глупые, но которые вызывали умиление.

– Я восхищена тем, как живут в столице, – говорила она, – там совсем другая жизнь, отличная от нашей. Но все же душа моя тяготеет к Маруанасу и Кордобе. Я выросла в тех краях. И мне тоскливо здесь, несмотря на всю красоту здешних мест. Доселе, я видела море лишь на картинах, а моё воображение не раз рисовало его на холсте, безусловно, оно очаровало меня и верно я уже не смогу жить без него.

Даниэль весь вечер не сводил взгляд с Виктории, он внимал каждому её слову. Это не ускользнуло от взора донны Франчески, которая по окончании ужина лукаво отметила:

– Вижу, Даниэль, Вы усомнились в правильности, сделанного вами выбора.

Даниэль несколько не смутился данным замечанием и сделал вид, что не понял, о чем говорит эта старуха.

После этого, донна Франческа со своим сыном покинули особняк ди Кальенте, а Рамира, сославшись на усталость, отправилась в свою спальню, Виктория и Даниэль остались одни в гостиной. Они сидели на диване напротив камина.

– Хотела поблагодарить Вас за то, что сказали «нет» коммодору за меня, право, мне было бы неловко отказывать ему! – проговорила в полголоса Виктория.

Даниэль своей рукой, как бы случайно коснулся руки Виктории.

– Надеюсь, что мне Вы не откажите в утренней прогулке по побережью моря?

Губ Виктории коснулась улыбка, она ничего не ответила, встала и направилась в свою спальню, трепеща от нахлынувших чувств.

– Это да? – крикнул ей в след Даниэль.

Не оборачиваясь, она кивнула.

Когда девушка вошла в свою спальню, её ожидала Рамира, которая сидела в кресле в дальнем углу комнаты.

– Я хотела поговорить с тобой. – сказала она.

Лицо Виктории залил румянец, отчего-то ей стало стыдно за себя, за свои чувства и она уже готова была упасть в ноги Рамиры и просить прощения, но когда Рамира улыбнулась ей, Виктория немного успокоилась, отогнав от себя свои порочные мысли.

– Тебе понравился коммодор? – неожиданно спросила она.

Виктория замешкалась. Она отвернулась от Рамиры, не зная, как ей ответить.

– Я не хочу давить на тебя, – продолжила Рамира, – но тебе пора подумать о замужестве, а коммодор холост, при этом не дура собой, неприлично богат...

Виктория повернулась лицом к мачехе, осознавая, что сегодняшней ужин стал смотрами.

– Не хочу обидеть Вас, маменька, но пока я не готова для замужества, кроме того, это должен быть любимый мне человек.

– Замужество и любовь всегда идут разными дорогами. В наше время нужно думать о своём благосостоянии, а не верить в глупые сказки про любовь.

– Как вы?! – воскликнула Виктория, – Вы ведь вышли замуж не по любви?

Рамира рассмеялась.

– Какая любовь, дитя моё! Даниэль младше меня на пятнадцать лет и, если бы ни его состояние, меня бы осудил весь высший свет, подняли бы на смех. Я любила по-настоящему только твоего отца, он был мужчиной всей моей жизни, всех моих грёз и выходила я за него не из-за положения. Виктория, мне пришлось продать поместье твоего отца только, чтобы как-то выжить и оплачивать твоё обучение в частной школе. А год тому назад в Мадриде на одном из светских раутов, я познакомилась с Даниэлем, он был одиноким юношей с печальными глазами, я очаровала его своей добротой и заботой, и спустя несколько месяцев мы поженились.

Виктория обняла Рамиру.

– Я присмотрюсь к коммодору, – сказала она.

С этими словами Рамира покинула спальню Виктории, пожелав ей спокойной ночи. Всю ночь Виктория думала о разговоре с Рамирой, она понимала, что никогда не сможет проникнуться к коммодору нежными чувствами, но что теперь ей оставалось? Всё решили за неё. Девушка чувствовала себя словно загнанной в клетку, и казалось, выхода из этой клетки уже нет, она заперта.

Глава 3

Наутро, после завтрака, в спальню к Виктории пришла Малик, доложив о том, что сеньор ди Кальенте готов к верховой прогулке и ожидает её внизу. Виктория заулыбалась, она вскочила с кровати, умылась, быстро оделась в костюм для верховой езды и спустилась вниз. В гостиной она столкнулась с Рамирой, женщина осмотрела Викторию и недовольно заметила:

– Ты одета вульгарно! Не подобает молодой леди надевать брюки.

– Маменька, это костюм для верховой езды. В Мадриде некоторые дамы позволяют себе иногда так одеваться для верховых прогулок.

На Виктории были надеты трикотажные брюки светло-кремового цвета, высокие сапоги, удлинённая белая рубашка, а поверх жакет с баской нежно-голубого цвета и позолоченной вышивкой. Волосы Виктория убрала под колпак.

Рамира покачала головой, указав на необходимость взять с собой компаньонку, и направилась в сад. Сзади к Виктории подошёл Даниэль, он подхватил девушку за руку и поздоровался.

– Доброе утро, сеньорита Виктория. Вы выглядите очень современно и по обыкновению прекрасно.

Виктория присела в неглубокий реверанс, после чего проследовала за Даниэлем.

– Лошади запряжены и готовы к прогулке.

Виктория довольно ловко запрыгнула в седло, не дожидаясь помощи Даниэля. Она села в седло по-мужски, вызвав лёгкое недоумение у молодого человека и конюха.

– В школе меня немного обучали верховой езде. – пояснила Виктория, видя недоумение на лицах мужчин.

Даниэль пожал плечами.

Покинув поместье, молодые люди выехали на просёлочную дорогу и прогулочным шагом проследовали в сторону пляжа. Виктория пренебрегла советом Рамиры взять с собой компаньонку, поскольку доселе у неё как таковой её не было, и девушка попросту не понимала значения отовсюду водить за собой прислугу, видела в этом некоторое проявление снобизм, кой был ей не свойственен. Они ехали вдоль леса и любовались зелёными лугами, где отовсюду паслись дикие лошади. Виктория наслаждалась природой и обществом Даниэля, ей не терпелось узнать его ближе, но заговорить с ним первая не решалась. Выехав на песчаный берег моря, Даниэль остановил свою лошадь, Виктория последовала его примеру. Он помог ей выбраться из седла, далее они пошли пешком, прогуливаясь по лазурному берегу Средиземного моря. Виктория сняла сапоги, она очень хотела пройтись босиком по тёплому морскому песку, зайти в море и почувствовать его, ощутить его прикосновения на своей коже. Даниэль внимательно наблюдал за тем, как она бежит по берегу и восхищался её непосредственностью и жизнерадостностью.

– Я всю ночь думал о тебе! – внезапно выкрикнул он.

Виктория остановилась и подошла к молодому человеку, её сердце бешено застучало, она заглянула в его небесно-голубые глаза и вдруг поняла, что чувства, которые она приняла за влюблённость, в действительности оказались лишь её разыгравшимся воображением. Даниэль смотрел на неё с надеждой, а она с разочарованием, уже не чувствуя того волнения, которое испытывала при их первой встрече. Он не был мужчиной её грёз. Даниэль слегка подался вперёд, видимо, желая поцеловать девушку, но Виктория оттолкнула его от себя.

– Так нельзя! – воскликнула она. – Ты связан узами брака с моей маменькой. Ты не должен меня любить, не должен!

Виктория быстро надела сапоги, запрыгнула в седло и галопом погнала лошадь к дому. Вернувшись домой, девушка заперлась в своей спальне, и попросила Малик передать Рамире, что к ужину она не спустится, сославшись на плохое самочувствие.

На следующее утро Виктория встала раньше обычного, она решила отправиться в порт, чтобы немного порисовать и отвлечься от грустных мыслей, которые преследовали её с того момента, как давеча она вернулась с утренней прогулки. Она шла через лес, по широкой тропе, ведущей в город. Солнце почти полностью поднялось из-за горизонта и, пробиваясь сквозь густую чащу леса, оставляло свои блики на изумрудной траве. Природа только просыпалась, птицы весело щебетали на деревьях, купаясь в утренней росе. Виктория полной грудью вдыхала свежий лесной воздух. Спустя примерно четверть часа девушка вышла в город и, несмотря на ранний час, не было ещё и семи утра, народу в городе было много, люди сновали тут и там, ездили повозки. Виктория спросила у какого-то старика дорогу в порт. Он указал ей направление, и она вприпрыжку побежала по небольшой улочке, уходящей вниз к гавани. Виктория весело бежала по каменной дорожке одной из улиц города, держа в руках мольберт и холсты, как вдруг столкнулась с неизвестным мужчиной, выглядевшим он несколько неопрятно. Рубаха, надетая на нём, была порвана на рукаве, брюки испачканы, чем-то похожим на порох, а черные короткие волосы растрёпаны. Кареглазый и загорелый мужчина лет тридцати пяти-сорока, среднего роста, достаточно жилистый, на оголённом плече у него Виктория заметила татуировку в виде паруса. У мужчины был тонкий длинный нос и тонкие губы, а взгляд ей показался хитрым, точно он плут какой-то. Незнакомец улыбнулся Виктории, обнажив пожелтевшие зубы, но это не придавало его образу убогости.

– Простите, мисс, я помогу Вам собрать ваши бумажки. – проговорил он слегка хриплым голосом с выраженным британским акцентом.

– Попрошу Вас, сеньор, это холсты, а не бумажки, как Вы изволили выразиться. – возмутилась девушка, и стала собирать с земли холсты и кисти, которые разлетелись от столкновения с незнакомцем.

– Ещё раз простите! И все же позвольте помочь.

Он присел на корточки рядом с девушкой и протянул ей кисть, она взяла ее, тогда мужчина слегка коснулся её руки и снова улыбнулся.

– Меня зовут Джек! – представился он.

– Вы англичанин! – воскликнула она.

Джек прикрыл ей рот своей грязной ладонью.

– Тише, мисс! Право, сейчас сбегутся все гвардейцы, чтобы повесить меня.

Виктория пристально посмотрела на него.

– Вы корсар? – прошептала она.

– Корсар, пират, называйте, как хотите. Капитан Джек Бишоп, к вашим услугам.

– У вас и корабль есть, капитан? – с ухмылкой спросила Виктория.

– Весьма вероятно, что где-то есть. Простите, мисс, но я должен Вас покинуть, ненадолго.

Но мы непременно встретимся снова!

С этими словами он снял шляпу, отвесил ей низкий поклон и в мгновение скрылся между невысокими домами. Виктория в задумчивости направилась к причалу. Встреча с корсаром несколько сбила её с толку, она так и не смогла сосредоточиться на живописи, немного постояв на причале, решила вернуться домой.

Однако домой Виктория вернулась лишь к ужину, девушка решила совершить прогулку к утёсу и немного заблудилась в густой чаще леса. Несмотря на то, что она покинула особняк одна, не поставив никого в известность, и пропадала весь день, Рамира встретила её с улыбкой на лице, даже не спросив, где же ходила столько времени её падчерица.

– Вики, дорогая, сегодня у нас не просто ужин. Ступай, переоденься в выходное платье и скорее спускайся к ужину.

Виктория поклонилась и направилась в свою спальню. Малик уже ожидала её, она помогла девушке затянуть корсет и надеть роскошное платье золотистого цвета с длинным

шлейфом. Служанка причесала Викторию и уложила её волосы в высокую элегантную причёску, украсив заколками с восковыми цветами и драгоценными камнями.

– Малик, право, у тебя золотые руки. – похвалила Виктория служанку.

Малик поклонилась, после чего проводила Викторию в зал, где её уже ожидали за ужином. В гости к ди Кальенте снова приехала донна Франческа и её сын. Виктория омрачилась, она вспомнила о разговоре, который у неё состоялся с Рамирой после последнего визита коммодора и его матери.

– Сеньорита Виктория сегодня просто неотразима! – сказала донна Франческа.

– Добрый вечер, сеньорита, – вставая со своего места, поздоровался коммодор и нежно поцеловал её руку.

Виктория натянула улыбку, присела в неглубоком реверансе и расположилась за столом рядом с Рамирой и Франческой, а коммодор с Даниэль сидели напротив них.

– Не будем долго обмениваться любезностями, – начала донна Франческа, – перейдём сразу к сути сегодняшнего вечера. – Сеньора ди Кальенте, как Вы относитесь к тому, чтобы свадьбу сыграть в будущую субботу?

– О какой свадьбе идёт речь?! – в ужасе воскликнула Виктория.

– О Вашей, милочка. – спокойно ответила донна Франческа.

Виктория почувствовала, что ей не хватает воздуха, корсет был, точно перетянут и сдавливал её грудную клетку, не давая сделать вдох. Она вскочила из-за стола, опрокинув тяжёлый деревянный стул, и выбежала в сад, буквально разрывая на себе платье, пытаясь при этом растегнуть корсет. Следом за ней в сад выбежал Даниэль. Он обнял девушку, желая тем самым успокоить её. В этот момент на Викторию нахлынули необъяснимые ей самой чувства к нему, она неожиданно для самой себя захотела его поцеловать, точно этот поцелуй мог стать для неё спасительным кругом, последней надеждой на спасение. В эту же секунду она чуть коснулась своими губами его губ, но в это же самое мгновение отпрянула, почувствовав, словно его губы обожгли её. Опомившись, она со всех ног бросилась бежать в свою спальню. Прорывав полночь в подушку, Виктория всё же пыталась найти выход из этой ситуации, ровно через пять дней состоится её свадьба с коммодором, с человеком, которого она не любила, более того испытывала к нему неприятные чувства. Вот было бы неплохо вновь встретить Джека! – вдруг подумала она про себя. – Я могла бы сбежать с ним. Ей казалось очевидным, сама судьба послала ей на пути этого случайного человека, который, как она полагала, также оказался случайно в этих краях и надолго здесь не задержится. Он мог бы стать для меня прекрасным сообщником. – мысленно рассуждала она. Побег – вот путь моего спасения, это единственное, что мне осталось. Ведь если совсем ничего не делать – это значит сдаться? Я не готова опустить руки. Я буду биться, куда бьётся сердце в груди моей!

Наутро Виктория спустилась к завтраку. Девушка решила пройти в кабинет, в надежде застать там Даниэля, желая принести ему извинения за своё поведение прошедшим вечером. Приблизившись к двери кабинета, она услышала знакомый ей голос донны Франчески. Дверь была слегка приоткрыта, поэтому Виктория могла хорошо слышать, о чём идёт разговор.

– ...я понимаю, что дала вам не так много времени, но мы более ждать не можем, – говорила донна Франческа.

– Донна Франческа, Вы тоже поймите меня, Виктория не родная мне дочь, и я не могу просто приказать ей выйти замуж за Вашего сына, – вторым собеседником оказалась Рамира, – я делаю все от меня зависящее.

– Значит, делаете мало! – резко ответила донна Франческа. – Хочу напомнить Вам, сеньора ди Кальенте, кто я, и что я могу сделать в случае, если сделка, которую Вы заключили со мной, не будет Вами исполнена. В Барселоне Вы обратились ко мне с просьбой, я её исполнила. Тогда же Вы убедили меня, что Ваша падчерица сумеет привести моего сына к намеченной цели. Настал Ваш черед исполнить свои обязательства передо мной.

– Мне нужно ещё немного времени, я должна войти в доверие к Виктории и убедить её выйти замуж по доброй воле...

Донна Франческа оборвала её на полу слове.

– Я не дам Вам ни одной лишней минуты! Вы же знаете, что мой сын может просто бросить Вас в темницу, которая станет Вашей последней точкой в этом мире. Подумайте об этом, Рамира.

– Прошу вас, не нужно идти на такие крайние меры, кроме того, я не утверждала, Виктория может знать о судьбе «Молниеносного». Мой муж был очень скрытным, он даже со мной не делился относительно своего прошлого и уж тем более этого корабля.

– В субботу мой сын женится на Вашей дочери, после чего они отплывут на Ямайку, где Виктория непременно приведёт моего сына к «Молниеносному». Справедливость восторжествует, и Вуд будет покорен!

– Послушайте, донна Франческа, Виктории ничего неизвестно о фамилии Вуд, так или иначе, завтра приезжает Рикарда, я писала ей письмо, объяснила необходимость замужества Виктории финансовыми трудностями. Думаю, она сможет повлиять на решение Виктории о свадьбе с Вашим сыном. Но боюсь, что может возникнуть ещё одна проблема – мой муж.

– Да, я заметила, что он симпатизирует Вашей дочери, что не совсем входило в наши планы. Оставьте это мне, завтра же проблема будет решена.

– Что вы собираетесь делать? – с ужасом спросила Рамира.

– Скажем так, завтра Вы можете объявить себя вдовой.

Услышав это, Виктория вздрогнула.

– Господь с Вами, донна Франческа! – прошептала Рамира. – Неужели Вы готовы пойти на убийство ради корабля?

Донна Франческа рассмеялась.

– Что вы, разве я похожа на душегуба?! Коммодор бросит его в одну из темниц нашей замечательной тюрьмы, где он проведёт остаток жизни.

На этом донна Франческа стала прощаться с Рамирой, а Виктория в ужасе побежала в спальню к Даниэлю, чтобы предупредить его о надвигающейся опасности. Но в спальне Даниэля не оказалось, тогда девушка побежала в конюшню. Конюх сказал ей, что Даниэль запряг лошадь рано утром и уехал. Виктория опустилась на землю, она не знала, как поступить, она должна была спасти Даниэля, ведь именно по её вине, он окажется в тюрьме. Виктория встала и пошла в дом, на пороге она столкнулась с донной Франческой, ей хотелось кричать, что она всё об их заговоре с Рамирой, но понимала, если она так сделает, крах неминуем для всех.

– Доброе утро, донна де Маурисио Торо! – поздоровалась Виктория, пытаясь скрыть своё недоброжелательное отношение к этой старухе.

Донна Франческа лишь улыбнулась ей в ответ, после чего покинула особняк.

Весь оставшийся день Виктория провела в своей спальне, полная решимости совершить побег до субботы. Она пыталась разработать дельный план, как покинуть Испанию и добраться до Ямайки, которая стала её целью. Подслушанный разговор заинтриговал её, Виктория желала узнать всю правду о «Молниеносном» и главное, почему этот корабль был так необходим коммодору? Не менее остро её волновал и вопрос о том, какое отношение она имеет к фамилии Вуд? Отчего донна Франческа с такой ненавистью в голосе произносила её? Единственным, что ясно осознавала девушка, так это, что она нужна донне Франческе и её сыну для достижения ими каких-то своих неблагородных целей. Среди ночи Виктория проснулась, вспомнив о Джеке, он показался ей готовым на авантюру. Решив с самого утра отправиться в город, чтобы найти его, Виктория вновь погрузилась в сон.

Глава 4

Однако наутро в поместье ди Кальенте приехала Рикарда, которую Виктория встретила на пороге дома, собираясь на поиски пирата.

– Бабуля, я так рада, что Вы все-таки приехали! – радостно восклицала Виктория, обнимая Рикарду, которую не видела более восьми. – Мне нужно столько Вам рассказать!

Рикарда также не скрывала радости от встречи с внучкой и крепко сжала последнюю в своих объятиях, осыпая поцелуями её нежное личико. Виктория, вся в нетерпении, с трудом, ожидая окончания чаепития, которое устроила Рамира в честь приезда бабули и, не желая больше ждать, позвала Рикарду в свою спальню, чтобы поговорить наедине и задать ей все мучающие её вопросы.

– Бабушка, я хочу с Вами поговорить о моем отце, – начала Виктория, буквально с порога, закрывая за собой дверь в спальню. – Прошу, скажите, что связывало его с кораблём «Молниеносный»? и Что это вообще за корабль?

Рикарда покраснела и засуетилась, тщетно перебирая пальцами кружева на подоле своего тёмного платья. Вопрос Виктории стал для неё неожиданностью, точно гром среди ясного неба, ей казалось, что история эта давно похоронена с отцом девушки.

– Не понимаю, о чем ты говоришь... – попыталась выглядеть изумлённой бабуля.

Виктория посмотрела на Рикарду испытывающим взглядом, требующим дать ответ на её вопрос. Старушка сдалась, решив, что, видимо, настало время поведать внучке всю правду и она начала свой рассказ:

– Корабль «Молниеносный» – это всего лишь часть всей большой истории, которую я поведаю тебе. Давно нужно было сделать это, ты должна знать правду, но, клянусь, что я не рассказывала тебе об этом лишь из благих намерений. Я и подумать не могла, что Рамира или уж тем более ты, когда-нибудь пересечётесь с семьёй де Маурисио Торо. Я расскажу тебе всё, что мне известно.

Мой муж – твой дед Родригес Эстебан Севильо был мореплавателем. Он владел небольшим галеоном, перевозил на нем золото и серебро от южного побережья Испании на север. Однажды Родригесу предложили за хорошее вознаграждение перевести большие запасы золота, серебра и драгоценных камней на Антильские острова, тогда они ещё были колонией Испанского королевства. Мой муж согласился на это сомнительное мероприятие, ведь в те годы в Карибском море активно промышляли пираты. Страшное случилось. Близ берегов Антильских островов на галеон Родригеса напали пираты. Шансов у команды Родригеса не было, их корабль хоть и был оснащён десятью пушками, но опыта ведения морского боя ни у кого не оказалось. Галеон был захвачен за двенадцать минут. Пираты сгрузили все золото, серебро и драгоценные камни, оставшихся членов команды Родригеса и его самого взяли в плен, в надежде потом получить выкуп или, в крайнем случае, продать в рабство на Кубу. Галеон затопили. Пираты отмечали свою добычу всю ночь, а на утро близ берегов Ямайки они встретились с английским флагманом под командованием коммодора Джеймса Вуда. Английский флагман щепки на щепку не оставил от пиратского судна. Пленных испанцев англичане взяли на свой корабль и пообещали передать в ближайшую испанскую колонию. Но этому не суждено было случиться. Флагман попадает в сильнейший шторм, теряет одну из мачт, сбивается с курса и выходит в воды Атлантического океана. Коммодор Джеймс Вуд, увидев остров, сквозь густой туман, решает пришвартоваться близ его берегов, дабы пополнить запасы воды. Заплыв в густой туман сильные волны разбивают корабль об острые рифы. Уцелеть удалось немногим, среди них коммодор Джеймс Вуд, его десятилетний сын Ричард Вуд, мой муж Родригес. Они успели сбросить шлюпку на воду и уплыть к берегам таинственного острова. Но стоило им ступить на берег, как они подверглись нападению местного населения. Родригес и Ричард

Вуд, оставшиеся в шлюпке, в спешке покинули остров. Выйдя в открытый океан, им посчастливилось встретиться с испанским военным кораблём. Их подняли на борт и спустя несколько месяцев мой муж, наконец, вернулся домой... вместе с мальчиком – Ричардом Вудом. После рождения Мануэлы, Господь больше не послал нам с Родригесом детей, и Ричард заменил нам сына. Родригес души не чаял в мальчугане. Он дал ему свою фамилию, и новое имя – Савьоло.

Виктория была потрясена услышанным. Всё во, что она верила, принимала за истину, вся её жизнь в одночасье оказалась вовсе не её жизнью, всё разлетелось на мелкие части. В голове звучал лишь один вопрос: Кто же я?

– А Джеймс Вуд, он выжил? – едва слышно спросила Виктория.

– Впоследствии Родригес узнал, что Джеймсу Вуду чудом удалось спастись с того проклятого острова и он вернулся в Англию. Король позже за проявленную им доблесть назначил его генерал-губернатором Ямайки, коим он является по сей день, я думаю.

Виктория достала из-под одежды медальон, который носила на шее с тех пор, как отец передал ей его. Это была небольшая золотая монета с изображением трёх обращённых друг к другу утёсов, а на обороте гравировка «RW». Рикарда взглянула на медальон и сказала:

– Эта монета была в кармане Савьоло, когда Родригес привёл его к нам домой впервые. Позже он сделал из него медальон и эту гравировку «RW» – «Richard Wood».

– Мой отец имел отношение к кораблю «Молниеносный»? – спросила Виктория.

– В сущности, нет. Это один из пяти флагманских кораблей испанской эскадры, которой командовал коммодор Маурисио Торо, отец Рикардо. Английский флот испокон веков считался самым мощным и непобедимым, но многое изменилось, когда в строю испанских кораблей появился «Молниеносный», мало того, что он быстроходный, манёвренный, так он ещё и грозный, на нем были установлены трёхъярусные ударные палубы с пушками, стрелявшими тремя трёхфунтовыми ядрами одновременно. Английские флотилии терпели поражение одна за другой. Но предприимчивый Джеймс Вуд не желал мириться с таким положением вещей. Он организовал тайную экспедицию, в ходе которой реквизировал «Молниеносный». При этом в бою за корабль он смертельно ранил отца Рикардо. Последний поклялся отомстить Джеймсу Вуду за его смерть, а заодно и вернуть корабль. Тогда коммодору не было и пятнадцати, а корабль, по всей видимости, до сих находится у англичан, служа им в водах Карибского моря на острове Ямайка.

Только теперь Виктория поняла, что ей пытался перед смертью сказать отец.

– Дорогая, я не хочу, чтобы ты выходила замуж за коммодора и уж тем более делала это против своей воли. Боюсь, что он попытается использовать тебя в своих корыстных целях. – сказала Рикарда.

Виктория кивнула и рассказала ей о подслушанном ею разговоре донны Франчески и Рамиры, а также о своём желании бежать отсюда. Рикарда благословила девушку, после чего покинула её спальню. Виктория накинула на плечи шёлковый платок и направилась в город на поиски Джека.

Весь день она пробежала по городу, спрашивала прохожих, заходила в кабаки и таверны, но никто не видел никого похожего на Джека. Виктория отчаялась. Даниэль, скорее всего, уже находился в темнице, Джек буквально был последней её надеждой на спасение. Вечером не в силах больше думать обо всех ставших известными ей событиях, Виктория переоделась в сорочку и измотанная безрезультатными поисками пирата, легла спать. Но не успела она задремать, как услышала какой-то шорох на балконе, взяв в руку лучину и на цыпочках подкравшись к оконной створке, она распахнула её, увидев перед собой Джека, он стоял на балконе и курил сигару. От неожиданности Виктория вскрикнула и уронила лучину на пол, она потухла, погрузив комнату в темноту, озаряемую лишь тусклым светом небольшого диска луны, сиявшего высоко в небе. Джек быстро затушил сигару и через приоткрытую балконную

дверь ворвался в спальню, закрывая Виктории рот рукой, чтобы на её крики не сбежалось пол дома.

– Вы искали меня, сеньорита! – прошептал он ей на ухо.

Виктория кивнула, тогда Джек отпустил её. Он вновь зажёл лучину, комната залилась тусклым светом. И тут Виктория поняла, что стоит перед ним в одной сорочке, кровь прилила к лицу. Пытаясь скрыть наготу, она схватила с кровати одеяло и прижала к себе.

– Не стоит прятать столь сладкий для глаз образ. – проговорил Джек, пристально оглядывая Викторию, усаживаясь в одно из кресел.

– Прекрати на меня смотреть! – грозно приказала она.

Джек сел в кресло у окна, и закинув ногу на ногу со всем вниманием уставился на Викторию, давая понять, что готов выслушать её.

Она присела на край кровати.

– Джек, мне нужна твоя помощь! – Виктория обратилась к нему на «ты» совершенно неосознанно, будто он был её давнишним знакомым. – Я должна бежать отсюда и как можно скорее! В субботу меня выдадут замуж против моей воли!

Джек как-то не двусмысленно улыбнулся, но продолжал молчать, очевидно, ожидая продолжения рассказа Виктории.

– Я хочу уплыть на Ямайку! Ты сможешь мне?

– Во-первых, почему на Ямайку? Хотя впрочем, не важно. И во-вторых, боюсь, что я держу курс несколько в ином направлении. Тебе стоит поискать другого спасителя, а я не по этой части!

Он хотел было встать, но она опередила его, вскочила на ноги и подбежала, усаживая обратно в кресло, вновь забыв о том, что стоит перед ним в одной сорочке, но это уже её нисколько не волновало.

– Я не прошу спасти меня! – возмутилась Виктория. – Я прошу тебя о помощи! Послушай, я расскажу тебе свою историю, ты не можешь отказать мне в помощи!

И она вкратце поведала ему всё, что произошло с ней после возвращения из школы, в том числе и историю, рассказанную ей бабушкой.

Выслушав Викторию, Джек в задумчивости потёр свою коротенькую чёрную бородку. Значит этот старый пройдоха, Вуд, все-таки был на том острове! Он знает, где его искать. – размышлял про себя пират. – Это мне несказанно повезло!

– Напомни мне своё имя... – пробормотал он.

– Виктория.

– Да-да, а фамилия?

– Савьоло Эстебан Севильо, хотя в свете того, что мне рассказала моя бабушка, видимо, Вуд.

– Виктория Вуд, Вуд, Вуд... – бормотал он себе под нос. – Я помогу тебе, Виктория Вуд! – неожиданно заявил Джек. – Но мне нужен план. О! Кажется, он только что появился в моей голове. Завтра ровно в 7 утра на пристани, не опоздай!

Джек собрался было уходить, но Виктория остановила его.

– А как же Даниэль, он в тюрьме из-за меня!

– Что мне до ваших дел сердечных...

– Ты не понимаешь, он попал в тюрьму не за что, по моей вине! Я не могу его оставить.

– Хорошо, я решу эту и проблему. Завтра в 7 на пристани!

С этими словами Джек вышел на балкон, скрывшись в темноте.

Всю ночь Виктория не могла сомкнуть глаз, она сильно волновалась, перед предстоящей авантюрой, можно ли доверять Джеку? Как-то быстро он передумал и согласился помочь мне, – рассуждала она. – В чем же его выгода или он настолько благороден? Виктория, конечно, не верила в его благородство, если он действительно был пиратом, то во всем этом скрывался

какой-то очень большой подвох. Но у неё не было выбора, она должна была бежать сегодня или никогда. Пусть Джек ищет в этом свою выгоду, а я получу свою – заключила она.

Особняк ди Кальенте Виктория покинула на рассвете, прихватив с собой лишь одну из шпак Даниэля. Девушка надела костюм для верховой езды, а волосы убрала под широкополую шляпу, частично скрывая под ней и лицо. На пристань она пришла, ещё не было и шести утра. Сев на небольшую деревянную скамейку, и надвинув шляпу на глаза, девушка задремала. Её разбудил сильный толчок в плечо. Открыв глаза, она увидела перед собой высокого мужчину с неестественной чёрной густой бородой, в шляпе.

– Работа нужна, юнец? – проговорил он сильно знакомым голосом.

Виктория присмотрелась к нему и под всем этим маскарадом узнала Даниэля. Она не смогла сдержать радости и бросилась ему на шею.

– Как же я рада, что ты жив! – воскликнула она.

Тут же появился Джек.

– Ты разоблачишь всю нашу компанию, – недовольно сказал он.

Виктория извинилась и отстранилась от Даниэля.

– Какой план, Джек? – спросила она.

– Видишь вон тот фрегат, в пятидесяти ярдах от берега? – он указал на большой военный корабль со спущенными белыми парусами. – Мы его реквизируем.

Виктория и Даниэль в недоумении посмотрели на Джека.

– Ты сошёл с ума. Это очевидно. – резюмировала Виктория. – Угнать целый фрегат... Это невозможно.

– Все возможно, при наличии достаточной смекалки, – ответил Джек, – а у меня её в избытке. Слушаем меня. Мы вплавь доберёмся до судна, а дальше по наитию.

– Гениальный план! – воскликнул Даниэль. – Особенно та его часть, где по наитию. Как только дозорный нас заметит...

Джек не дал ему закончить, он достал три трубки для подводной рыбалки и дал по одной Виктории и Даниэлю.

– Вы когда-нибудь охотились на рыб под водой? – спросил он.

Виктория улыбнулась, её захлестнул азарт и поддалась ему, восхищаясь тем, с какой лёгкостью Джек находит решения даже из самых сложных ситуаций. Так они втроем сняли сапоги и шляпы, вошли в немного прохладную воду и поплыли к фрегату. Ярдов за десять Джек командовал погружаться. Виктория, несмотря на то, что выросла далеко от моря, умела хорошо плавать. Каждые выходные отец водил её на небольшое лесное озеро, где обучил этому мастерству. Подплыв к борту фрегата, молодые люди вынырнули на поверхность.

– И что дальше, Джек? – шёпотом спросил Даниэль.

Джек услышал приближающиеся шаги караульных, которые патрулировали палубу фрегата.

– Даниэль, я и Виктория попробуем подняться на палубу. Как только мы начнём подниматься по верёвочному трапу, вынырнешь и полезешь за нами. – прошептал Джек.

Даниэль осмотрелся.

– Что-то я не вижу здесь никакого верёвочного трапа, – ехидно заметил он.

Джек свистнул и рукой командовал Даниэлю погружаться, молодой человек тут же скрылся под водой. Двое караульных через борт посмотрели вниз, один из них крикнул Джеку:

– Кто вы, сеньор? И что вы здесь делаете? Это военный фрегат!

Караульные наставили на Джека и Викторию аркебузы. Джек замахал руками.

– Прошу, сеньор, не стреляйте! Я и моя жена занимались подводной рыбалкой, нас течением отбросило от берега! Моя дорогая супруга плохо плавает. Говорил я ей оставайся на берегу, но вы же знаете женщин! Прошу, сеньор, нам нужна ваша помощь, бросьте нам трап!

Караульные переглянулись, они понимали, что молодые люди могут утонуть, но и на борт они не могли их так просто поднять.

– Прошу, сеньор, у меня отказывают ноги! – взмолилась Виктория, подхватив идею Джека.

– Я сброшу вам спасательный круг! – крикнул один из караульных.

Виктория, понимая, что план Джека вот-вот сорвётся, начала изображать тонущую, она то уходила под воду, то всплывала, а Джек подхватив настрой Виктории ударился в панику. Он кричал, делая вид, что не знает, как помочь жене.

С дозорной мачты раздался крик дозорного: «У нас люди за бортом тонут! Сделайте что-нибудь!»

Тогда один из караульных снял с себя обмундирование и прыгнул в воду, тут же подхватывая Викторию под руки, не давая ей уйти под воду, а второй караульный сбросил в это время трап. Оказавшись на борту, Джек не стал терять время. Одним ловким движением он выхватил из-за пояса караульного его шпагу и наставил на него. Второй караульный схватил свою аркебузу и направил на Викторию.

– Сеньор, бросьте шпагу! – скомандовал он. – Или я выстрелю.

– А мне все равно! – сказал Джек. – Я её знаю второй день.

Виктория бросила на него злобный взгляд, большего она могла ожидать от пирата. К этому времени на палубу взобрался Даниэль. Он подкрался сзади к караульному с аркебузой и с силой ударил его обухом своей шпаги по затылку. Караульный зашатался, и в этот момент Виктория выхватила у него из рук аркебузу, наставив на него. Даниэль бросился к дозорному, который в это время уже успел заметить происходящее на палубе и пытался подать сигнал на берег. Ловко поднявшись на дозорный мост, Даниэль в борьбе сбросил караульного в воду.

– Господа, – начал Джек, – что вы предпочитаете умереть здесь на палубе или попытаться спастись, бросившись в воду?

– У вас все равно не получится реквизировать столь большой корабль вдвоём и с девчонкой! – резко ответил один из караульных, взглядом указывая при этом на Викторию.

– О, это мы ещё посмотрим! – воскликнул Джек и ударил караульного шпагой, проткнув ему грудь.

Караульный в предсмертной агонии опустился на палубу, держась за место ранения. Виктория пришла в ужас от того с какой легкостью Джек смог убить человека. Она посмотрела в глаза этого молодого парня и увидела в них ужас, он понимал, что вот-вот умрет.

– Что ты наделал?! – воскликнула Виктория.

Она подскочила к караульному и попыталась ему помочь, пережимая рану, но кровь сочилась из неё, молодой человек захрипел, схватил Викторию за руку и с силой сжал её, ещё несколько секунд он пребывал в предсмертной агонии, после чего его тело обмякло. Второй караульный предпочёл броситься за борт.

– Вставай! – резко закричал Джек Виктории, – Нет времени оплакивать этого бедолагу! Даниэль! Трави шкоты! Ляжем в бейдевинд! Нужно поймать попутный ветер иначе не уйдём!

Даниэль занялся бегучим такелажем парусов, а Джек поднялся на ют к штурвалу, взяв управление судном на себя. Когда паруса на всех мачтах раскрылись, фрегат «Надежда» на полном ходу стал отдаляться от берегов Бадалоны.

Коммодор, узнав о произошедшем, немедленно направился в особняк ди Кальенте. Он хотел лично удостовериться, что девица, которая участвовала в хищении его фрегата – Виктория. Тем временем в особняке ди Кальенте Рамира стала переживать из-за отсутствия Виктории. Девушку никто не видел с вечера. Сперва она решила, что Виктория отправилась заниматься живописью, но мольберт её лежал в спальне не тронутым. Рамира сидела на террасе, когда к дому на лошадях подъехали коммодор и трое гвардейцев.

– Сеньора, – грозно начал он, – я желаю видеть Вашу дочь. Это возможно?

Рамира испугалась, она заметила, что коммодор сильно озлоблен, очевидно произошло нечто трагически ужасное, то, в чём могла быть замешана Виктория.

– Боюсь, коммодор, что моей дочери сейчас нет дома, но я уверена, что она вернётся с минуты на минуту, – проговорила она.

На террасе появилась Рикарда.

– Не вернётся! – сказала она, надменно глядя коммодору в глаза.

Рамира с ужасом посмотрела на Рикарду.

– Что Вы такое говорите?!

– Виктория никогда больше не вернётся в Испанию! – ответила Рикарда, после чего покинула террасу.

– Арестовать! – отдал приказ коммодор своим гвардейцам, которые схватили Рамиру. – Вы же понимаете, сеньора ди Кальенте, что это Вам так с рук не сойдёт. Вы сгниёте за решёткой, и молитесь Господа, чтобы он прибрал Вас к себе, как можно скорее.

С этими словами коммодор взобрался на коня и покинул особняк ди Кальенте. Позже он узнал о том, что Даниэль ди Кальенте бежал из тюрьмы. В этот же день коммодор отправился в Барселону, чтобы организовать экспедицию и пуститься вдогонку за Викторией, Даниэлем и третьим неизвестным преступником.

Глава 5

В это же самое время фрегат «Надежда» на полном ходу вышел в открытое море. Джек находился у штурвала, держа курс в Атлантический океан, он хотел вернуться на Антильские острова, где собирался воссоединить свою команду, чтобы вновь стать грозой Карибского моря, тем более, что теперь в его распоряжении находился мощнейший военный фрегат. Истинные же намерения Джека скрывались гораздо глубже. Он не желал снова возвращаться к пиратству, но и просто сидеть на берегу, ведя смиренный образ жизни, позволить себе не мог. Джека всю жизнь манили морские приключения. Некогда молодой офицер военно-морского флота Великобритании, Джек не мог усидеть на месте. Родился и вырос Джек в Саутгемптоне в семье рабочего судостроительного завода. С детства Джек любил все морское, увлекался судостроением, планированием, судовождением и мореплаванием. Едва Джеку исполнилось пятнадцать лет, он поступил на службу юнгой на военный фрегат среднего звена «Олимпия». Первые пять лет Джек выполнял черновую работу, но смог себя проявить в одном из сражений в водах Атлантического океана близ берегов Португалии. Он показал недюжинную смекалку и умение пользоваться шпагой. Тогда молодого человека назначили помощником оружейника. Но Джек не желал останавливаться на достигнутом, в каждом сражении, он проявлял себя героически и мужественно, чуть ли не бросался в самое пекло боя. Капитан корабля не мог не отметить старания юноши и по исполнению Джеку двадцати пяти лет назначил его исполняющим обязанности лейтенанта корабля. Однако Джек остался недовольным таким продвижением по службе, ведь лейтенантом корабля был юноша на пять лет младше его. Когда фрегат «Олимпия» перебросили во флотилию на остров Ямайка в Порт-Антонио, Джек начал вести разгульный образ жизни, нередко выходил на службу в нетрезвом виде. Вскоре Джек и вовсе пристрастился к рому, он мог позволить себе напиваться во время несения службы, находясь в открытом море. Капитан неоднократно делал замечания Джеку и предупреждал последнего о том, что он может быть изгнан со службы. Но Джеку, казалось, все было ни по чем. Однажды неся ночное дежурство на борту фрегата «Олимпия», Джек в очередной раз напился рома и уснул на капитанском мостике. В эту ночь на Порт-Антонио совершили вооружённое нападение пиратские корабли под командованием грозного капитана Диего Сальваторе Альвареса. Поскольку Джек был пьян, он не смог отдавать адекватные приказы команде, вместо этого, попросту сбежал с корабля. Наутро Джека арестовали по приказу капитана и передали под трибунал. Было принято решение отправить Джека на каторгу на плантации сахарного тростника, до решения высшего командования о возможном помиловании. Джек не стал полагаться на судьбу и дожидаться помилования, отработав на плантациях с месяц, сбежал на остров Тортуга, где связался с пиратом по имени Генри Уивер. Вместе они набрали небольшую команду из семидесяти шести отъявленных бандитов и реквизировали небольшой галеон у берегов Кубы. После смерти Генри Уивера, Джек самопровозгласил себя капитаном «Жозефины», так назывался угнанный ими галеон, и продолжил бороздить морские просторы, нависаясь на малозащищённых торговых судах. Но однажды Джеку не посчастливилось, совершая со своей командой очередное дерзкое разбойное нападение на торговое судно близ берегов Барбадоса, он столкнулся с английским флагманским кораблём. Джек, понимая, что не в силах дать бой военному кораблю, решил пуститься в бега. Английский флагман преследовал его до самых берегов Венесуэлы, где полностью разгромил галеон «Жозефина». Большая часть команды спаслась и скрылась в густых джунглях Венесуэлы, в том числе и Джек. После этого Джек не смог вновь воссоединить команду и подбить их на новые «подвиги». Незадолго до произошедшего Джек узнал легенду об Острове Трёхглавой горы, на котором якобы спрятаны несметные богатства. Собрав дюжину слухов со всех островов, где он бывал, ему удалось выяснить, что остров этот в действительности существует, и что есть человек, который знает, где

этот остров искать. Джеймс Вуд – генерал-губернатор Ямайки. Джек также узнал о том, что Джеймс Вуд вот уже много лет разыскивает своего сына, потерянного на том острове. По тем слухам, что дошли до пирата, сын губернатора находится в Испании. На небольшом торговом судне он отплыл в Бадалону, откуда и намеревался начать поиски сына Джеймса Вуд. По невероятной случайности на пути ему подвернулась Виктория, из рассказа которой Джек сделал вывод, что она приходится губернатору Ямайки внучкой.

Виктория и Даниэль сидели на опердек-палубе. Девушка все ещё сильно переживала из-за убийства, совершенного Джеком, это заметил Даниэль и попытался её успокоить.

– Вики, постарайся не думать о произошедшем. – сказал он. Он взял её руку в свои ладони. – Джек всего лишь бандит для него убийство – это естественно.

– Да... – вздохнула Виктория. – Что намерен делать дальше, Даниэль? Куда отправишься?

Даниэль задумался. Он и сам пока не знал ответы на эти вопросы, которые периодически всплывали в его голове. Кроме того, у него совсем не было денег. Но одно он знал точно, он не хотел расставаться с Викторией.

– Я надеялся, что дальше мы сможем продолжить наш путь вместе.

– Даниэль, у меня своя судьба, у тебя своя.

Виктория взглянула в сторону Джека. Что-то привлекало её в этом бездушном на первый взгляд человеке, он казался ей полным загадочности. Но он не был её целью. Девушка очень хотела найти своего деда, а для этого ей нужен был Джек. Виктория понимала, что и она для чего-то была нужна Джеку. Она решила выяснить это, для чего встала и решительно направилась к нему.

Подойдя к Джеку, Виктория решила начать разговор издали:

– Коммодор, наверное, бросился за нами в погоню.

– Не думаю, в Бадалоне у него более нет кораблей, способных догнать этот. Скорее он отправится в Барселону, а это день пути. Поэтому у нас есть достаточно форы, лишь бы не сбиться с курса и не попасть в воды Британской империи.

– Куда держим путь, капитан? – с ухмылкой спросила Виктория.

– К Антильским островам.

Виктория нахмурилась, она надеялась скорее попасть на Ямайку, о чем прямо сказала Джеку.

– А я должен попасть на Антильские острова, там осталась моя команда, без них я никуда не поплыву. – резко ответил Джек. – И вообще не место женщине на палубе, ступай в каюту!

– Джек, мне нужно поговорить с тобой.

– Я сказал, ступай в каюту! Позже поговорим.

Виктории ничего не оставалось, как послушать его. Девушка отправилась в капитанскую каюту. Это было роскошное помещение, с большой двуспальной кроватью и удобными мягкими креслами, в углу каюты стоял большой стол из массивного лакированного дерева, на котором лежало много бумаг и морских карт. Виктория села в одно из мягких кресел, обитых велюровой тканью и незаметно для себя задремала. Проснувшись она от прикосновения чей-то руки. Открыв глаза, она увидела перед собой Джека. Он нежно провёл своей рукой по её щеке.

– Что ты делаешь? – удивлённо спросила она, продолжая неподвижно сидеть в кресле.

– Смотрю как ты спишь, во сне ты кажешься ещё более прекрасной. – ответил он.

Виктория почувствовала резкий запах алкоголя, исходивший от него, она бросила взгляд на стол и увидела полупустую бутылку рома.

– Ты пьян! – она оттолкнула Джека и встала.

– И что с того?! Ты выпей тоже. – он протянул ей початую бутылку рома.

Девушка отвернулась. Ей не хватало только общения с пьяным пиратом.

– Ты хотела поговорить со мной, – сказал Джек и сел в кресло, – я внимаю Вам, мисс.

– Когда я рассказала тебе историю о себе, тебя она заинтересовала и ты согласился помочь мне. В чем причина, Джек?

– А почему бы не помочь столь прекрасной юной барышне? Может я влюбился.

Виктория рассмеялась.

– Брось, Джек, ты пират! Все что ты любишь – это ром, золото и доступных девок.

– Ты не права! Да, я такой, но ты не права!

С этими словами Джек вышел из каюты.

Последующие несколько дней Джек всячески избегал общения с Викторией, он приказал Даниэлю следить за тем, чтобы она как можно реже выходила из каюты и тем более не приближалась к нему. Джек чувствовал какой-то страх перед этой девушкой, он влюблялся в неё и потому желал, как можно меньше находиться в её обществе. Но чем меньше она попадалась ему на глаза, тем сильнее он желал её. Каждую ночь Джек волей неволей заходил в каюту к Виктории и наблюдал за тем, как она спит, а после напивался рома, чтобы оторваться от реальности, но спиртное не приносило облегчения, лишь ещё сильнее обостряло чувства пирата.

Глава 6

Барселона. Испания.

По прибытии коммодора в Барселону его ожидал контр-адмирал десятой королевской флотилии, в которую входила эскадрилья коммодора де Маурисио Торо. Этот год оказался для Испании не лёгким. Она оказалась втянутой в войну между Францией и Англией. С приходом к власти амбициозного Карла III, многое во внешней политике Испании изменилось. Испания страдала от действий английских приватиров в испанских водах, англичане отказывались компенсировать причинённый ущерб, тогда Карл III был вынужден подписать с Францией «Семейный пакт». По сути, и Францией, и Испанией управляла династия Бурбонов. В связи с тем, что Испания развернула активные военные действия на территории Португалии, англичане бросили свои силы на атаку испанских колоний в Вест-Индии. Поэтому встала острая необходимость в перенаправлении части военно-морских сил к берегам осаждённой на тот момент британцами Гаваны.

Для чего контр-адмирал встретился с коммодором на борту главного флагмана флотилии.

– Честь имею, контр-адмирал!

– У меня для Вас особое поручение, коммодор. – сказал контр-адмирал. – Вам известно, что война против Англии очень сказывается на нашем положении в Вест-Индии. Сейчас как никогда мы близки к потере Гаваны, а этого нельзя допустить, никак! На помощь Франции в этом вопросе полагаться не стоит, поэтому сегодня мы должны сделать все зависящее от нас, чтобы не дать английским собакам захватить наш главный морской порт в Вест-Индии. Поэтому принято решение перекинуть Вашу эскадрилью к берегам Гаваны. У Вас в распоряжении наиболее мощный и маневренный фрегат «Надежда» из всех имеющихся сегодня в нашем арсенале.

Коммодор несколько напрягся.

– Что с Вами, коммодор? Да, я понимаю, как Вы переживаете за отчизну. Я сам перестал спать ночами.

– Боюсь, контр-адмирал, что у меня для Вас не утешительные новости, фрегат «Надежда» был реквизирован из порта Бадалоны пять дней назад.

Контр-адмирал побагровел.

– Кто посмел?! – воскликнул он и ударил кулаком по столу. – Вы как могли упустить целый фрегат, «вооружённый до зубов»?!!

– Я предполагаю, что это диверсия со стороны англичан. – ответил коммодор, несколько склонив голову.

– Конечно, это происки английских дворняг! У Вас это входит в семейную традицию, коммодор.

– Не понимаю Вас, контр-адмирал.

– А что понимать. Некогда англичанин реквизировал у Вашего отца, помнится мне также коммодора, лучший из наших флагманов – фрегат «Молниеносный», а теперь у Вас из-под носа уведут последний наш мощнейший корабль. – контр-адмирал сделал небольшую паузу. – Фрегат «Надежда» был последней нашей надеждой, а Вы растворили её в безоблачном дне.

– Позвольте, контр-адмирал, я организую экспедицию и нагоню реквизированный корабль.

– Нет, сейчас у нас на это нет ни времени, ни возможностей. Необходимо, как можно скорее отправиться на помощь осаждённой Гаване и сделать всё возможное теми силами, которые у нас остались. Отправляйтесь на рассвете. Вдгонку Вам с севера будет направлена эскадрилья из трёх флагманских кораблей. Да и хранит Вас Господь, коммодор!

Коммодор покинул корабль контр-адмирала. Его переполняла и злоба, и ненависть, он желал вернуть себе оба корабля – фрегат «Надежда» и фрегат «Молниеносный», но при этом он понимал, что не сможет одновременно гоняться за двумя кораблями и помогать в снятии осады Гаваны. На следующее утро, с первыми лучами восходящего солнца, коммодор в составе эскадрильи из четырёх кораблей отправился в воды Карибского моря.

Фрегат «Надежда».

Около двух недель прошло, как Джек, Виктория и Даниэль покинули берега Испании. Они пересекли Атлантический океан, не встретив на своём пути ни одного враждебно настроенного судна, да и погода им сообразовалась. Войдя в воды Карибского моря, Джек пытался выбрать наиболее безопасный курс, дабы не встретить на своём пути английские военные суда, однако это сделать ему так и не удалось, на горизонте появился корабль, на флагштоке которого гордо реял флаг Британской империи. Завидев данный корабль, Джек позвал к себе Викторию и Даниэля. Он нервничал, отчасти из-за того, что плыл они под испанским флагом двумя испанскими подданными на борту, пусть и англоговорящими.

– Джек, что нам делать? — взволнованно спросила Виктория, больше всего она боялась, что завяжется бой и они попадут в плен или чего хуже погибнут.

Джек ничего не ответил, он пытался придумать хитроумный план, как скрыться от британского корабля.

– Они все ближе и ближе подплывают, Джек! – настаивала Виктория.

– Подходят на пушечный залп. – спокойно проговорил Джек и посмотрел в подзорную трубу.

– Давай попробуем уйти, пока ещё есть такая возможность! – предложила Виктория.

– Мы не уйдём! Ты знаешь, что это за корабль?

Виктория вопросительно посмотрела на Джека.

– «Молниеносный»!

– Тот самый корабль...

– Да, теперь он под командованием капитана Миллера! – фамилию капитана Джек выговорил с расстановкой и чувством ненависти. – Ветер совсем стих, теперь точно не уйдём.

– Так что мы просто сдадимся? – в разговор вступил Даниэль.

– Ты предлагаешь вступить в бой с вооружённым фрегатом, оснащённым втрое большим количеством пушек разного калибра и поражающей мощи, а также полным доблестных и отважных моряков? – переспросил Джек. – Прости, Даниэль, я конечно храбрый парень, но не самоубийца. И, кажется, у меня созрел план. Переговоры.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Виктория.

– Отправим шлюпку с парламентом.

– И кто же будет парламентом?

Джек почесал подбородок, как бы прикидывая в голове, чья кандидатура наиболее уместна.

– Я парламентом быть не могу, капитан Миллер меня знает и сразу же повесит на рее, Даниэль не владеет в совершенстве английским, его арестуют как испанского шпиона или диверсанта, остаёшься ты, Виктория. Ты молода, привлекательна, отлично говоришь по-английски и не выглядишь, как типичная испанка. Но самое главное, ты – женщина!

– Очень интересное умозаключение, Джек. Но что, если всё же убьют меня?

– Я не исключаю такой вероятности, но выбора нет. Ты плывёшь на «Молниеносный»!

С этими словами Джек и Даниэль усадили девушку в шлюпку и спустили её на воду. Виктория в душе ненавидела этого пирата, она обречённо поплыла навстречу неизвестному, все внутри у неё сжалось, она вот-вот окажется на чужой территории, где не будет ни одного человека, способного защитить её. Чем ближе она подплывала к английскому фрегату, тем отчёт-

ливее понимала, что фрегат «Надежда» медленно, но верно отдаляется от неё. Отвлекающий манёвр! Я отвлекающий манёвр! – прозвучало в голове Виктории. – Этот подлый пират меня провёл! На глаза девушки подступили слёзы от переполнявшей её обиды и отчаяния. Когда шлюпка ударилась о борт «Молниеносного», сверху на Викторию были наставлены не менее десяти мушкетов. Она подняла руки вверх и сквозь слёзы прокричала: «Прошу, не стреляйте!». Она услышала, как кто-то отдал команду «Опустить трап». К Виктории спустились двое матросов, они тщательно осмотрели шлюпку и поверхностно обыскали девушку, после чего командовали подниматься на борт. Оказавшись на борту, Виктория осмотрелась, вокруг неё стояло человек тридцать вооружённых моряков, одетых в форменные камзолы синего цвета. Девушка вся тряслась, в ней бфло такое странное смешение чувств, что-то балансирующее между страхом и любопытством, одновременно. Вдруг по деревянной палубе послышались громкие и уверенные шаги, матросы расступились и перед Викторией появился он – капитан «Молниеносного» – красивый молодой мужчина, лет тридцати, высокий, статный, даже через сюртук Виктория могла разглядеть его рельефно-атлетически сложенное тело. Он носил аккуратную короткую стрижку, светлые волосы, чуть выгоревшие на солнце, слегка спадали на глаза. Густые брови, прямой нос, чётко очерченные скулы и лёгкая небритость придавали лицу капитана особой мужественности, делая его одновременно суровым. Взгляд его светло-зелёных глаз казался таким сладострастным, но Виктория заметила в глубине их необъяснимую ей грусть, точно сердце его по чему-то или по кому-то сильно страдало, они были наполнены тоской о неизвестном. Он был одет в форменный сюртук синего цвета с белым шитьём, золотыми пуговицами и золотыми эполетами, светлые брюки и высокие, натёртые до блеска, черные кожаные сапоги.

– Капитан, – обратился к нему один из моряков, – эта девушка была одна в шлюпке, видимо, она приплыла с того испанского корабля. Она, кажется, англичанка, сэр. Прикажете пуститься за ним вдогонку?

Капитан пристально оглядел Викторию. Под его суровым взглядом девушка сжалась, ей стало неловко за себя, отчасти за свой внешний вид.

– Уже нет смысла, Джонсон, пусть уплывают! – ответил капитан, после чего обратился к Виктории: – Что Вы делали на испанском корабле, мисс? Откуда Вы плывёте? С кем? Для чего Вас отправили в шлюпке? Вы парламентар? – он задавал свои вопросы с расстановкой и быстро.

От такого количества вопросов Виктория растерялась и снова заплакала, она не хотела плакать, но ничего не могла с собой поделать, это произошло непроизвольно, ей так хотелось, чтобы её хоть кто-нибудь обнял, прижал к себе и пообещал, все будет хорошо. Ей не хватало обыкновенного человеческого тепла, она поняла это, стоя здесь на палубе английского корабля в окружении десятков абсолютно чужих для неё людей, которые могут представлять для неё смертельную опасность.

– Простите, – сквозь слёзы проговорила она. – Простите, я не хочу плакать!

Сердце капитана дрогнуло. Он заглянул в солнечные глаза Виктории, наполненные горькими слезами, и аккуратно убрал у неё с лица волосы. Тут он отметил для себя, что она довольно привлекательна, а глаза её показались ему честными.

– Отведите её в мою каюту! – командовал капитан. – Девушке нужно отдохнуть.

– Кэп, при всем моем уважении, я не хочу оспаривать твоих решений, но правильной было бы запереть её в трюме, до тех пор, пока мы не причалим в Порт-Антонио. – сказал один из моряков.

– Джефф, и не нужно оспаривать мои решения. Я сказал в каюту! – отрезал капитан и направился к мостику.

Двое матросов отвели Викторию в каюту капитана. Эта каюта разительно отличалась строгостью и простотой от той, в которой ей приходилось проводить целые дни на фрегате

«Надежда». Никакой вычурной и дорогой мебели, скромная небольшая кровать стояла в углу, большой стол с письменными принадлежностями для картографии посреди и несколько деревянных стульев. Здесь Виктория почувствовала себя намного уютнее, чем среди всей той роскоши, в которой ей пришлось провести последние недели, сначала в доме ди Кальенте, а затем и в каюте коммодора. И в отцовском доме, и в школе Виктория привыкла к скромности во всём, кроме того, и её отец не любил помпезную роскошь, предпочитая простоту и удобство. И сейчас, оказавшись в этой каюте, она почувствовала нечто близкое сердцу. Девушка умылась, после чего села на один из стульев, дожидаясь прихода капитана. Но последний не спешил приходить. Викторию стало клонить в сон, она облокотилась на стол и погрузилась в глубокую дремоту.

Глава 7

На фрегате «Надежда» в это время между Джеком и Даниэлем произошла ссора. Молодой человек упрекал пирата в том, что он воспользовался Викторией и бросил её на амбразуру ради своих ничтожных целей. Всё обострилось в тот момент, когда Даниэль наставил на Джека шпагу и приказал ему возвращаться за Викторией.

– Не глупи, юнец! – сказал Джек. – Ты не знаешь, как управляться с оружием, можешь пораниться.

– Джек, ты развернёшь этот чёртов корабль, и мы вернёмся за Викторией! – настаивал Даниэль, держа перед грудью Джека острие шпаги.

– Ты ничего не смыслишь в ведении морского боя, «Молниеносный» за несколько минут потопит наш корабль, не успеем мы произвести хотя бы один залп. Я же сказал, что вернусь за Викторией. Делать это нужно с холодной головой. Просто так ты не придёшь к капитану Миллеру и не заберёшь её.

Даниэль задумался, безусловно Джек был прав, но юноша не хотел терять эту девушку, он сильно переживал, что не успеет спасти её из лап британцев. Он опустил шпагу и опечаленно сел на деревянные ступеньки, ведущие к юту.

– На Антильских островах у меня славная команда. Заберём их, отправимся за Викторией. Я обещаю тебе! – сказал Джек, пытаясь тем самым отвязаться от назойливого юноши.

«Молниеносный».

Виктория проснулась от громкого хлопка двери в каюте. Это пришёл капитан Миллер. Он посмотрел на заспанную девушку и налил ей в стакан воды.

– Могли бы расположиться на кровати. – сказал он, протягивая ей стакан с водой.

– Благодарю Вас, капитан. Я должна поблагодарить Вас за то, что спасли меня.

– Было от чего спасать? – холодно спросил капитан.

Виктория не знала, что ему ответить. Она чувствовала эту холодность с его стороны, которая очень расстраивала её. Ей казалось, что перед ней стоит другой человек, совсем не тот, кого она встретила на палубе. Сама не зная почему, но Виктория очень хотела понравиться капитану, хотела, чтобы он взглянул на неё, как-то иначе.

– А теперь все же будьте добры объяснить, что Вы делали на испанском корабле? И кто Вы такая? – строго спросил капитан.

Виктория не желала ему врать, поэтому рассказала всю правду, о том, что родом из Испании, про Даниэля и коммодора, про то, как познакомилась с пиратом, про реквизированный фрегат. Она говорила быстро и спутанно, боялась упустить любую мелочь, хотела, чтобы он поверил ей, но от этого её рассказ не выглядел правдоподобно, а больше походил на придуманную на скорую руку ложь.

– Почему же Вы пожелали отправиться на Ямайку? Вы испанская подданная хотели убежать на Ямайку – английскую колонию и это в то время, когда наши страны воюют между собой. Все что Вы мне сейчас рассказали полная чушь! Я по-Вашему похож на глупца?! – капитан перешёл на повышенный тон. – Кого Вы хотите обмануть? Прав был мой лейтенант, когда предлагал запереть Вас в трюме!!!

– Прошу Вас, капитан, – взмолилась Виктория, – поверьте же мне! Клянусь, что ни слова не солгала Вам. Посмотрите на меня, посмотрите же! Я не лгу!

Капитан посмотрел в глаза Виктории, а она смотрела в его глаза, смотрела умоляющим взглядом, так и кричащим о помощи. Что-то снова тронуло его сердце, он почувствовал, как в груди его, будто, что-то сжалось, и отвернулся от неё. Виктория тоже это почувствовала,

какое-то неведанное ранее ей тепло, которое разливалось по всей груди и согревало собой всё её тело, вселяя в сердце надежду на что-то светлое.

– Верьте мне, капитан!

– Я высажу Вас в Порт-Антонио! Я не сведу с Вас глаз, если Вы только попробуете совершить диверсию или что-то подобное, клянусь, что лично вздёрну Вас на рее этого корабля!

Капитан хотел было выйти из каюты, но Виктория остановила его.

– Капитан, пожалуйста, постойте! Могу я просить Вас о встрече с губернатором Джеймсом Вудом?

– Не знаю, что Вы задумали, мисс, но уверяю, у Вас ничего не получится.

– Прошу, капитан!

– Хорошо я отведу к генерал-губернатору. И почему я ведусь на Ваши интриги?

С этими словами капитан вышел из каюты, а Виктория улыбнулась. Чуть больше суток она провела в каюте. Капитан Миллер заходил пару раз лишь на несколько секунд, чтобы взять какие-то бумаги или карты. С Викторией он более не разговаривал. Она была сильно опечалена столь холодным поведением капитана, однако понимала мотивы такого поведения, и не могла требовать иного. Каждую минуту она молила Бога, чтобы её встреча с Джеймсом Вудом состоялась, чтобы он поверил ей. Чем больше Виктория думала об этом, тем сильнее предавалась молитве. К ночи за дверью она услышала чей-то разговор, подойдя ближе, по голосу в одном из собеседников она узнала капитана Миллера.

– Кэп, надобно приказать врачу осматривать каждого матроса дважды в день, – говорил второй собеседник, – жёлтая лихорадка охватила весь карибский перешейк. Только шестьдесят солдат из дивизии Кэмпбела в Гаване унесла эта дьявольская болезнь.

– Ты прав, Джефф, надеюсь, что до нас эта зараза не доберется. А на суше, да, сейчас не спокойно. – отвечал капитан.

– Что там на суше, я думаю ни где от чумы не спрячешься, так и от лихорадки. Вспомни наш галеон, на котором рабов перевозили, пол экипажа померли, не успели на берег ступить, да большая часть поголовья негров загнулась, а остальные на суше умерли.

– И то верно. Я дам отдельное распоряжение медицинскому персоналу повнимательнее осматривать матросов, с любым недомоганием будем снимать с борта. Не хватало еще вспышки лихорадки на борту корабля. В такое трудное для нас время, мы должны ценить каждую боевую единицу, каждого матроса и рекрута.

– Поговаривают, что Кэмпбел делает успехи на суше.

– Да, но высока вероятность перехода на комбинированные нападения, с суши и с моря. Веласко по-прежнему держит оборону Эль-Моро и пока дальше холма Ла-Кабана Кэмпбелу продвинуться не удалось, но тем не менее они заняли хорошее место для осады. Последнее, что я слышал, отряды Кэмпбела начали устанавливать артиллерийские батареи с видом на Эль-Моро, а полковник Маккелар возглавил возведение бруствера. Поэтому мы пробудем в Порт-Антонио до особого распоряжения генерал-губернатора. Кроме того, в Порт-Ройял снова не спокойно, с Тортуги туда зачастили бандиты, как доложили разведывательные силы, они поселяют хаус среди чернокожего населения, тем самым видимо подбивая рабов на очередное восстание.

– Чёртовы пираты! В своё время дали им слишком много привилегий.

– Да, согласен. Но на тот момент они приносили немало пользы.

– Скорее прибыли, ха-ха-ха...

Оба мужчины рассмеялись. После этого Джефф отправился на мостик, а капитан вошёл в свою каюту, застав Викторию у двери. Девушка смутилась.

– Я не подслушивала, честное слово! – попыталась оправдаться она, но капитан не обратил на неё никакого внимания. – Капитан, я сижу здесь уже вторые сутки, а Вы и словом со мной не обмолвились.

– Не люблю пустые разговоры. – отрезал он и сел в кресло, закрыв лицо шляпой.

Виктория легла на кровать, но уснуть она так и не смогла, в ней все то закипало от злости, то приводило в отчаяние. Вся эта история, в которой она оказалась, казалось каким-то сном, вот-вот он закончится, а она проснётся, снова маленькой девочкой, в своей кровати и зайдет отец, нежно поцелует её в лоб, а после они вместе позавтракают и отправятся на виноградники, там отобедают тем, что собрала им Рамира, а к ужину вернутся домой уставшие, но счастливые и всей семьёй соберутся за столом, прочтут молитву перед принятием пищи, а после Виктория сядет вместе с отцом в кресло перед камином, и он расскажет ей очередную историю о морских приключениях, полную отваги и доблести. Так девочка уснёт у него на руках, а с утра снова проснётся в своей кровати от нежного поцелуя отца и все повторится заново. Тут мысли девушки перенеслись к Рамире, как же она могла не подумать о ней, коммодор скорее всего не оставил её в покое, что с ней стало, она в тюрьме или её вовсе нет в живых? Чувство вины овладело ею, она пыталась отогнать от себя все плохие мысли, но они предательски одна за одной лезли в голову. Девушка впала в уныние. Под утро ей все-таки удалось задремать. Проснувшись, Виктория не обнаружила капитана Миллера в каюте. Она встала, умылась, расчесала свои волосы и собрала их на затылке в аккуратный пучок. Подойдя к окошку, она увидела, что корабль медленно подплывает к порту. Дивные места Ямайки увидела Виктория, ей сразу захотелось взять холст, краски и творить, творить, творить... Живописные зелёные утёсы простилались далеко от берега, они раскинулись по горизонту, будто окутывая остров своими большими лапами, а золотистая полоска песка разделяла воду и низкорослый лес. Перед взором Виктории предстал небольшой город, с невысокими крышами домов, а на фоне утёса золотился шпиль высокой башни. Фортовые укрепления грозно окружали северную часть острова. Корабль медленно вплывал в узкую бухту, рассекая под собой кристально-голубые волны. Девушке не терпелось скорее вступить на новую землю. Она была так далеко от родного дома, совершенно в иных местах, не похожих на привычный ей пейзаж. Новые люди, другой быт, иная страна. Но её это совсем не пугало, а наоборот манило своей неизвестностью. Снова любопытство возымело над ней и тот страх перед встречей с дедушкой куда-то ушёл или на время затаился. Сейчас, когда она стояла на пороге новой жизни, ей наоборот хотелось скорее встретиться с ним, расставить все по своим местам. И даже если он по каким-то причинам отвергнет её, она всё равно останется в этих местах и никогда не вернётся в Испанию. В каюту вошёл капитан, он сообщил ей, что они прибыли в Порт-Антонио и через несколько минут, она сможет сойти с корабля. Улыбка радости не сходила с лица Виктории. Проведённые двое суток взаперти дали ей возможность о многом подумать, многое для себя открыть, расставить правильные приоритеты. Когда корабль пришвартовали, Виктория вышла на палубу и полной грудью вдохнула свежий морской воздух. Здесь даже воздух был другой, для Виктории это был воздух её новой жизни.

– Мисс, прошу покинуть мой корабль. – сказал капитан, подходя к ней сзади. – Я направляюсь в здание Совета, если Вы ещё не бросили свою затею, можете отправиться со мной.

Виктория улыбнулась капитану. Он невольно улыбнулся в ответ, но потом, снова сделав серьёзное лицо, прошёл мимо неё. Виктория направилась следом за ним. Они шли по небольшой улочке вдоль одно- и двухэтажных зданий, крыши которых пиками устремлялись к ярко-голубому небу, на улице было довольно многолюдно, все куда-то спешили, чем-то занимались. Виктория внимательно разглядывала каждую деталь, каждого проходящего мимо человека, будь то мужчина или женщина, или ребёнок. Всё привлекало внимание девушки, та простота, которая царила среди местного населения, местный колорит, животные и домашняя птица, бродившие тут и там. Спустя пятнадцать минут, они вышли на большую площадь со всех сторон, окружённую каменными постройками, по своему образу напоминавшими форт. Капитан вошёл в одну из дверей, Виктория проследовала за ним. Они оказались в полутёмном помещении с каменной лестницей, ведущей на второй этаж. Поднявшись по лестнице, перед

ними предстал широкий коридор, очень светлый, окна которого выходили на площадь. На полу лежал мягкий красный ковёр с орнаментом по краям. Коридор вёл к большой двустворчатой двери из красного дерева с резьбой и золочённой ручкой. Капитан проследовал к данной двери. За дверью оказалась совсем маленькая комната с небольшим кожаным диваном темно-зелёного цвета и столом, за которым сидел адъютант. Капитан подошёл к нему и что-то прошептал на ухо. Адъютант кивнул, после посмотрел на Викторию и предложил ей присесть на диван. Она послушно села. Волнение снова вернулось к девушке.

– Я должен сперва переговорить с генерал-губернатором о своих делах, а после, если он пожелает Вас принять...

На этом капитан скрылся за дверью, расположенной напротив той двери, через которую они вошли. Капитан не заставил долго ждать себя.

– Вы можете войти, – сказал он, выходя из кабинета генерал-губернатора.

Виктория нерешительно встала и медленно зашагала на встречу своим страхам. Она вошла в кабинет. Это было небольшое помещение, отделанное в строгом английском стиле, стены были однотонные темно-зелёного оттенка, с бардовой окантовкой, вся мебель кожаная тёмного цвета идеально гармонировала с общей фактурой кабинета. Генерал-губернатор сидел за большим письменным столом, покрытым темным лаком. Виктория посмотрела на него и будто увидела своего отца в старости. У него была такая же короткая причёска, только волосы все посидели, те же золотисто-зелёные глаза, небольшие и очень добрые, густые брови, также поседевшие, но некогда черные, тонкие губы и впалые щёки. Губернатор встал из-за стола и тоже внимательно посмотрел на Викторию. Так они разглядывали друг друга около минуты. Первым заговорил губернатор.

– Мы знакомы? – голос у него был в точь как у отца Виктории, по щёкам у неё покатались слезы. – Что с Вами? Хотите воды?

Он налил в стакан воды и протянул ей. Виктория осушила его полностью. От переживаний у неё пересохло в горле.

– Простите меня ради Бога, но Вы так похожи на моего отца, будто смотрю на него... – проговорила она.

– Вы мне тоже напомнили одного человека. Хотя, о чем это я... Последний раз, когда я видел его, он был совсем мальчишкой...

– Вы говорите о Ричарде? О Вашем сыне, Ричарде?

Губернатор побледнел.

– Вам что-нибудь о нём известно? Он жив? Жив? Говорите же!

Виктория опустила голову.

– Я не могу утверждать, но послушайте, пожалуйста, мою историю.

Девушка поведала губернатору все о себе и своём отце, а также то, что ей стало известно от бабушки. Она старалась говорить чётко и с расстановкой, только сухие факты, не желая ничего приукрашивать или наполнять свою речь излишними гиперболами, либо дополнять каким-либо своими предположениями, так ей казалось, её рассказ будет выглядеть более правдоподобным и искренним. Губернатор внимательно её слушал и с каждым словом он становился все блее и блее, в конце рассказа, он опустился в кресло и взялся за сердце. Виктория испугалась и подбежала к нему, расстегнула верхние пуговицы его сюртука и дала выпить воды. Губернатору стало несколько легче. Когда она склонилась над ним, у неё из-под рубахи выпал медальон и губернатор тут же заметил его, он взял монету в свои руки и внимательно изучал её.

– Откуда это у Вас? – спросил он.

– Этот медальон мне отдал отец перед самой смертью. Мне было десять. А и вот ещё...

Девушка достала из-за пояса свёрток из полимерного материала и достала из него карточку с изображением мужчины.

– Это мой отец. – сказала она.

Губернатор взгляделся в пожелтевшую от старости и влаги карточку и улыбнулся.

– Ричард. Конечно это он, я узнал его. Сколько ему здесь? Должно быть не более тридцати? – слеза, будто бы тайком пробежала по его сморщенной от старости коже. – Так значит, Вы моя внучка.

Джеймс сказал это утвердительно, что заставило Викторию улыбнуться, он ей поверил, признал её, у неё есть дедушка, родной человек, пусть она его впервые увидела, но чувствовала что-то родное в нём.

– Могу я обнять тебя? – робко спросил Джеймс, вставая на ноги.

Виктория сама обняла его, сильно сжала его шею и поцеловала в щеку. Радости и счастья её не было предела. Джеймс и Виктория проговорили более двух часов на совершенно разные темы, он желал узнать все о своём сыне, чем последний занимался, как рос, и Виктория с удовольствием рассказывала ему обо всём. Джеймс то и дело улыбался, ему было невероятно приятно слышать о том, что его единственный сын при жизни был уважаемым человеком, отважным и честным. Джеймс расспрашивал Викторию и о том, как она жила. Девушка рассказала всё, через, что ей пришлось пройти за последние месяцы, а также о том, что опасается коммодора, последний преисполнен ненавистью и желанием отомстить. Произнеся фамилию Маурисио Торо и рассказывая о намерениях коммодора, она заметила, что лицо дедушки изменилось. Оно стало настороженным, несколько озадаченным, но также от её внимания не ушёл и огонь презрения, который буквально горел в глазах деда. Джеймс не был лично знаком с Рикардо, но понимал, что движет этим молодым человеком. Некогда Джеймсу во имя процветания своей страны, пришлось пойти на некоторые ухищрения, и руководствоваться низменными чувствами, став подобно простому каперу, а не офицеру морского флота. Вместе с тем, Джеймс сполна поплатился за те деяния, совершенные им когда-то. Он потерял сына, которого всеми силами пытался отыскать долгих тридцать восемь лет, а последние восемь лет, как оказалось, он искал мёртвого человека. Виктория до конца не понимала, что терзает душу её деда, но и заговорить с ним об этом не пыталась. Однако Джеймс сам заговорил с ней о своих терзаниях.

– Тебе нет нужды бояться коммодора, Виктория. Я позабочусь о тебе. Но если, как ты говоришь, коммодор преисполнен желанием отомстить, то моим часам недолго осталось ходить. Но я не ропщу на свою судьбу. Наконец я смогу спокойно умереть, зная, что мой сын прожил достойную жизнь, и я нашёл, пусть не его, но частичку его – тебя, моя дорогая внучка.

– Нет, Вы не должны так говорить! Вся моя жизнь была окружена по сути не родными мне людьми. Вы не должны говорить о смерти. Не должны!

Джеймс улыбнулся и с нежностью посмотрел на милое личико Виктории. Оно было ещё совсем юным, детские черты проглядывались через каждую его частичку и так напоминали ему о Ричарде, который навсегда так и остался в его памяти десятилетним мальчуганом.

Проговорив с Викторией почти до самого обеда, Джеймс, точно опомнился, осмотрев одеяния своей внучки и, вспомнив о том, что она провела в плавании долгое время и должно быть совсем обессилена и к тому же голодна, засуетился, позвал адъютанта и велел ему срочно подготовить экипаж.

– Прости меня, старого болвана! – возмутился он сам на себя. – Ты должно быть устала, я тотчас же отвезу тебя домой. – он сделал небольшую паузу, потом продолжил: – Моя жена, твоя бабушка, её также звали Виктория, долго не могла родить мне второго ребёнка, но двадцать семь лет назад Бог все же услышал наши молитвы и послал девочку – Марианну, но почти сразу после родов прибрал жену к себе. С тех пор мы и живём с Марианной вдвоём. Теперь нас будет трое. Ты будешь жить в нашем доме и станешь членом нашей семьи. Однако прошу тебя, не распространяться о своём испанском происхождении. С нынешней политической ситуацией в мире будет лучше, если ты забудешь о том, что некогда была подданной Испанского королевства. Об этом, прошу тебя, не говори и моей дочери. Она девушка светская, много проводит

времени на званых вечерах и боюсь, что женский «длинный язык» не позволит ей держать его за зубами. – с этими словами Джеймс улыбнулся.

Тут его взгляд снова упал на внешний вид Виктории, и он недовольно покачал головой. Виктория ощутила неловкость, должно быть в его глазах она выглядела слишком неотёсанной.

– С собой у меня нет никаких вещей... – вымолвила она, опуская голову.

– Да, так ходить благородной девице не стоит. Не печалься, завтра же с утра к тебе придет портниха, а на первое время, подберёшь, что-нибудь из гардероба моей покойной жены, у Вас с ней очень схожие фигуры. Из гардероба Марианны, боюсь, тебе мало, что подойдёт, она у меня девушка колоритная. – Джеймс рассмеялся и приобнял Викторию.

Выйдя на улицу, Джеймс помог сесть Виктории в экипаж, приказав кучеру ехать в поместье.

Глава 8

Капитан Миллер, тем временем вернулся в свою маленькую квартиру, расположенную недалеко от форта. Он занимал одну из комнат на втором этаже небольшого двухэтажного каменного дома. Хозяйка дома, пожилая вдова, каждый раз очень радовалась возвращению капитана из плавания. За те пять с половиной лет, что он проживает у неё, он стал для неё как сын. Женщина с теплотой относилась к нему и в тайне надеялась, что когда-нибудь капитан возьмёт в жены её единственную дочь, но капитан не проявлял никакого интереса к юной особе. Если говорить, о сердечных делах капитана, то молодой человек предпочитал одиночество, он сторонился людей, не был влюбчивым и падким на женщин, крайне редко можно было увидеть его на каком-либо знатном мероприятии, коим славились здешние места. Не сказать, что у капитана не случалось интрижек, но это скорее мимолётные встречи, заканчивающиеся на утро с восходом солнца. При этом, капитан славился среди светского женского общества как один из самых завидных женихов Ямайки, даже сама дочь генерал-губернатора – Марианна Вуд, неоднократно оказывала знаки внимания молодому мужчине. Но сердце капитана оставалось свободным. Он отличался чрезмерной замкнутостью, трудно было почувствовать его, но печальные глаза говорили о пережившем им большом горе. Да и друзей у него было не много, пожалуй, наиболее близкую дружбу он водил с лейтенантом Джеффом из его команды. Джефф был моложе капитана лет на пять, весёлый, задорный молодой человек, ищущий везде приключений, несколько худоват, но с весьма незаурядной внешностью. По происхождению Джефф был шотландец, он носил удлинённую причёску, копна его темно-рыжих волос, всегда выбивалась из туго перетянутой на затылке резинки, что придавало его образу юношескую непосредственность. Женщины Джеффа не слишком баловали вниманием, поэтому предприимчивый молодой человек предпочитал ходить по увеселительным заведениям с капитаном, которому не нужно было ухищряться, чтобы познакомиться с юной особой.

Капитан вошёл в свою комнату, она была совсем небольшая, но с большим окном во всю стену и балконом, с которого открывался чудесный вид на форт и море. Из мебели в комнате стояла лишь узкая кровать, удобное кожаное кресло и шкаф. Капитан Миллер закрыл дверь, сняв сюртук, сел в кресло и тяжело вздохнул. С началом войны с Испанией, он практически не бывал на суше, а каждый выход в море становился все утомительнее и опаснее, но без этого капитан не представлял своей жизни. Море заменило ему дом, семью, все мысли у него были лишь о нем. Ему нравилось стоять на мостике у штурвала, когда прохладный морской ветер ласкает лицо, а волны плещут о борт корабля, душа в этот момент взмывает далеко ввысь, летя навстречу яркому солнцу, которое лишь изредка скрывалось за белёсые кудрявые облака. Разная погода случалась на море. Шторм – это словно противостояние природы и человеческих сил, возможностей. Когда корабль полностью ложится сначала на один галс, а потом в какие-то доли секунды его запрокидывает на другой, в то время, как опердек полностью заливают тоннами воды, смывая все снасти с палубы и ничего в такие минуты не можешь сделать, лишь опускаешь паруса, чтобы порывистый ветер не разодрал их клочья и пытаешься удержать судно над поверхностью этой бушующей бездны. Небеса то и дело раскаляются и яркими раскатами молний освещают серую непроглядную мглу. Каждый моряк знает, что нет страшнее внезапного шторма, когда неподготовленным выходишь в море, но капитан Миллер всегда был готов к встрече с самой Природой и без страха бросал ей вызов.

В комнату постучали, капитан встал, открыл дверь. На пороге стояла молодая девушка двадцати трёх лет, невысокая, довольно худая, её черные как смоль волосы были убраны в высокую причёску, глаза светло-серого цвета, над которыми протягивались тонкие, словно нити тёмные брови, маленький рот с пухлыми губами был всегда слегка приоткрыт, а заострённый нос и впалые скулы делали её на несколько лет старше. Это и была та самая дочь хозяйки

дома – мисс Кларисса Скот. В руках у Клариссы капитан заметил коричневый конверт с меткой дома Вуд.

– Посыльный только что доставил это письмо для Вас, мистер Миллер. – сказала она в полголоса и протянула ему конверт.

Миллер тотчас же вскрыл конверт, что такого мог написать ему губернатор, он несколько часов назад говорил с ним. В конверте оказалось приглашение. Губернатор организует званый бал у себя дома послезавтра в шесть часов после полудня. Званый бал... – проговорил вслух капитан, – Губернатор же прекрасно знает, что я не люблю светские мероприятия, для чего это приглашение?

Тут капитан заметил, что Кларисса все ещё стоит в дверях его комнаты.

– Ещё что-то, мисс Кларисса? – спросил он.

Девушка замялась, она теребила руками подол своего скромного платья светло-зелёного оттенка с вышивкой на передней части корсета и исподлобья разглядывала полуобнажённый торс капитана.

– Вы снимаете у нас квартиру уже довольно давно, мистер Миллер, и мы знаем друг друга тоже давно, я подумала, что Вы и я могли бы...

Кларисса явно нервничала, капитан это заметил, поэтому прервал её.

– Мисс Кларисса, я понял, к чему Вы ведёте. Давайте скажу я, чтобы не ставить Вас в ещё более глупое положение. Вы очень милая и добрая девушка, но я не испытываю к Вам нежных чувств, вообще никаких чувств я к Вам не испытываю.

Но Кларисса, видимо, не желала это слышать, она сделала шаг вперёд и оказалась в комнате капитана, буквально на расстоянии в один фут.

– Капитан Миллер, прошу, дайте мне шанс! Узнайте меня поближе, и может Ваше мнение обо мне изменится.

С этими словами девушка попыталась приблизиться к капитану Миллеру ещё ближе, чтобы обнять его, но последний оказался предвидя это, отступил назад и скрестил руки на груди, не дав тем самым девушке броситься себе на шею. Это обидело Клариссу, она зло посмотрела на него и резко сказала:

– Конечно, я понимаю Вас! Желаете, как все жениться на благородной девушке, чтобы на всю жизнь обеспечить себя приданным...

В этот момент в комнату вошла хозяйка дома, она услышала слова своей дочери, поэтому немедля налетела на неё, стала бить ладонями по оголённым плечам.

– Немедленно извинись перед капитаном Миллером! Как тебе не стыдно, соплячка! – кричала она на дочь.

– Право, не стоит, миссис Скотт, я не держу зла на мисс Клариссу. Она ещё молода, сама не ведает, что говорит! – сказал он и вежливо попросил женщин покинуть его комнату.

Обе женщины вышли и закрыли за собой дверь, но капитан все равно мог слышать, как за дверью миссис Скотт бранно отчитывает свою дочь.

Капитан надел рубаху и сюртук, и вышел из дома. Он решил отправиться к губернатору, чтобы лично принести свои извинения за невозможность присутствия на устраиваемом им званом балу. На центральной улице он взял экипаж и двинулся в сторону поместья Вуд. Поместье располагалось на южном холме среди густого леса, из города к нему вела лишь одна дорога через чащу. Это не более получаса езды от центра Порт-Антонио. Поместье Вуд располагалось за высокой каменной оградой. Экипаж остановился перед кованой решёткой подъездных ворот поместья. К кучеру подошёл молодой привратник с мушкетом в руке. Капитан выглянул в окно экипажа и сам доложил о себе.

– Капитан Миллер прибыл к генерал-губернатору по личному вопросу.

Привратник заглянул в окно экипажа, отдал честь, после чего открыл ворота. Экипаж проехал внутрь по каменной дорожке, остановившись у дверей роскошного особняка, отде-

ланного камнем и мрамором с колоннадой при входе. Капитан спрыгнул с коляски, после чего позвонил в небольшой колокол, дёрнув за шёлковый шнур, висевший на косяке двери. Спустя несколько секунд дверь открыл дворецкий, высокий сутулый мужчина лет пятидесяти, приглашая гостя пройти в роскошную, довольно просторную гостиную, посреди которой полукругом располагалась мраморная лестница, ведущая на второй этаж. Стены были выполнены в светлых тонах, окрашены в нежно-голубой и белый цвета, с минимум позолоты и классических барельефов. На балконе второго этажа появилась Виктория. Девушка была одета в белое ситцевое платье с высокой талией и рукавами-воланами, волосы были распущены и обрамляли собой её тело до пояса. Капитан уставился на неё, видя в ней ангела, сошедшего с небес и столь неожиданно представшего его взору. Во взгляде его читались сильное удивление и в то же время некоторая толика восхищения. Казалось, ещё никогда ранее он не встречал девушки подобной ей. Сделав над собой усилие, он всё же сумел овладеть собой.

– Вы?! – воскликнул капитан, пытаясь отогнать от себя нежные чувства к ней, что так предательски пытались овладеть его холодным разумом. – Что Вы здесь делаете?!

– Живу. – спокойно ответила Виктория с улыбкой на устах.

– Вы бредите! – резко воскликнул капитан.

– Не более Вашего, капитан! – надменно ответила она.

С этими словами Виктория скрылась с балкона. Капитан был обескуражен её ответом, он никак не ожидал такой колкости от женщины. Он хотел было броситься вслед за ней и научить её хорошим манерам и уважительному отношению к мужчине, но в этот момент в гостиную вошёл дворецкий, а вместе с ним и губернатор. Последний доброжелательно поприветствовал капитана крепким мужским объятием и пригласил его пройти в кабинет, чтобы продолжить разговор. Они прошли через просторный холл с большими панорамными окнами. Кабинет губернатора по антуражу был схож с его рабочим. Джеймс сел за стол и предложил присесть капитану. Молодой человек сел напротив губернатора в кресло.

– Можете не говорить мне, что привело Вас в столь поздний час, капитан. – задорно начал разговор губернатор. – Вы решили лично извиниться за то, что не сможете послезавтра присутствовать на организованном мной званом балу.

– Вы слишком хорошо меня знаете, сэ. – ответил капитан, улыбаясь.

– Именно потому, что я Вас хорошо знаю, не стал бы присылать Вам приглашение на какое-либо светское мероприятие, если бы оно не имело для меня такой важности, поэтому, Вам, друг мой, придётся собрать всю свою волю в кулак и поступиться, наконец, своими принципами. Я организовал званый бал в честь одно радостного для меня события.

– Позвольте поинтересоваться, о каком событии идёт речь? – настороженно спросил капитан.

– Нет-нет, послезавтра всё узнаете, капитан. В шесть часов вечера жду Вас на балу. А сейчас простите, но меня ждут дела государственной важности – ужин с семьёй, не желаете присоединиться? Ах, да, я забыл Вы не сторонник светского общества. Нельзя же быть таким нелюдимым, капитан. – Джеймс рассмеялся.

– Сэр, разрешите задать Вам вопрос?

– Если только один.

– Что в Вашем доме делает та девушка, которую я привёл к Вам утром, Виктория, кажется?

Джеймс снова рассмеялся. Сегодня у него на редкость было хорошее настроение, что не ушло от внимания капитана.

– Вы встретились здесь? Боюсь, что сегодня я не смогу ответить ни на один Ваш вопрос. Послезавтра. Узнаете все послезавтра. Наберитесь терпения, капитан. А теперь позвольте откланяться, я голоден, точно волк. Дворецкий! – крикнул губернатор. – Проводите, пожалуйста, нашего дорогого гостя.

Капитан попрощался с Джеймсом. Выйдя во двор, молодой человек отпустил экипаж, он хотел вернуться в город пешком. Несколько вещей не давали ему покоя, грубость этой девчонки, подозрительное поведение губернатора и необходимость посещения званого бала. Невольно он остановился, словно какая-то невидимая сила заставила его обернуться и посмотреть на один из балконов особняка. На балконе он увидел Викторию, она стояла напротив мольберта и рисовала. Её длинные волосы развивались на ветру, а яркая луна оставляла на них свои блики. Прекрасна! – пронеслось в голове капитана. Виктория неожиданно повернула голову и взглянула в его сторону. Пару секунд они смотрели друг на друга. Капитан резко развернулся и поспешил покинуть поместье Вуд. Его сердце дрогнуло.

Глава 9

Бриджтаун. Барбадос.

Фрегат «Надежда» пришвартовался близ берегов Бриджтауна. На шлюпке Джек и Даниэль причалили к берегу.

– Оглядишься вокруг, Даниэль, где ты ещё увидишь подобную красоту. Пожалуй, это лучшая из британских колоний. Здесь рай на земле, я тебя уверяю! Но главное за что я люблю Барбадос, так это за лояльность местных властей. За определённую плату они всегда готовы прикрыть глаза на разного рода делишки. – говорил Джек, когда они шли по золотистому песчаному пляжу в сторону города.

– Да? Тогда почему мы не пришвартовались у центрального входа, так сказать? – ехидно спросил Даниэль.

– Ты забыл, что мы плывём на испанском фрегате.

– Что мы вообще здесь делаем? Ты говорил про Антильские острова? Ты водишь меня за нос!

Джек закатил глаза.

– Ты совсем не ориентируешься в географии. Барбадос входит в группу Малых Антильских островов. Я выразался фигурально. Сейчас мы навестим одного моего друга, он живёт здесь неподалёку, а после соберём команду и отправимся на Ямайку.

– Спасать Викторию?! – воодушевлённо спросил Даниэль.

– Да, и её тоже... – пробормотал Джек.

На самом деле его целью был губернатор Ямайки, а именно карта, которой он обладал. Джек верил в легенду про Остров Трёхглавой горы, в народе его прозвали Островом Смерти, окружённый густым туманом, на котором французские приватиры прятали своё награбленное золото, серебро и драгоценные камни, однако о местонахождении данного острова ему не было ничего известно, сколько бы он ни искал его, но туман так и не встретился на его пути. Известно лишь, что Остров этот находится где-то между Багамами и Бермудами. Когда Джек услышал историю Виктории про Джеймса Вуда, он понял, что это его шанс, и раз Джеймс был на этом острове, он знает, где его искать. Джеку оставалось лишь выкрасть у него карту, если таковая имеется, а он отчего-то был уверен, что старик обязательно составит ее, чтобы рано или поздно вернуться на этот остров за сокровищами, ведь как бы губернатор не был богат, золото ведь всегда мало и жадность рано или поздно возымеет над гордостью. Так рассуждал Джек. Был у него и запасной план, на случай, если старик все же окажется альтруистом и не составит карту, он выкрадет самого губернатора и по его наводке доберётся до острова. Конечно, Джек понимал, что выкрасть карту будет куда проще, чем похитить губернатора, но останавливаться он не хотел, поэтому готов был к развитию любого сценария. Оставалось только собрать свою верную команду. Думал Джек и о Виктории, о ней, пожалуй, он думал ежечасно, он ругал себя за эти мысли, напивался, пытался забыть, но все тщетно, девушка глубоко и прочно засела у него в мыслях, а главное в сердце. Пират надеялся, что какая-нибудь местная красотка сможет искоренить в нём пагубные мысли об этой девчонке.

Молодые люди подошли к небольшой хибаре, построенной из толстых веток деревьев, крыша была сделана из соломы, а дверь вовсе отсутствовала, её заменил кусок холщовой ткани. У входа лежал грязный рыжий пёс, грустным взглядом он проводил Джека и Даниэля, когда они заходили внутрь хибары. Внутри обстановка полностью соответствовала внешнему виду жилища. Мебели как таковой в хибаре не было, из старых досок сколочены стол и несколько стульев, в углу стояла деревянная лестница, ведущая к спальному месту под самой крышей. На столе беспорядочно стояли пустые бутылки из-под рома, а повсюду валялись окурки сигар.

– Эй, Гарри, грязный ты пёс, спускайся! – прокричал Джек грозным голосом.

Послышался хрип мужчины.

– Не заставляй ждать своего капитана!

Мужчина простонал и заворочался, хриплым голосом он спросил:

– Джек, это ты что ли?

– А у тебя есть другой капитан?

Спустя несколько минут спустился мужчина среднего роста, с курчавой взъерошенной причёской, сложно было определить его возраст, поскольку он был небрит, и находился в сильнейшем похмелье, видимо пил несколько дней к ряду. Под глазами расплылись синяки, а губа была рассечена. Одет он был крайне просто, в холщовые брюки и хлопковую рубашу до колен. Мужчина сел за стол, достал из-под него бутылку с ромом и отпил из неё несколько обильных глотков.

– Совсем спился, собака! – зло сказал Джек, выхватывая у него из рук бутылку с ромом.

– Эй, Джек, верни мне моё поило! – возмутился Гарри.

– Дело есть!

Гарри взглянул на Даниэля.

– А это ещё кто такой? Не припомню я тебя, малый.

– Мы не знакомы. – ответил Даниэль, с некоторым пренебрежением осматривая мужчину.

Гарри попятился.

– Ты испанец? Джек, с каких пор ты водишь дружбу с этими предателями?

– Скажем, это сувенир из Испании.

Оба мужчины рассмеялись во весь опор. Даниэля обидели слова Джека, и он вышел на улицу, не желая больше слушать их оскорбления. Молодой человек чувствовал себя слишком чужим в этом обществе. Он был далёк от моря и само пребывание среди пиратов его угнетало. Находясь, так далеко от родного дома, юноша скучал по своей родине, он все ещё надеялся, что Джек сдержит слово и поможет ему спасти Викторию, и тогда они с ней смогут вернуться в Испанию, где он и расскажет ей всю правду о себе. А пока Даниэль убеждал себя, что делает это все во имя любви к Виктории.

Джек, оставшись наедине с Гарри, рассказал ему о своих планах относительно Острова Трёхглавой горы.

– Джек, с каких пор ты веришь сказкам? – с насмешкой спросил Гарри.

– Это не сказки, Гарри! Остров существует, и я знаю, как его найти.

– Джек, давай лучше займёмся приличным грабежом, пополним запасы, так сказать.

– И надолго ли нам хватит этих запасов?! Гарри, те сокровища, которые спрятаны на Острове, сделают нас самыми богатыми на этом острове, да что там, на всех Антильских островах! По легенде французские приватиры на протяжении десяти лет прятали на этом Острове награбленное золото, серебро и драгоценные камни. Ты представляешь, сколько золотишка там накопилось?!

Гарри почесал бороду, идея Джека все равно казалась ему сомнительной и сумасбродной.

– Ну не знаю, Джек. – протянул он. – Я слышал другую легенду, мол золото и камни эти с затопленных кораблей, что разбивались об острые рифы Острова, окружённого густым туманом. И что местные жители этого Острова недочеловеки, не то люди, не то звери, разрывают на части всех, кто ступит на их землю. И никто не возвращался с этого острова, никто, Джек.

– Откуда тогда легенда? – усмехнулся Джек. – Остров этот необитаем, и я знаю человека, который был на этом острове и вернулся целёхонький! Ты только подумай, Гарри, сколько мы сможем награбить, и как надолго нам этого хватит? Время сложное для нас настало. Власти Британского королевства объявили охоту на пиратов и пиратство теперь вне закона. А Ост-Индская кампания пообещала по 50 фунтов за голову пирата каждому, кто сдаст такого. Гарри, Остров наш последний шанс зажить нормально.

– Черт побери, Джек, а может ты и прав! – воскликнул Гарри и отхлебнул весомый глоток рома из бутылки.

– Отлично! Тогда отправимся завтра с первыми лучами солнца.

– Все конечно хорошо, но где мы возьмём корабль? – задумчиво спросил Гарри.

– О, друг мой, я позаботился об этом, выйдем?

Мужчины вышли из хибары, и Джек пальцем указал в сторону отвесного утёса, из-за которого виднелся фрегат «Надежда».

– А вот и корабль, друг мой!

Гарри присвистнул. Джек удивлял его из раза в раз, на протяжении всех лет, что они знакомы.

– Вот это я понимаю корабль! Чтоб на таком не поискать Остров-то!

Джек и Гарри снова вошли в хибару и сели за стол. Джек закурил сигару, и закинув ноги на стол продолжил:

– Мы должны собрать команду к завтрашнему утру. Вначале мы посетим Порт-Ройял, у меня есть дела на Ямайке, а уже оттуда отправимся на поиски Острова.

– До утра команду собрать не удастся. Джек, на Барбадосе мало кто остался, большая часть предпочла осесть на Тортуге и в Порт-Ройяле, сам понимаешь, там, как-никак подзаработать всегда можно.

Джек стукнул кулаком по столу. В его планы не входил визит на Тортугу.

– А из тех, кто остался здесь, команду не собрать?

– Джек, здесь остались я, Стивенсон и может Дункан с Джереми. Остальные на Тортуге, а Малиган в Порт-Рояйле.

– Значит, отправляемся на Тортугу. Завтра на восходе встречаемся здесь, собери, кого сможешь.

– А ты что намерен делать?

– А я навещу одну свою знакомую. – Джек улыбнулся и вышел из хибары.

На улице он приказал Даниэлю остаться с Гарри, а сам ушёл в неизвестном направлении.

Глава 10

Порт-Антонио. Ямайка.

В день званого бала, организованного губернатором, с самого раннего утра в поместье Вуд начались подготовительные мероприятия к нему. Более ста человек были привлечены для организации столь важного мероприятия. Данный бал уже успели ознаменовать в светском обществе спонтанным, так как приглашения на него присылали не за положенные три недели, а за полутора суток! Для некоторых особо притязательных светских дам такое приглашение стало своего рода вызовом, успеть за двадцать четыре часа подготовиться к званному балу и не у кого бы то ни было, а у самого генерал-губернатора. Самые знатные дамы и кавалеры Кингстона, Порт-Рояйла, Портленда, не говоря уже о Порт-Антонио, стремились попасть вовремя на этот бал и уж тем более не пропустить его. В общей сложности было разослано около двухсот пятидесяти приглашений. Пятьдесят посыльных Порт-Антонио разносили приглашения светским персонам.

Для Виктории этот бал станет первым в её жизни. Ранее она никогда не выходила в высший свет, а лишь читала о подобных мероприятиях в заметках мадридских газет. В школе её обучали этикету и правилам поведения в высшем обществе, в том числе на балу, но сегодня девушка сильно нервничала, ей казалось, что она ничего не помнит из этих уроков, да и если оставаться до конца честной перед собой, уроки этикета Виктории были совсем неинтересны, большую часть их она прослушала, рисуя на полях своей тетради. Сегодня Виктория пожалела об этом. Только проснувшись, не успев толком одеться, растрёпанная, в одной сорочке, она побежала в комнату Марианны, чтобы просить её рассказать о том, как себя вести на предстоящем мероприятии. Ей очень не хотелось опозорить своего дедушку, столь уважаемого человека и себя в глазах нескольких сотен человек, в особенности перед капитаном Миллером. Войдя в комнату к Марианне, совершенно забыв постучаться и поздороваться, Виктория с порога залепетала о своём невежестве, но дама прервала её буквально на полуслове.

– Доброе утро, для начала! – недовольно буркнула она, переводя взгляд на племянницу. – Дорогая моя, ты невежественна лишь потому, что вот так ворвалась ко мне в спальню в столь неотёсанном виде. Поговорим позже, когда ты приведёшь себя в порядок.

Движением руки Марианна попросила Викторию выйти из спальни. Огорчённо опустив голову, она покорно вышла из комнаты. Марианна была настоящей светской дамой, ей присущи все необходимые для этого черты – спокойствие, рассудительность, чувство грации и стиля, а также надменность вкупе с высокомерностью и чрезмерной горделивостью. С первой минуты знакомства Виктории и Марианны, последняя сразу дала понять, что племянница у неё неблаговоспитанная, но с этим можно и нужно бороться.

Виктория в расстроенных чувствах спустилась вниз в гостиную и прошла в аванзал, где вечером должен состояться бал. Вокруг неё бегали какие-то люди, некоторые смотрели на девушку с недоумением, другие и вовсе не замечали, продолжая заниматься своими делами – украшали аванзал лентами, бантами и цветами, протирали пыль, намывали мраморные колоннады, так чтобы в них можно было увидеть своё отражение. Флористы привезли свежайшие, едва распустившиеся лилии, белые и алые розы, хризантемы и пионы. От такого смешения цветочных ароматов у Виктории закружилась голова, она присела в кресло в углу зала, и закрыла глаза, представляя, как вечером в этом огромном, роскошном зале соберётся вся знать восточной и северо-восточной Ямайки. Дамы, порхающие в танцах в своих лучших нарядах, кавалеры в строгих костюмах, сшитых по последней моде и конечно капитан Миллер в своём строгом военном сюртуке с золочёными пуговицами и эполетами. Из мыслей о капитане Миллере Викторию вывел пронзительный крик Марианны:

– Виктория! Что ты делаешь в аванзале в таком виде?! Немедленно ступай в свою комнату, я пришлю к тебе свою гувернантку, она поможет тебе умыться, одеться и причесаться, а может быть научит тебя парочке хороших манер, после спустишься к завтраку.

С этими словами Марианна покинула аванзал. Виктории в очередной раз стало стыдно за себя, опечаленная тем, что тётя её отругала, она побрела в свою спальню. Проходя через гостиную, девушка услышала из-за приоткрытой двери столовой, разговор Джеймса и Марианны.

– Отец, ты уверен, что эта неотёсанная девчонка дочь моего покойного брата? – возмущалась Марианна. – У неё же никаких манер, она невоспитанная!

– Дай ей немного времени, дочка, – спокойно отвечал Джеймс, – она росла несколько в иных условиях, вот увидишь, что не пройдёт и пары недель, как она превратится в настоящую леди.

– Ох, батюшка, не знаю, насколько меня хватит, честное слово, я мечтаю взять кнут и выпороть её! Ни вкуса, ни манер, ах, боюсь даже представить, как мы сегодня опозоримся на балу перед всем знатным обществом Ямайки, да что там, нас будет высмеивать вся Англия, от сброда до короля!

Виктория не желала более слушать оскорбления Марианны, она побежала в свою комнату и закрыла дверь изнутри на небольшую щеколду, упала на кровать и зарыдала. Чувство одиночества поедало её изнутри, всё здесь было ей чуждо, весь этот благородный, знатный мир, что окружил её. Прошли чуть более двух дней, как Виктория вошла в свою новую семью, а ей казалось, будто прошёл целый год, долгий и нудный, погружающий её в свой мир, от которого она так далека. И она ещё осмелилась возмечтать о капитане Миллере, она, над которой, наверно, смеётся даже прислуга. В дверь постучали. Девушка быстро вытерла слезы, встала, отворила её. В комнату вошла высокая дама средних лет, несколько сутулая, одетая в темно-коричневое платье из тяжёлого бархатного материала. Это была гувернантка Марианны – миссис Кларисса Блэкберн. Женщина довольно строго указала Виктории на её неряшливый вид, после чего долго объясняла, как истинная леди должна начинать свой день.

– И помни, дорогая, что никогда и ни при каких обстоятельствах, благородная дама, не станет разгуливать по дому в присутствии слуг в одном пеньюаре, с растрёпанными волосами, а молодой леди и вовсе не пристало ходить по дому одной, – говорила миссис Блэкберн, – кто у тебя была гувернантка, она тебя ничему не научила.

– У меня не было гувернантки. – тихо ответила Виктория.

– О, ужас! – воскликнула миссис Блэкбэрн, – у всякой девушки из порядочной семьи должна быть гувернантка, – а кто же учил тебя читать, писать, изучать иностранные языки, в конце концов?

– Я училась в частной школе.

– Господи помилуй! – миссис Блэкберн от неожиданности выронила расчёску из рук.

– Моя мама умерла, сразу после того как родила меня, а отец умер, когда мне едва исполнилось десять лет. Мачеха отправила меня в частную школу в Мад... – девушка осеклась, вспомнив, что дед просил её никому не рассказывать про своё испанское происхождение, – в Манчестер.

Миссис Блэкберн приобняла Викторию.

– О, бедное дитя, сколько же, наверное, тебе пришлось пережить. Слава Богу, что ты смогла найти своего дедушку.

Виктория пожала плечами, она искренне не понимала, почему в Англии считается обучение в частной школе таким уж дурным тоном, и почему все вокруг норовят пожалеть её. О школе у Виктории остались лишь хорошие воспоминания, многому смогла она научиться там, выучила в совершенстве английский и французский языки, немного говорит по-немецки, прекрасно разбирается в искусстве и живописи, рисует, хорошо читает, считает хуже, но также

научилась и этому, кроме всего прочего обучалась верховой езде и теперь слывёт неплохой наездницей, занималась фехтованием. Давались в школе и уроки духовности, и светского этикета, им, пожалуй уделлось гораздо больше времени, но другое дело, что Виктории эти уроки никогда не нравились, и большую часть их она прослушала.

– Знаете, а мне нравилось учиться в школе. – искренне ответила она.

– О, дитя, не дай Бог это услышит, мисс Марианна. На неё ты должна ровняться, она эталон светской дамы, многие стремятся к тому, чтобы достичь того, чего достигла она на этом поприще.

– Наверно... – грустно протянула Виктория.

Девушка все же считала свою тётку очень скучной, а возможно у неё просто не было достаточно времени, чтобы поближе с ней пообщаться. Сегодняшняя поездка в магазин одежды должна была сблизить их, по крайней мере, на это надеялась Виктория.

– Позвольте, миссис Блэкберн, попросить Вас не укладывать мои волосы в замысловатую причёску. – робко попросила Виктория и одним движением собрала волосы с лица, убрал их назад, заколола заколкой на затылке. – Так лучше, не правда ли?

Гувернантка неодобрительно посмотрела на Викторию, но не стала спорить с ней, она понимала, что необходимо потратить не один день, а может и месяц, чтобы сделать из простушки настоящую леди.

– Спасибо Вам, миссис Блэкберн, но платье я надена сама. – Виктория достала из шкафа скромное платье – англез жёлтого цвета из лёгкого шелка, с закрытым верхом, но укороченными рукавами, декорированное гипюровыми вставками.

– Я помогу Вам затянуть корсет и надеть фижму. – настойчиво сказала миссис Блэкберн.

– Нет, спасибо, я не буду надевать корсет, ведь на платье уже есть корсет, а с фижмой я справлюсь. – ответила Виктория и буквально вытолкала миссис Блэкберн за дверь.

Спустя минут пятнадцать Виктория спустилась к завтраку на открытую террасу, где её ожидала Марианна. Джеймса Вуда не было. Марианна пристально оглядела Викторию, позвав миссис Блэкберн, она отчитала последнюю за внешний вид племянницы, но потом все же сменила гнев на милость.

– Ох, как я голодна, съела бы целого поросёнка, жаль, что его не подают на завтрак. – сказала она.

К слову, Марианна была женщиной с выдающимися формами, у неё были жиденькие светлые вьющиеся волосы, которые она всегда убирала в аккуратную высокую причёску, дополняя её шиньоном или париком. Круглолицая, с узкими глазками и тоненькими едва заметными бровями, Марианна никогда не славилась красотой среди здешних молодых дам. Но её происхождение и благовоспитанность полностью восполняли этот недостаток. Характер у Марианны тоже был не подарок, слишком высокомерная, при этом склочная, всегда недовольна окружающими её людьми, считающая себя идеалом и примером для подражания для многих юных леди. Бесспорно, по части хороших манер Марианну сложно было превзойти. С самых малых лет с Марианной занимались лучшие гувернантки Европы, последней из которых стала миссис Блэкберн, известная придворная дама Лондона, муж которой скорострительно скончался от ветряной оспы, а ей пришлось продать большую часть имущества, чтобы хоть как-то расплатиться с карточными долгами мужа и свести концы с концами. Впоследствии она стала обучать девочек из дворянских семей музыке, живописи, этикету, чтению и иностранным языкам. Уже более десяти лет она является гувернанткой Марианны и считает её лучшей из своих учениц. И действительно, Марианна относилась к занятиям с большой отдачей, старательно выполняла все задания миссис Блэкберн, за что всегда поощрялась дополнительными сладостями. Видимо, это и стало причиной стремительного набора лишнего веса. И к двадцати восьми годам Марианна по-прежнему оставалась девицей. Женихи не выстраивались в очередь перед дверьми Джеймса Вуда с предложением руки и сердца, а те, кто и желал связать себя узами

брака с мисс Вуд, не воспринимались достойными кандидатами, как по происхождению, так и по личному к ним отношению «невесты». С той самой поры, как на Ямайку перевели капитана Миллера, Марианна грезилась мечтами о свадьбе с ним, однако молодой человек, пренебрегающий всеми формами светского времяпрепровождения, будь то званый ужин, маскарад или бал, совершенно не оказывал знаков внимания губернаторской дочке. Сам генерал-губернатор неоднократно обращался с просьбой к капитану, стать членом их семьи, но последний лишь отшучивался, не желая обидеть столь уважаемого человека и своего близкого друга.

К завтраку по обыкновению подавали овсяную кашу с яблоком, белый хлеб с джемом и кофе с молоком. Марианна с недовольством приступила к трапезе.

– Изю дня в день овсянка... – бубнила она себе под нос, съедая очередную ложку «нелюбимого» блюда.

После завтрака Марианна и Виктория на экипаже отправились в город. Портниха не успела закончить платье к утру, и Марианна решила купить племяннице готовое платье в магазине. Виктория была счастлива, что тётя уделяет ей столько внимания и беспокоится о её наряде перед первым балом. На самом же деле Марианна переживала за себя, опасаясь, что племянница опозорит её на всём Британском королевстве, поэтому она решила лично проконтролировать, что на себя наденет Виктория, а так же, как она причешется и, как будет вести себя в светском обществе.

Экипаж подъехал к двухэтажному каменному зданию недалеко от центральной площади Порт-Антонио. На здании висела металлическая табличка с выгравированными буквами «Магазин женской одежды».

– Это один из лучших магазинов на всех карибских островах! – громогласно сказала Марианна, выходя из экипажа. – Вот увидишь, Виктория, здесь мы обязательно подберём тебе хороший наряд. Портной и одновременно владелец магазина давно шьёт одежду самым благородным дамам Ямайки, в том числе сшил несколько модных нарядов и для меня.

Девушки вошли в помещение магазина через тяжёлые стеклянные двери. Внутри магазин выглядел очень богато, пол и стены отделаны мрамором, повсюду позолота и дорогая мебель в стиле итальянского барокко, а потолок отделан лепниной. Виктория восхитилась столь богатым интерьером магазина, ранее, будучи в Мадриде, она заходила в местные магазинчики, но они и близко не шли ни в какое сравнение с этим. Навстречу к девушкам вышел мужчина средних лет, невысокого роста, темноволосый, с маленькими черными усиками. Выглядел мужчина очень скромно, нервно теребил жилетку своего костюма и пытался дружелюбно улыбаться. Виктория отметила такое поведение мужчины и сделала вывод, что Марианна была достаточно частым гостем в этом магазине, и, по всей видимости, гостем очень капризным.

– Мадам Вуд! – воскликнул он тоненьким голоском с лёгким итальянским акцентом. – Рад снова видеть Вас в стенах моего магазина. У нас новые поступления... – он осёкся, – но боюсь, Вам они не придутся по вкусу, это современная лондонская мода.

Марианна покраснела, слова мужчины её задели. Он заметил это и тут же попытался исправить ситуацию.

– О, мадам, Вы сегодня выглядите, как всегда очаровательно и по последней моде. Вам ни к чему эта лондонская безвкусица.

– Вольно, мистер Браун! – сурово ответила Марианна. – Я не для себя пришла выбирать наряд. – Вы должны быть уже слышали, что мой отец сегодня устраивает званый бал, так вот, моей новоиспечённой племяннице нужен достойный наряд. Покажите лучшее, что есть в Вашем магазине.

Мистер Браун поклонился и пригласил Victорию пройти за ним. Они прошли в соседнее помещение, где стояли деревянные манекены, их было десятка два, на всех были надеты женские платья, одно роскошнее другого. Но Виктория смотрела на все эти наряды без воодушевления.

ления, ни один из них не соответствовал тому платью, которое она успела нарисовать в своём воображении.

– А можно посмотреть наряды современной лондонской моды? – шёпотом спросила Виктория, озираясь по сторонам, чтобы её не услышала Марианна.

Мистер Браун улыбнулся, он провёл девушку через зал с манекенами, и они оказались в ещё одном зале, более маленьком, в котором также стояли манекены, но их было не более десяти. Виктория осмотрела платья, они были чудесные, очень лёгкие из ситца и льна, более дорогие – из шелка, атласа, почти все модели имели гибкий мягкий корсет и небольшую фижму, не делающую платье похожим на стол. Эти модели отличались от привычного всем французского рококо своей простой, элегантностью, а главное, лёгкостью. Но для бала Виктории не понравилось ни одно из представленных нарядов. Девушка вкратце описала, каким видит своё идеальное. Тогда мистер Браун воодушевился и сказал:

– Я прекрасно Вас понимаю, мисс, у меня есть то, что Вы ищите... О, это чудесно, чудесно. Однако этого платья сейчас нет в этом магазине, оно в моей мастерской, я как раз закончил работу над ним, и знаете, оно словно на Вас сшито. Я пошлю за ним посыльного, нет-нет, я лично за ним съезжу и обернусь за час.

Виктория объяснила все Марианне и попросила её подождать с ней мистера Брауна.

– Надеюсь, что это платье того стоит. – недовольно проговорила девушка. – Ох, завтрак был таким скудным, что я успела проголодаться. Виктория, пройдем вниз по улице, недалеко от пристани есть замечательная кофейня. Выпьем по чашечке чая с восхитительными пирожными.

Девушки отправились пешком в сопровождении адъютанта. По пути Марианна рассказывала Виктории, как вести себя на балу. Чем больше Марианна говорила, тем Виктория больше осознавала, что не справиться со столь сложным протокольным мероприятием. Только девушки подошли к входу в кофейню, как к Марианне сзади подбежал босоногий мальчуган, лет восьми от роду, в длинной бежевой рубашке и укороченных порванных от старости брюках. Своей маленькой грязной ручкой он подёргал за подол платья Марианны и тоненьким голоском проговорил:

– Мисс, а дайте монетку.

Марианна обернулась, с презрением посмотрев на мальчишку, закричала:

– Убери от меня свои грязные руки! Адъютант, что Вы стоите, уберите его!

Одной рукой Марианна с силой оттолкнула мальчика. Он упал на каменный тротуар и заплакал. Виктория в ужасе подскочила к мальчишке и присела рядом с ним на колени, пытаясь поднять его с земли.

– Что Вы делаете, Марианна?! – воскликнула Виктория. – Это же всего лишь ребёнок!

– Адъютант, я приказала, немедленно уберите это! – командным голосом сказала Марианна и пальцем указала на мальчика. – Виктория, немедленно поднимись с колен, ты нас позоришь! – она озиралась по сторонам и видела, как вокруг начинают собираться зрители этого «спектакля».

Адъютант попытался наклониться к мальчишке, но Виктория не дала ему этого сделать, она с силой оттолкнула молодого человека.

– Да, что же Вы не люди?! – кричала Виктория. – Не смейте трогать ребёнка! – после она обратилась к мальчику. – Ты просил монетку? Держи.

Виктория трясущейся рукой из-за пояса достала небольшой кожаный мешочек с десятью золотыми монетами, которые ей дал Джеймс на покупку платья, пять из этих монет она отдала мальчугану. Он робко взял монеты и сжал их в свой маленький кулачок.

– Виктория! Я приказываю тебе, немедленно забери у него деньги! – грозно проговорила сквозь зубы Марианна. – Тебе это так с рук не сойдёт. Адъютант, арестуйте этого воришку, он только что украл пять золотых монет.

За происходящим стали наблюдать прохожие, они плотным кольцом толпились вокруг молодых людей и ждали, чем же все закончится. Среди наблюдающих стоял капитан Миллер, он возвращался с пристани, как услышал крики Марианны.

– Нет, Марианна, Вы не можете этого сделать! – говорила Виктория. – Прошу Вас, сжалитесь, он же ребёнок, а монеты ему я сама дала... – по щёкам девушки покатались слёзы обиды.

Слёзы Виктории заставили капитана Миллера вмешаться, внутри у него шла борьба между нежными чувствами к этой девушке и здравым смыслом.

– Мэм, – обратился он к Марианне, отвесив ей поклон, – моё почтение. Я невольно стал свидетелем столь неприятной для Вас ситуации, но думаю, все можно закончить миром. Мальчуган вернёт Вам монеты, а Вы сжалитесь над его и так нелёгкой судьбой.

Марианна, увидев капитана Миллера, расплылась в улыбке.

– Добрый день, капитан Миллер, безмерно рада нашей встрече. Ах, что Вы, мне не жаль для этого сорванца пары монет. Ступай, мальчик, и постарайся более так не делать. – ласково проговорила она.

Мальчишка встал на ноги и побежал вниз по улице. Капитан Миллер помог Виктории подняться на ноги.

– Моё почтение, мисс Вуд! Полно Вам плакать! – он протянул ей белый накрахмаленный платок, но девушка отвернулась от него.

– Не обращайтесь внимания на эту никчёмную, капитан Миллер, пройдёмте лучше в кофейню, составите мне компанию за чашечкой чая. Виктория, ступай обратно в магазин, мистер Браун, верно уже вернулся с твоим платьем. После чаепития я заеду за тобой.

Марианна подхватила под руку капитана Миллера и потащила за собой в кофейню. Виктория же в расстроенных чувствах пошла обратно в магазин. Её переполняла и злость, и некоторая зависть, и негодование, и сожаление. Вся в смятении девушка подошла к магазину и села на каменные ступени возле входа в магазин. Ситуация с мальчиком показала Виктории всю фальшивость Марианны, она была пронизана ложью. То благородство, которым она кичилась, всего лишь игра, жалкая игра в великосветскую даму. Виктория боялась даже подумать, что капитан Миллер из мира Марианны, столь же лживый и лицемерный. Она создала его прекрасный образ и искренне поверила в него, но сейчас её вера пошатнулась... Пошатнулась и её вера в людей из высшего общества, эти хваленые дамы и кавалеры, гуляющие в сопровождении слуг, в дорогих нарядах, проезжающие на своих дорогих экипажах, запряжённых отменными лошадьми, и так просто проходящие мимо нищих детей, стариков, женщин, молящих о помощи. Они их и не замечают вовсе, а если и бросают взгляд, то лишь, чтобы ещё раз убедиться в своём превосходстве. Они презирают нищету, не желают и близко к ней приближаться, боясь испачкаться, боясь потерять себя, своё лицо. Но лиц у таких людей нет, каждое утро, вставая с постели, они надевают свои маски безразличия, а внутри их остаётся пустота. Пустые набитые куклы! – пронеслось в голове у Виктории. Из всех этих мыслей её вывел голос капитана Миллера.

– Мисс Вуд, я хотел извиниться перед Вами. – сказал он.

Виктория подняла на него удивлённый взгляд. Капитан Миллер сел рядом с ней.

– Хотел принести Вам свои извинения. – повторил он.

– Вы ничего мне не сделали, чтобы извиняться. Это я должна извиниться, вела себя грубо с Вами, Вы верно того не заслуживаете. – проговорила Виктория, отворачивая от него взгляд и едва сдерживая слезы.

– Почему Вы плачете?

– Из-за очередного разочарования в людях.

– Вы о Марианне? Не берите в голову, она избалованная. В жизни Вам ещё столько раз придётся сталкиваться с жестокостью и несправедливостью, и если Вы будете каждый раз лить слезы, то Вам их попросту не хватит. – капитан улыбнулся.

Виктория тоже улыбнулась. В этот момент к магазину подъехал кэб, это прибыл мистер Браун.

– Простите меня, мистер Миллер, но боюсь, я вынуждена оставить Вас, моё платье готово к примерке. Надеюсь, что увижу Вас вечером на балу.

– Непременно, мисс.

Капитан поклонился ей и направился далее по улице, а Виктория вместе с мистером Брауном вошла в магазин, чтобы примерить платье. Спустя час девушка довольная вышла из магазина с большой картонной коробкой в руках, перевязанной атласной лентой голубого цвета. На улице её уже ждал экипаж, но Марианны внутри не было. Виктория села в коляску, полная радости от встречи с капитаном Миллером и покупкой платья, поехала домой.

Глава 11

Гавана. Куба.

Эскадра под командованием коммодора медленно подплывала к берегам Гаваны. К этому времени британцы успели блокировать входной канал, расположив в его устье двенадцать линкоров, что не позволяло приблизиться эскадре коммодора к осаждённой крепости Эль-Морро и оказать содействие генералу Веласко. Коммодору оставалось лишь ожидать подкрепления, обещанного контр-адмиралом, чтобы дать достойный бой британцам с моря. Рикардо решил воспользоваться выигранным временем. Он всё ещё был одержим желанием отомстить Джеймсу Вуду за смерть отца, Виктории Вуд за угон его ведущего корабля, а также вернуть «Молниеносный». Чтобы осуществить задуманное, коммодор разработал план действий. Он намеревался, договорившись с наиболее верными офицерами своего корабля, сперва отправиться на Тортугу, где ему удастся приискать небольшой галеон, на котором он совместно со своими подельниками отплывает в Порт-Ройял, откуда по суше доберётся до Порт-Антонио, силой захватит особняк Вуд, и приведёт, наконец, в исполнение свой план мести. Он был уверен, что Виктория на реквизированном корабле отправилась на Ямайку к своему деду. Всё в его плане казалось безупречным, однако он был связан с риском потерять то, что имел сейчас – честь офицера. Однако он не мог пересилить своё желание отомстить, а потому по окончании своей военной миссии у берегов Гаваны во что бы то ни стало осуществить задуманное.

Коммодор стоял на верхней палубе своего фрегата и наблюдал за тем, как ежечасно британцы на суше с холма Ле-Кабана устраивают массивные артиллерийские обстрелы крепости Эль-Моро. В такие моменты все внутри коммодора закипало от ненависти к британцам, он не находил себе места от безысходности, от невозможности как-то повлиять на ход сражения. Его оскорбляло, что испанцы должны были сидеть в обороне на собственной земле, отстаивать её у злосчастных оккупантов. Но в душе коммодор верил в то, что победа все же останется за доблестной Испанской империей, надеялся, что англичан свалит жёлтая лихорадка, вспышки которой повсеместно происходили на островах Карибского моря.

– Коммодор, разведывательные силы поговаривают, что англичане собираются переходить на комбинированные нападения, для этого с Ямайки отправляется эскадра из восьми линейных фрегатов во главе с фрегатом «Молниеносный». – сказал боцман корабля, подойдя к коммодору.

– «Молниеносный»! – воскликнул коммодор в гневе. – Это наш корабль! Передайте капитанам всех кораблей, чтобы выстраивались в боевую линейную позицию, не дадим английским собакам подплыть к крепости Эль-Моро. Надеюсь, что к тому времени, корабли Паоло ди-Пунто прибудут.

Порт-Антонио. Ямайка.

Виктория прибыла в поместье без четверти пять. На пороге её встретила разъярённая Марианна.

– Где тебя черти носили! – кричала она. – В шесть часов начнут съезжаться гости, неужто ты думаешь, что все будут ждать, пока её величество Виктория соизволит навести марафет?

Марианну прервал Джеймс, он вышел навстречу внучки и дружелюбно спросил у неё:

– Купила платье, о котором мечтала?

– Да.

– Ступай к себе в спальню, я пришлю Софию, она тебе поможет одеться к балу.

Виктория поклонилась и побежала по лестнице на второй этаж. Её переполняли самые разные чувства, от волнения до предвкушения и страха. Ей не терпелось надеть своё первое бальное платье. Оно было совсем не то, которое для неё выбирала Марианна. Виктория решила, что платье непременно должно быть лёгким и одновременно пышным, она отказалась от объёмных платьев из тяжёлых тканей. Её платье было шито полностью из лёгкой индийской тафты, а пышность ему придавала юбка из шифона и газа, усыпанного множеством полудрагоценных камней, что придавало ему необыкновенное сияние. Платье имело глубокое декольте, открытые плечи и наполовину оголяло спину. Сзади платья тянулся длинный шлейф. София, одна из компаньенок Марианны, помогла Виктории надеть всю эту красоту.

– Мисс, Вы выглядите по-королевски роскошно! – восхитилась София. – Осталось только сделать причёску. Ах, уже совсем немного времени у нас, нужно поторопиться, скоро за Вами придёт сэр Вуд.

София собрала все волосы в высокую причёску, сделав её объёмной, а спереди и на затылке оставила несколько свободных вьющихся прядей, придавая игривости и некоторой наивности образу. Причёску Виктория украсила восковыми цветами жасмина. Когда часы в комнате Виктории пробили ровно шесть часов, девушка с трепетом встала перед дверью, ожидая прихода Джеймса Вуда. Все у неё внутри сжалось от предвкушения, руки затряслись, и она почувствовала нехватку воздуха.

– София, прошу, откройте окно, мне нечем дышать. – в полголоса попросила Виктория.

Девушка немедленно распахнула настежь створку окна, и в комнату проник свежий морской воздух. Виктория вдохнула его полной грудью. С улицы доносились стук колёс, подъезжавших экипажей, и разговоры уже прибывших гостей. Джеймс Вуд не заставил себя долго ждать. В шесть часов десять минут он вошёл в комнату в роскошном белом фраке с золочёной оборкой и белом парике.

– Виктория, ты выглядишь великолепно! – воскликнул он с порога. – Глаз не отвести.

Улыбка коснулась её губ. Она присела в неглубокий реверанс и протянула Джеймсу дрожащую руку.

– Ты вся дрожишь, дитя моё, – заметил он, – волнуешься из-за бала? Ты прекрасна, и чтобы не говорила Марианна, ты очаруешь всех гостей. Кстати, большая часть из которых уже прибыла и думаю, мы готовы представить тебя.

– А капитан Миллер тоже среди гостей? – робко спросила Виктория.

– Да, капитан Миллер прибыл в числе первых.

Виктория была счастлива услышать, что капитан всё же приехал. Она предвкушала встречу с ним, ведь здесь она смогла бы предстать перед ним с другой стороны, настоящей леди. Джеймс подхватил Викторию под руку, и повёл в гостиную. Выйдя на балкон, Виктория осмотрела гостиную, в ней находилось более сотни человек, одетые в свои лучшие наряды, дамы, напудренные с причудливыми причёсками, в роскошных и несколько замысловатых платьях. Они что-то обсуждали друг с другом, мужчины же стояли отдельно и также о чём-то бурно беседовали. Виктория взглядом искала капитана Миллера.

– Попрошу Вашего внимания, господа! – торжественно произнёс Джеймс. – Я безмерно рад видеть Вас сегодня в своём доме, на этом званом балу. Этот день многое для меня значит. Сегодня я хочу представить Вам эту юную особу, – он указал на Викторию. Как многим Вам должно быть известно, я долгих тридцать восемь лет искал своего сына, и вот, наконец, я могу сказать Вам, что я завершил свои поиски. Виктория Вуд – моя внучка!

Из дальнего угла гостиной вышел капитан Миллер, он пристально смотрел на Викторию, а она на него. В его взгляде читалось недоумение, смешавшееся с удивлением. Значит, она внучка Джеймса Вуда! – прозвучало у него в голове. Гости зааплодировали и восхищённо разглядывали Викторию. Мужчины шептались между собой – «Какая красавица!», а женщины смотрели с некоторой толикой зависти, не решаясь произнести ни слова. Наряд Виктории

выглядел достаточно экстравагантно на фоне французского рококо, который в избытке прева-лировал в этом зале. Спускаясь по лестнице, Виктория не сводила взгляд с капитана Миллера, пройдя через всю гостиную, она подошла к нему, присела в реверансе и тихо поздоровалась, после чего вернулась к дедушке.

– Дорогие гости, прошу в аванзал, бал объявляется открытым! – объявил Джеймс Вуд.

Гости готовые к безудержному веселью проследовали за хозяином дома. В аванзале заиграла динамичная музыка. Дамы, выстроились в ряд по одну сторону зала, а кавалеры по другую. Под музыку они ритмично закружились в контрдансе, меняясь партнёрами. Все это напоминало какую-то игру, улыбки не сходили с лиц женщин. Одинокие дамы пытались тем самым обратить на себя внимание понравившегося кавалера. Единички, кто не сливался в этом красочном шествии, они стояли в стороне, наблюдая за танцующими, как правило, это были пожилые дамы и мужчины, которые может и хотели снова танцевать, но физическое их состояние уже не позволяло им сделать этого. Были среди них несколько молодых юношей и леди. Так, рядом с колоннадой у камина скромно стояла Виктория, она крепко сжимала в руках бокал с красным вином, внимательно наблюдая за тем, как себя ведут благочестивые дамы, за их движениями. В школе Виктория училась танцевать балльные танцы, но контрданс она увидела впервые. Она чувствовала себя чужой среди всей этой пёстрой толпы. С детства, увлечённая английской культурой и мечтающая оказаться в Лондоне, сегодня Виктория, находясь здесь, в центре светского общества, в этой «маленькой Англии», в её крошечной частичке, вдруг поняла, что тоскует по родине, по бескрайним просторам Испании, по той простой землевладельческой жизни, не обременённой правилами этикета. Тайком ей в голову закралась мысль, а не совершила ли она ошибку, покинув родную землю? Сквозь толпу в самом тёмном углу зала, Виктория заметила капитана Миллера, он показался ей таким близким, будто также тоскующим по чему-то родному, но она все ещё не могла разгадать его тайну. На несколько секунд их взгляды пересеклись, они, словно поняли друг друга, почувствовали, что чужие здесь, но в этот момент музыка стихла, и Джеймс Вуд пригласил всех гостей за званый ужин, дабы с новыми силами продолжить танцы. Гости неторопливо проследовали в просторную столовую, рассчитанную на приём до пяти ста человек. Гости расселись за длинный прямоугольный стол друг напротив друга. Мужчины постарались сесть поближе к генерал-губернатору, а женщины к Марианне. Виктория сидела рядом с Марианной и дедушкой, напротив неё несколько поодаль сел капитан Миллер. После этого официанты стали разносить блюда. Ужин по обыкновению был лёгким, чтобы гости смогли продолжить танцы, ведь после ужина шла очередь мазурки, достаточно ритмичного танца. Подавали на ужин молочных поросят, запечённую утку с яблоками и лёгкие закуски в виде различных морепродуктов: мидий, устриц, крабов. К концу ужина между мужчинами, как всегда завязался разговор о политике, а именно о насущной проблеме – войне между Англией и Францией.

– Испания ввязалась с нами в войну лишь в надежде вернуть Гибралтар. – уверенно говорил седовласый мужчина, сидевший рядом с Джеймсом Вудом. – Они до сих пор не могут простить себе эту потерю, зуб точат на нас.

– Простите, но я не могу с Вами согласиться, – неожиданно для гостей вступила в разговор Виктория, заставив обернуться всех присутствующих, кто мог услышать её, – в Испании очень трепетно относятся к британской культуре и к Великобритании в целом. В испанском обществе более тяготеют к англичанам нежели к французам. Дело всё в династии Бурбонов, так уж сложилось, что Испании буквально приходится делить престол с Францией.

– Откуда Вам знать, мисс, как думают в испанском обществе? – лукаво спросил седовласый мужчина.

– Мне приходилось встречать на своём пути коренных испанцев. – спокойно ответила Виктория. – Это очень прискорбно, что сейчас, некогда союзники, стали врагами в войне, которая не выгодна обоим сторонам.

– Джеймс, право, почему ты до сих пор скрывал от меня эту юную особу?! Если у молодой леди до сих пор нет жениха, то мой сын – Майкл, способен составить Вам достойную партию! – он указал на юношу лет двадцати, с не естественно бледной кожей, скромно сидевшего чуть поодаль своего отца.

Виктория смутилась, она слегка опустила голову, ей все это напомнило тот злополучный ужин, на котором Рамира пыталась сосватать её коммодору, только бы её первый бал не превратился в очередные смотрины.

– Думаю, мистер Джозеф, Виктория ещё слишком юна, чтобы думать о женихах! – в разговор вступил капитан Миллер, неожиданно для самого себя ему стало невыносимо слушать и тем более допускать мысли, что Виктория может обручиться с каким-то Майклом. – Кроме того, что женщина может понимать в политике, это лишь наивные допущения.

– Простите, капитан! – возмутилась Виктория. – А как же королева Елизавета – она была женщиной, если я не ошибаюсь, по-Вашему её представления о политике – наивные допущения?

Джозеф рассмеялся, а вместе с ним и Джеймс.

– Утёрла она Вам нос, капитан! – ехидно заметил один из присутствующих мужчин, высокий господин с аккуратно подстриженной чёрной бородкой и усами.

Капитан Миллер бросил на Викторию гневный взгляд, она исподлобья посмотрела на него.

– Простите меня, капитан... – робко проговорила она, понимая, что позволила себе лишнее.

– Давайте уже сменим тему, – сказал капитан Миллер и обратился к губернатору. – Сэр Джеймс, что слышно о Гаване? Я так понимаю, что испанцы по-прежнему стойко удерживают крепость Эль-Моро?

– Увы, капитан, увы. – вздохнул Джеймс. – Командующий Кэмпбел успел потерять добрую часть своих солдат, кто-то погиб в стычках с испанскими партизанскими отрядами, но большая часть слегла от жёлтой лихорадки, но говорят она не обошла мимо и испанцев. Из Америки движется подкрепление из четырёх тысяч солдат, будем надеяться, что они успеют до того, как Кэмпбел успеет потерять своего последнего солдата. Завтра Вы отплываете к берегам Кубы, думаю, что на подступах к крепости Эль-Моро Вас встретит военный флот Испании, они так просто не отдадут нам столь важный для них стратегический объект, поэтому Вам придётся пробиваться, надеюсь, что «Молниеносный» в очередной раз сослужит Вам хорошую службу, Кэмпбэлу как никогда нужна поддержка с моря.

– Можете полностью рассчитывать на меня, мы будем биться до последнего. – заявил капитан Миллер.

На этом ужин завершился, и гости вновь вернулись в аванзал, где заиграла кокетливая мелодия мазурки. Кавалеры приглашали дам на танец, а Виктория снова встала в стороне, наблюдая за праздником. Несколько молодых людей попытались пригласить её на танец, но Виктория вежливо отказывала им, она ждала приглашения от другого мужчины. В душе ей было совсем не радостно, новость о том, что капитан Миллер отправляется в столь опасное плавание, застигла её врасплох, страх сковал все внутри, страх того, что он может не вернуться к ней. Сердце забилось учащённо, казалось, вот-вот оно выпрыгнет из груди, точно птица из клетки. Она пыталась отыскать его взглядом, но он будто растворился в этой толпе. Виктория одним глотком осушила бокал с вином. Не успел официант забрать у неё пустой бокал, как она услышала гневный шёпот Марианны.

– Что ты позоришь нас весь вечер? Истинная дама пьёт вино маленькими глотками, а не как заправский пьянчуга!

Игривая музыка мазурки стала стихать, заиграла камерная музыка. Сначала струйный клавесин сменился изяществом скрипки, а после снова заиграл клавесин, созывая пары

слиться в изящном менуэте. Кавалеры, протягивая руку дамам, приглашали их на танец, а дамы присев в реверансе, в ответ протягивали свою руку и медленно сливались в танце с партнёром. Танец напоминал медленный вальс, разве что танцующих разделяло расстояние полусогнутой руки. Английское светское общество все ещё находилось под влиянием французского рококо, где вальс считался танцем неприличным, отчасти вульгарным. Однако на провинциальных балах горожане и вельможи во всю вальсировали, полностью отказавших от чересчур заурядного менуэта.

Марианна продолжала отчитывать Викторию относительно её поведения за ужином и во время танцев. В этот момент к ним подошёл капитан Миллер.

– Мисс, окажите честь, подарить мне этот танец. – сказал он, глядя Виктории в глаза.

Марианна обернулась и расплылась в улыбке.

– С большим удовольствием, капитан! – воскликнула она, протягивая ему руку.

Но капитан прошёл мимо девушки. Он протянул руку Виктории, слегка поклонившись. Она присела в реверансе и также протянула ему свою руку. Молодые люди закружились в танце. Они будто бы парили над аванзалом, не замечая никого. В какой-то момент капитан Миллер притянул Викторию к себе, и они завальсировали, совершенно не в такт музыке, они будто бы летали высоко в облаках, и казалось, что никого кроме них в не было во всём белом свете. Виктория таяла в его руках, словно восковая свеча тает от огня. Капитан коснулся рукой её оголённой спины, по телу Виктории пробежала едва уловимая дрожь, девушка закрыла глаза, в этот миг она желала слиться с ним воедино, чтобы он никогда не отпускал её из своих крепких и таких жарких объятий. Капитан также почувствовал сильнейшее волнение и жар внутри тела, какой не испытывал ранее от прикосновений женщин, наконец, открыв своё сердце для чувств. Он прижал её к себе настолько сильно, что Виктория почувствовала лёгкое головокружение, но удушье это было приятным, она не хотела, чтобы он отпускал её. Музыка стихла, но Виктория и капитан Миллер продолжали кружиться в танце. Гости расступились и в недоумении смотрели на двоих танцующих. Лишь Марианна неустанно повторяла: «Какой стыд! Какой позор!». Наконец молодые люди остановились. Мужчина, не в силах сдержать себя, едва коснулся своими губами губ Виктории. Она поддалась поцелую и ответила ему, обхватив руками его шею. По залу прокатились восторженные вздохи. А после капитан Миллер, взяв Викторию за руку, подошёл к Джеймсу Вуду, обратившись к нему:

– Сэр, могу я просить у Вас руки мисс Виктории? – спросил он.

Виктория воспарила от счастья, неужели капитан Миллер вот-вот станет её женихом, а позже и мужем. Мужчина, которого она успела полюбить всем сердцем, искренне и беззаветно, также желает быть рядом с ней. Но в разговор вмешалась Марианна, она отдернула руку капитана из руки Виктории и воскликнула:

– Этому не бывать! Отец, замуж за капитана Миллера должна выйти я!

– Марианна, прошу тебя, не позорь меня! – сурово проговорил Джеймс, озираясь по сторонам. – Капитан Миллер просит руки Виктории, и я ничего не имею против этого.

– Да как же так, отец! – не унималась Марианна. – Так нельзя, по возрасту я должна выйти замуж! Что Вы все бегаєте с этой необразованной девчонкой, она же неблаговоспитанная, заурядная, она совершенно не подходит столь благородному мужчине, как капитан Миллер.

– Позвольте мне решать, мадам! – спокойно ответил капитан.

– Вам решать?! Да что Вы знаете? Хотите в жены взять простушку?! Испанскую челядь!

В этот момент Джеймс побагровел от злости, он с силой закатил Марианне пощёчину и приказал незамедлительно ступать в свою комнату. Виктория вспыхнула от стыда, её щеки покраснели, чувствуя, как за спиной её пожирают сотни взглядов, она хотела раствориться, исчезнуть, чтобы никто её не увидел и не смел взглянуть ей в лицо. Чувствуя, как рыдания встают комом в горле, и она не уже не в силах сдерживать набежавшие на глаза слёзы, броси-

лась бежать на утёк, расталкивая гостей. Девушка выбежала на улицу и зарыдала, она побежала по узкой тропинке вдоль лужайки к калитке, распахнув которую, выбежала к густому лесу. Сквозь слезы, в полумраке, она не видела перед собой дороги, но, не останавливаясь бежала сквозь густые заросли леса вниз по утёсу. Острые ветки кустарников цеплялись за подол её роскошного платья, разрывая его. Причёска вся растрепалась и волосы спадали на лицо. Внезапно Виктория споткнулась о корягу, торчащую из земли и кубарем покатила вниз, упав лицом на песчаный берег моря. Девушка приподняла голову и заплакала ещё громче от боли и обиды, что буквально испепеляла всё внутри. Она почувствовала солоноватый привкус во рту, потрогав губу рукой, ощутила тёплую влажную кровь. Перчатки разорвались, ладони также были разбиты, из ран сочилась кровь. В этот момент к ней подбежал капитан Миллер. Он припал к ней на коленях, быстро снял с себя сюртук и накинул ей на плечи.

– Что же ты убежала, глупая? – проговорил он, обнимая Викторию, и так неожиданно переходя на «ты».

– От стыда! – сквозь слёзы произнесла она.

Капитан крепче обнял Викторию и прижал к себе, поглаживая по её шелковистым волосам, пытаясь успокоить.

– Простите меня, капитан... – говорила Виктория.

– Александр, это моё имя.

Виктория сквозь слёзы попыталась улыбнуться, но разбитая губа причиняла лёгкую боль, она сильнее прижалась к капитану.

Когда девушка успокоилась, Александр помог ей подняться на ноги. Белым платком он стёр с её губы кровь.

– Солнце уже почти за горизонт, скоро стемнеет, нужно вернуться домой. – сказал он.

– О, нет, Александр, прошу, я не могу сейчас вернуться в тот дом! Не хочу! – воскликнула Виктория и умоляюще посмотрела на него.

– Хорошо, ты можешь остаться эту ночь у меня. За тебя будут переживать, я pošлю гонца, он передаст твоему дедушке, что с тобой всё в порядке.

– Спасибо. – Виктория улыбнулась.

Молодые люди направились в город вдоль берега моря. Они шли молча, держась за руки и, наслаждаясь друг другом. Одна за одной на небе загорались звезды, придавая ему необыкновенное сияние.

Глава 12

Войдя в комнату капитана Миллера, Виктория сказала:

– Я так и представляла себе твоё жилище.

Капитан нахмурился.

– Хм, маленькое и убогое? – спросил он с лёгкой ноткой обиды в голосе.

– Нет же, простое, без изысков, доброе, если так можно сказать применительно к жилищу, и уютное.

Александр приблизился к Виктории и притянул её к себе за талию. От него исходил терпкий запах табака и виски, она ощутила сильное волнение, ей безудержно захотелось поцеловать его, что она и сделала в то же мгновение. Подалась вперёд и коснулась своими губами его губ. Он ответил на поцелуй, после чего запустил ей в волосы свои руки, продолжая страстно целовать. Виктория не знала, какое за этим последует продолжение, но она жаждала его. В следующий миг позволила ему расстегнуть её корсет, затем снять платье, сорочку. Оказавшись обнажённой, Виктория закрыла глаза, он медленно уложил её на кровать, своей рукой нежно провёл сперва по её талии, а после по внутренней поверхности бедра. Всё её тело покрылось мурашками, внутри она ощутила сильное волнение, схожее с буйством тысячи бабочек, одновременно порхающих в животе. Обхватив его шею руками, Виктория всем телом прильнула к нему, а он осыпал её шею и грудь поцелуями. Она всё глубже и глубже погружалась в этот блаженный омут. Неожиданно Виктория почувствовала резкую боль внизу живота, она шептала, что-то на ухо Александру, скорее всего, просила остановиться, но он лишь нежно поцеловал её в губы. Боль потихоньку стихала, перерастая в наслаждение, и Виктория растворилась в нем полностью, отдавшись своим страстям с головой. Она не помнила, как всё закончилось, очнулась от лёгкого прикосновения Александра, он гладил её волосы и целовал в лоб. Виктория до сих пор не могла осознать, что с ней произошло, полное смятение чувств, она лежала и боялась пошевелиться, боялась, что это сон, который вот-вот закончится. Но тут взгляд её упал на белые простыни на полу, испачканные кровью. Стыд охватил Викторией, она поняла, что лежит голая с мужчиной в одной кровати, с мужчиной, который не является её мужем. Вскочив с кровати, и быстро надев на себя сорочку, она схватила простыни, свернула их в ком и спрятала за спину. Александр рассмеялся и позвал Викторию к себе, но девушка помотала головой, она сгорала от стыда, ругала, кричала на себя изнутри за свою слабость и податливость.

– Тебе нечего стыдиться, – нежно сказал Александр, и за руку притянул её к себе, – скоро мы поженимся, и ты станешь моей законной супругой.

Виктория присела рядом. Слова Александра немного успокоили её, вселили надежду. Она провела своей рукой по его волосам и со всей любовью и нежностью посмотрела ему в глаза, пытаясь найти там ответ, а не предаст ли он её? Ведь, в сущности, она ничего не знала о нём. Опустившись на подушку, рядом с Александром и, взглянув в его глаза, она снова увидела в них грусть.

– Ты грустишь? – спросила Виктория.

– Нет, с чего ты взяла?

Она пожала плечами.

– Знаешь, а ведь я совсем ничего о тебе не знаю. – сказала она. – Откуда ты? Кто твои родители? Хотя что-нибудь...

Александр отстранился. Эта тема была неприятна для него, причиняла боль, никто не знал о его жизни, и сейчас он не был до конца уверен, готов ли снова терзать старые раны, которые только начали затягиваться. Александр посмотрел на Викторию, которая с надеж-

дой в глазах ждала от него ответа, и решил, что должен рассказать о себе женщине, которую искренне полюбил.

– Родился я в графстве Гемпшир, в большом портовом и производственном городе Саутгемптон. Мой отец был владельцем судостроительной компании, очень уважаемым и влиятельным человеком на юго-востоке Англии, а моя мама – учительницей в духовной семинарии, очень набожная верующая женщина, кроткая и тихая, я до сих пор задаюсь вопросом как мой отец, заядлый игрок в карты и гуляка, смог покорить столь чистую и открытую женщину. С детства она прививала мне и моей маленькой сестрёнке – Мэредит любовь к Господу, каждое воскресенье мы всей семьёй, в том числе мой неверующий отец посещали службу в англиканской церкви, а после всю дорогу до дома слушали насмешки отца относительно религии, но мать это будто не трогало, она улыбалась ему и даже поддерживала его неуместные шутки, но потом пол ночи молилась за грешную душу отца. Это было что-то вроде нашей семейной традиции. Но как бы мама не старалась привить мне любовь к Богу, я всё же пошёл по стопам отца, с юных лет меня привлекали корабли, море, я мечтал о дальних плаваниях, поэтому в четырнадцать лет записался в рекруты на флагманский корабль. Это был небольшой галеон, ещё из старых боевых кораблей, он курсировал вдоль берегов юго-восточной Англии по проливу Ла-Манш. Скорее это был просто дежурный сторожевой корабль. Капитан этого галеона хороший друг моего отца, я быстро пошёл вверх, уже к восемнадцати годам достиг первого уоррент-офицерского звания – мичман. Но я не желал дальше оставаться на галеоне, так как понимал, что корабль этот в любой момент могут пустить в расход, и я вернусь к тому с чего начал. Вопреки воле отца я пошёл учиться в морское кавалеристское училище Его Величества короля Георга II. Спустя два года обучения меня взяли в команду военного фрегата – Корабля Его Величества «Олимпия» на должность лейтенанта. Отец гордился мной. Шёл 1752 год, это был год промышленных переворотов, начинал процветать капитализм и в то же время, всё чаще происходили волнения среди рабочих. В больших городах увеличилось число рабочей силы за счёт утечки таковой из сельской местности. Рабочих мест не хватало. Предприятие моего отца стало испытывать некоторые финансовые затруднения, закрылись несколько платформ по строению галеонов, так как военный флот активно переходил на лёгкие и более манёвренные фрегаты. Отцу пришлось уволить более двухсот с половиной рабочих. Я в тот период находился в долгосрочном плавании в водах Атлантического океана. Рабочие под предводительством некоего Джастина Бишопа, одного из уволенных, устроили забастовку у дома моих родителей. Отец, мать и сестра в этот момент находились в доме, и у них не было возможности покинуть его, так как бастующие окружили дом. Они требовали восстановить каждого уволенного рабочего. Так они провели у дома моих родителей двенадцать часов. К тому времени стражи города стали разгонять манифестантов, коих собралось не меньше полутысячи. Тогда Джастин Бишоп потребовал от отца принятия незамедлительного решения, в противном случае, он грозился поджечь дом. Отец отказался выполнить требования Бишопа, и двадцать два человека во главе с последним облили дом со всех сторон керосином и подожгли, у моих родителей не было ни шанса спастись. Дом вспыхнул за секунды. Из плавания я вернулся к обгорелым останкам некогда роскошного особняка. К тому времени Джастин Бишоп и его поделщики находились в тюрьме, а позже мне стало известно, что Бишопа казнили по указу Его Величества короля Георга II за организацию мятежа и убийство моих родных. После я отдал прошение о переводе меня в одну из британских колоний. Так совпало, что фрегат «Олимпия» перебросили в усиление сюда, на Ямайку. Вместе со мной на корабле служил сын Джастина Бишопа – Джек Бишоп. Я пытался ненавидеть его, хотел даже учинить ему неприятности по службе, но умом понимал, что он не виноват в грехах своего отца и не должен отвечать за них. Так или иначе, Джек сам себя наказал, впоследствии он был уволен из армии и сослан на каторгу.

Как видишь, Виктория, у меня нет никакой тайны, лишь трагическая история моей юности, которая наложила на меня большой отпечаток. Я предпочёл закрыться от людей и отдаться морю. До встречи с тобой, казалось, я так и остался бы, одинок.

Виктория обняла Александра и погладила его по волосам. Она не знала, что сказать ему, выразить сочувствие, но к чему оно сейчас, она все понимала, чувствовала то, что чувствовал Александр, она всего лишь хотела быть рядом с ним. Но тут вдруг ей в голову пришла мысль о том, что Александр в своём рассказе упомянул Джека Бишоп, пирата, благодаря которому она сбежала из Испании. Девушка решила удостовериться в своих предположениях.

– А что стало с Джеком Бишопом? – спросила она.

– Думаю, он отдал концы на каторге... – задумчиво проговорил Александр. – А почему тебя волнует судьба этого негодяя?

Виктория пожала плечами.

– По его вине мы потеряли двадцать лучших матросов и фрегат «Олимпия»! – зло проговорил Александр.

– Помнишь, я рассказывала тебе историю о том, как я попала сюда? Так вот, того пирата, который помог мне звали Джек Бишоп и он прекрасный мореплаватель. Я хочу сказать, что он показался мне человеком, который не просто всю жизнь промышлял пиратством, было в нем что-то офицерское, понимаешь?

Она вопросительно посмотрела на него, в надежде, что Александр правильно её поймёт. Молодой человек в задумчивости отвернулся от Виктории. Что если это тот самый Джек Бишоп, но как ему удалось сбежать с каторги? Нет, этого не может быть!

– Ты уверена, Виктория, что мы говорим об одном Джеке Бишопе?

– Возможно. Харизматичный, болтливый, несколько развязный, с лёгким ирландским акцентом... – ответила она.

Александр с силой стукнул кулаком по подушке.

– Чёртов мерзавец! – воскликнул он. – Он не говорил тебе о своих намерениях? Куда он держал курс?

– Он говорил лишь о том, что на Антильских островах его ждёт команда.

«Антильские острова, это же целый архипелаг островов...» – подумал про себя Александр.

– Попадись мне только на пути, этот негодяй! Я лично вздёрну его на рее! – сказал он. – Прости меня, Виктория, я не хотел омрачать столь волшебную ночь.

Он притянул к себе девушку и поцеловал в губы.

– Обещай, что вернёшься. – проговорила она.

– Обещаю.

С первыми лучами солнца Александр оделся, и ещё раз попрощался с Викторией. Перед уходом она отдала ему медальон, который ей подарил отец, в знак своей любви и верности к нему, а также как оберег от бед. С тяжёлым сердцем она прощалась с Александром, на душе у неё словно камень лежал, что-то не давало с лёгкостью отпустить его, как бы предвещая некую беду. Она не стала говорить ему о своих переживаниях, лишь дала несколько напутственных слов. После того, как дверь за ним закрылась, девушка выглянула в окно, чтобы ещё раз проводить своего возлюбленного взглядом и попросить у Бога послать ему надёжного Ангела Хранителя. Никогда ранее Виктория не испытывала такого сильного чувства тревоги, всё внутри у неё сжималось, ей казалось, что она видит его в последний раз, она провожала взглядом его горделивую фигуру, пока он не скрылся за поворотом улицы. В полдень к дому капитана Миллера подъехал экипаж, отправленный губернатором. Виктория вернулась в поместье Вуд.

Глава 13

Гавана. Куба.

Три дня прошло с тех пор, как капитан Миллер отплыл от берегов Ямайки в составе эскадры из четырёх линкоров – фрегатов «Молниеносный», «Независимость», «Победа» и «Кэмбридж». Александр Миллер назначен командующим эскадрой. Он принял решение подплыть к крепости Эль-Моро западнее входного канала, предполагая, что на его пути расположились испанские корабли. Так оно и оказалось. Фрегат «Кэмбридж», как наиболее быстрый был направлен для проведения разведывательной операции, по возвращению новости для капитана Миллера стали неутешительными. По всему периметру подхода к крепости Эль-Моро расположились корабли испанского флота, всего восемь боевых фрегатов, разной боевой оснащённости. Миллер прекрасно осознавал, что четыре линкора, даже столь мощных, как у него не смогут противостоять восьми испанским фрегатам, необходимо было разработать тактику и стратегию обхода этих кораблей. Несколько часов совещания с офицерами фрегатов не привели ни к чему. Все сошлись на том, что необходимо прорывать оборону. Однако, прорыв обороны мог стоить потери большей части орудия и боеприпасов, не говоря уже о человеческом факторе риска и, в конце концов не привело бы к желаемому результату. Тогда капитан Миллер принял отважное и очень опасное решение. Он выступит в качестве отвлекающего маневра. Большая часть матросов переберётся с «Молниеносного» на остальные фрегаты, прихватив с собой добрую часть боеприпасов, чтобы впоследствии нанести мощнейший артиллерийский удар по крепости Эль-Моро, а капитан вместе с оставшейся командой вступит в завидомо неравный бой с испанским флотом, отводя корабли восточнее от крепости, открывая тем самым подход к ней другим кораблям. Он рассчитывал на то, что «Молниеносный» достаточно манёвренный корабль и быстрый, сможет с ловкостью лавировать меж не столь поворотных боевых испанских фрегатов, а также за счёт обитого медью каркаса не затонет спустя десять минут боя. Лейтенант Джефф скептически отнёсся к решению капитана Миллера, но все же предпочёл остаться с ним на «Молниеносном», как преданный друг и отважный офицер. Так, матросы приступили к выполнению приказа капитана. Спустя полтора часа «Молниеносный» в полной боевой готовности направился навстречу смертельной опасности. В это же время остальные корабли на расстоянии пары сотен футов также двигались в сторону крепости.

Тем временем на борту испанского фрегата «Сияние» коммодор и все члены его команды находились в полной боевой готовности. Он стоял на квартердек-палубе и смотрел в подзорную трубу. Завидев приближающийся корабль, он скомандовал «Быть наготове!». К испанской эскадре медленно, но верно приближался роскошный четырёхмачтовый фрегат с белоснежными парусами и с развивающимся флагом Британской империи на флагштоке, бушприт гордо возносился вверх, что придавало судну большей манёвренности. А под бушпритом золочёными металлическими буквами красовалась название корабля – HMS «FULMINANT»¹. Коммодор покраснел от злости.

– Коммодор, прикажете взять на пушечный выстрел? – спросил командир оружейников.

Коммодор понимал, что должен вступить в бой с этим кораблём, но не мог заставить себя отдать приказ на его уничтожение, слишком много лет он грезил вернуть этот корабль, чтобы сейчас в один миг затопить его. Нет, он не мог себе этого позволить, и коммодор пошёл на отчаянный шаг, он отдал приказ не атаковать корабль. Командир находился в замешатель-

¹ Корабль Его величества «МОЛНИЕНОСНЫЙ» (англ.)

стве, вот-вот «Молниеносный» подплывёт к ним на пушечный выстрел и в любом случае начнёт немедленную атаку, у их корабля не будет шансов.

- Коммандор, повторите Ваш приказ! – настаивал командир оружейников.
- Не атаковать! – заорал во весь опор коммодор и направился на опердек-палубу.

На «Молниеносном» все уже было готово для нанесения первого удара по испанскому фрегату «Сияние». Капитан Миллер отдал приказ «Лево руля!», за несколько минут корабль лёг на левый галс, после чего последовала незамедлительная команда «Пушки огонь!». Одновременно восемь пушек с правого борта обрушили градом снаряды на фрегат «Сияние». С фрегата послышались крики, от столь мощного удара корабль потерял сразу три мачты, была пробита корма, опердек и мидельдек палубы, тем самым корабль фактически потерял свою боевую мощь и был выведен из строя. На помощь «Сиянию» тут же стал подплывать ближайший фрегат «Альваро де Базан», наиболее оснащённый из всех испанских кораблей, в его вооружении находилось тридцать две трёхдюймовых пушки с трёхфутовыми снарядами. К этому времени «Молниеносный» стал обходить «Альваро де Базан» справа, располагаясь к нему левым галсом таким образом, что он не смог бы нанести ему серьёзного боевого удара. При этом с «Молниеносного» снова полетели снаряды, пушки одна за одной выпускали ядра, обрушивая их на мачты и палубы «Альваро де Базан». Вместе с тем, серьёзного урона «Молниеносный» не причинил, поскольку атаковал «Альваро де Базан» со стороны бушприта. К «Альваро де Базан» начали стягиваться остальные фрегаты, пытаясь образовать кольцо вокруг «Молниеносного». Этого и добивался капитан Миллер, следующим его шагом стал быстрый уход восточнее крепости Эль-Моро. Для этого были раскрыты дополнительные паруса на бизань и фок-мачтах, а также косые паруса, что позволило судну двигаться более быстро и круто к ветру.

Коммодор наблюдал за происходящим с разбитого «Сияния», он искал возможности, чтобы захватить «Молниеносный», взять его в тиски. Для чего им был отдан приказ на остальные корабли не топить его, а взять на бордаж. Столь радикальные приказы коммодора стали вызывать недоумение в рядах военных моряков. Никто не понимал, что для коммодора значил этот корабль, почему он дал разбить себя, когда мог вступить в бой с британцами и разбить их при помощи подоспевшего «Альваро де Базан». При этом никто не решался оспорить приказ коммодора. Был разработан план перехват. Для этого два наиболее быстроходных корабля были пущены в обход «Молниеносному» и должны были перехватить его, а остальные фрегаты, замкнули бы круг, тогда британцы окажутся в западне. Коммодор к тому времени начал понимать, какой план преследовали британцы, «Молниеносный» был отвлекающим манёвром, но для коммодора это был ещё и шанс заполучить вождельный корабль. Им было принято решение оставить «Альваро де Базан» на подступах к крепости для сдерживания подплывающих британских кораблей, в то время, как остальные захватят «Молниеносный».

Капитан Миллер вёл корабль в крутой бакштаг, развивая наивысшую скорость, но теряя при этом манёвренность, фрегаты испанцев шли на несколько румбов свободнее, периодически выпуская снаряды, пытаясь тем самым повредить такелаж и рангоут «Молниеносного», что неизбежно привело бы к потере скорости.

– Кэп, по правому и левому борту испанские корабли, они буквально «сидят у нас на хвосте»! – прокричал с опердека Джефф. – Нужно уводить корабль в фордевинд и уходить с подветра!

В этот момент один из снарядов достиг своей цели и повредил посечённый такелаж. Корабль тут же стало кренить влево, заваливая его на левый галс.

- Черт возьми! – воскликнул капитан Миллер. – Нужно лечь на правый галс!
- Кэп, ничего не выйдет, такелаж повреждён! – кричал Джефф.

Капитан Миллер с силой удерживал штурвал, стараясь переложить корабль на правый галс, но румпель не поддавался, судно всё больше креноло влево.

Оба корабля практически поравнялись с «Молниеносным». Ещё несколько снарядов достигли своей цели, с треском обрушив первую грот-мачту и повредив рангоут, а вместе с ним и оставшийся такелаж. Судно стало медленно терять скорость. Капитан Миллер находился в отчаянии, он понимал, что дал слишком мало времени остальным кораблям и вся их кампания вот-вот сорвётся.

– Дадим бой! – скомандовал капитан. – Орудия наготове! По моей команде «Огонь»!

Оружейники на опердеке и мидельдеке тут же приготовились открыть огонь из пушек по обоим сторонам судна. А стрелки, расположенные на марсах, привели свои мушкеты в боевую готовность. Испанцы, ожидая, что англичане вступят в бой, держались на расстоянии, не позволяющем снарядам попасть в цель. К тому времени ещё два испанских фрегата, на полном ходу подплывали к «Молниеносному», образуя тем самым прямоугольный квадрат, не давая ему возможности для нанесения боевого удара. Коммодор не хотел сильно повредить корабль, но понимал, что англичане без боя не сдадутся, тогда он принял очень тяжёлое для себя решение разбить мидельдек с обеих сторон, выведя таким образом из строя основную артиллерийскую палубу. Для этого испанские корабли по обе стороны стали выстраиваться в боевую линию постепенно сужая расстояние от «Молниеносного».

Капитан Миллер понял, что оказался в ловушке, но рассчитывал на то, что принесённая ими жертва всё же окажется продуктивной для остальных кораблей и позволит им достигнуть поставленной цели. Как только испанские линкоры оказались на линии огня, капитан отдал приказ открыть огонь, одновременно этот же приказ был отдан коммодором, который опередил капитана на долю секунды, что дало ему достаточно форы. Десятки снарядов обрушились на «Молниеносный». Коммодор с досадой смотрел на то, как снаряды разбивают в щепки желанный ему корабль. Его разрывали одновременно и злость на англичан, и обида на самого себя за то, что ему пришлось принять это столь неприятное для себя решение и отдать команду на повреждение его корабля. С корабля капитана Миллера успели выстрелить лишь несколько пушек с опердека, что не принесло существенного результата. Мидельдек был практически разбит, пострадали и оставшиеся мачты, но основной каркас корабля остался невредимым, что позволяло ему удерживаться на плаву. Отовсюду были слышны крики раненых. Но среди моряков при этом не поселилась паника, они по-прежнему перезаряжали орудия на опердеке и откатывали оставшиеся пушки на мидельдеке. Однако капитан Миллер потерял всех своих стрелков, часть из них канула в море, а часть разбилась при падении с высоты мачт на палубу.

– Испанцы могли бы нас уже потопить, что они делают?! – крикнул Джефф капитану Миллеру.

Капитан Миллер стоял у штурвала, всё ещё удерживая его в руках, и с горечью смотрел на тот хаос, который царил вокруг. Он так долго плавал на этом корабле, с этой командой, на его глазах погибали отличные моряки, воины, которые успели стать для него не просто подчинёнными, а близкими по духу сослуживцами, с которыми он бок о бок нёс военную службу.

– Хотят взять нас на абордаж... – проговорил капитан, отпуская штурвал.

Действительно испанские корабли с каждой минутой сближались с «Молниеносным», невзирая на редкие выстрелы его пушек. Те снаряды, которые долетали до испанских кораблей, своей цели все же не достигали.

Коммодор стоял на палубе одного из линкоров и в предвкушении ожидал момента, чтобы отдать команду «На абордаж!». Когда два линкора сошлись борт к борту с «Молниеносным» по обоим сторонам, коммодором была отдана команда «На абордаж!». Испанцы тут же сцепили корабли абордажными баграми и дреками, перекинули мостки и по одному стали высаживаться на «Молниеносный», где их встретили отпором. Испанцы почти вдвое превосходили англичан по численности, поэтому бой не продлился долго. Коммодор сошёл на борт

«Молниеносного» одним из последних, когда основная часть англичан была подавлена. Ступив на палубу «Молниеносного» коммодор почувствовал ликование, всё его тело затрепетало, он словно воедино слился с этим кораблем. Он чувствовал, что выполнил часть долга перед своим покойным отцом, он вернул, то ради чего последний пожертвовал своей жизнью.

Оставшиеся англичане отчаянно не желали сдаваться, отстреливаясь из мушкетов и револьверов, а также отбиваясь шпагами, они постепенно отступали на четвердек. В живых осталось тринадцать английских моряков, они стойко держали оборону четвердека во главе с капитаном Миллером и лейтенантом Джеффом. Когда у моряков закончились боеприпасы, они стали отбиваться от испанцев шпагами, но к успеху это не привело, так как последние были вооружены огнестрельным оружием. Несколько человек были ранены, а остальные – пятеро моряков, лейтенант Джефф и капитан Миллер, укрылись в юте.

– Прекратить огонь! – скомандовал коммодор. – Предлагаю вам сдаться, господа! – обратился он к англичанам.

– Лучше смерть! – прокричал в ответ капитан.

– В таком случае вы умрёте! Орудия к бою! По моей команде на счёт три открыть беспрерывный огонь!

Дверь юта распахнулась, и на четвердек вышел капитан Миллер со шпагой руке.

– Деритесь по военным правилам, коммодор! – сказал он и наставил на него острие своей шпаги.

Коммодор лукаво улыбнулся, выражая насмешку, и достал из ножен шпагу. В эту же секунду мужчины скрестили шпаги, после чего вступили в бой. Капитан с задором размахивал шпагой, пытаясь уколоть коммодора, нанести ему удар, он то наступал, то отпрыгивал назад, а потом снова напористо делал несколько выпадов навстречу коммодору. Казалось, что бой вёл исключительно капитан, и что вот-вот ещё один удачный выпад и он поразит противника, но коммодор оказался ловчее, и воспользовавшись очередным выпадом капитана, резким движением перехватил удар его шпаги своей шпагой, прокрутил её несколько раз, поранив запястье капитана, отбросил его шпагу в сторону и нанёс ранение в плечо. Капитан вскрикнул от боли и упал на колени, схватившись за раненое плечо. На синем сюртуке его формы стало наливать тёмное кровавое пятно.

– Сдавайтесь, капитан! – сказал коммодор. – Корабль наш!

– Так всё из-за корабля? Чем он так ценен? – в недоумении спросил капитан.

Но коммодор не удостоил его ответом, он повернулся к нему спиной, собираясь уходить, при этом приказал взять в плен оставшихся в живых англичан и переправить их в крепость Эль-Моро. Тут же капитана Миллера, лейтенанта Джеффа и ещё пятерых моряков схватили под руки и повели на один из линкоров.

В это время трём оставшимся кораблям из эскадры капитана Миллера удалось затопить испанский фрегат «Альваро де Базан», однако они потеряли сорок процентов от всех боеприпасов. Полным ходом линкоры направились к стенам Эль-Моро, чтобы устроить артиллерийский обстрел крепости. Но и здесь англичане столкнулись с непредвиденными трудностями. Эль-Моро располагалась на возвышенности, что не позволило обстреливать её с моря. Вместе с тем, английские фрегаты подверглись сильнейшему обстрелу с укреплений крепости. Два из трёх фрегатов были полностью разбиты, уцелевшие моряки перебрались на менее повреждённый фрегат «Победа», и поспешили отплыть от берегов Гаваны. Они держали курс на Ямайку.

Глава 14

Порт-Антонио. Ямайка.

Больше месяца прошло с тех пор, как капитан Миллер отплыл с Ямайки. До сих пор от него не было никаких новостей. Виктория каждый день ходила в порт и стояла там до заката, ожидая увидеть на горизонте знакомые паруса, но всё тщетно. Последние несколько дней Виктория плохо себя чувствовала и не выходила из своей спальни даже, чтобы поесть. Каждое утро у неё были сильные приступы тошноты и рвоты, весь день девушка чувствовала слабость и недомогание. Миссис Блэкберн, навещавшая её ежедневно и приносящая ей еду, сильно беспокоилась за здоровье девушки. Утром она подошла к Джеймсу Вуду и высказал ему свою обеспокоенность.

– Виктория ничего не ест, она бледная словно смерть, как бы не лихорадка... – прошептала она. – Думаю, стоит показать ее доктору.

– Скорее это дела сердечные, – проговорил Джеймс, – Вы же знаете, миссис Блэкберн, как бедняжка переживает за капитана Миллера, а от него нет никаких вестей. Вообще нет никаких вестей об этой экспедиции. Но думаю, Вы правы, на всякий случай я приглашу доктора.

К обеду в особняк приехал деловитый мужчина довольно преклонного возраста, с длинной седой бородой и поредевшими с проседью, некогда темными волосами.

– Доктор Даврос, доброго дня! – радостно поприветствовал мужчину Джеймс Вуд, встречая его в гостиной. – Рад, что Вы смогли выкроить для нас время! Хотя думаю, что у нас сущие пустяки, уж не лихорадка и не холера точно!

Джеймс рассмеялся и пожал руку доктору.

– Очень приятно, что Вы, уважаемый генерал-губернатор, обратились ко мне, а не к тому щеголеватому мальчишке, возомнившему себя врачом. Ей Богу, Джеймс, в наше время врачами разве что ленивый не становится, и что за мода пошла, а знаний-то, знаний никаких! Знаете, я выезжал с ним по случаям вспышки холеры в округе Портленда среди каторжников, так от вида этих больных наш благочестивый врач, потерял сознание. Вот и скажите, на милость, что и самое главное кого он собирается лечить?

Мужчина готов был болтать без умолку ещё по меньшей мере час, если бы в гостиной не появилась миссис Блэкберн, она несколько холодно поприветствовала доктора и извинившись перед хозяином дома, попросила его проследовать в спальню Виктории. Джеймс ещё раз пожал руку доктору, в этот раз на прощание, после чего уехал по делам государственным, а врач проследовал с миссис Блэкберн в спальню Виктории.

Войдя в комнату, доктор приступил к внешнему осмотру, после чего стал расспрашивать Викторию о её состоянии, какие симптомы её беспокоят.

– И последний, довольно щекотливый вопрос, – говорил доктор Даврос, – у Вас появляются ежемесячно кровянистые выделения, регулы, мисс?

Виктория кивнула.

– В таком случае, они у Вас происходят регулярно?

Девушка снова кивнула.

– А в последний раз, когда они происходили?

Виктория задумалась, незадолго до того, как она провела ночь с Александром. Она поняла, чем обусловлено её состояние. Она беременна. От этой мысли девушке стало плохо, она запрокинула голову на подушку и закатила глаза.

– Вам плохо? – спросил доктор. – Кажется, я понимаю, что с Вами. Вы провели ночь с мужчиной?

Доктор испытывающим взглядом посмотрел на Викторию. Миссис Блэкберн, которая все это время стояла в углу комнаты, прикрыла рот рукой от ужаса.

Виктория лишь моргнула, давая тем самым утвердительный ответ доктору.

На этом врач закрыл свой большой, с виду тяжёлый чемодан из кожаного материала коричневого цвета и сказал:

– Здесь всё понятно! Вы беременны. Я очень надеюсь, что молодая леди, по крайней мере, обручена. – с явным неодобрением сказал он. – Я должен рассказать обо всем сэру Джеймсу Вуду.

Миссис Блэкберн перегородила ему дорогу, не давая выйти из комнаты.

– Нет, доктор, прошу, не говорите пока ничего сэру Вуду, я сама это сделаю. Вы же понимаете вопрос довольно щепетильный. – настоятельно попросила она.

Доктор слегка коснулся своего лба кончиками пальцев и проговорил:

– Как Вам будет угодно!

После чего вышел из комнаты, а миссис Блэкберн припала на кровати к Виктории, взяв её за руку, со слезами на глазах сказала:

– Господи Боже, да что же это! А если капитан Миллер не вернётся, это же стыд какой!

Виктория заплакала. Она всё понимала, осознавала, что Джеймс Вуд слишком уважаемый человек, он не допустит такого скандала, и скорее всего вышлет Викторию с острова или ещё хуже вовсе не даст родиться этому ребёнку.

– Что же мне делать, милая моя, миссис Блэкберн? – проговорила Виктория сквозь слёзы.

– Не волнуйся, пока это будет возможным я сохраню твою тайну, главное, чтобы доктор Даврос не проболтался, этот старик совершенно не умеет держать язык за зубами. А пока у нас есть время, я что-нибудь придумаю. И конечно, будем молиться, чтобы капитан Миллер в скором времени вернулся.

Миссис Блэкберн очень привязалась к Виктории за последний месяц, они проводили довольно много времени вместе, по вечерам гуляли в саду, гувернантка прививала Виктории чувство хорошего вкуса и стиля, отработывала с ней правила этикета и хороших манер. А Виктория в свою очередь, позволяла миссис Блэкберн наблюдать за тем, как она рисует, и даже подарила ей несколько картин. А ещё Виктория читала для гувернантки стихи перед сном, что доставляло последней особое наслаждение, поскольку она мучилась бессонницей, а под приятный тембр голоса Виктории, она спокойно засыпала. И сейчас миссис Блэкберн искренне хотела помочь Виктории.

Порт-Ройял. Ямайка.

Около полудня фрегат «Надежда» пришвартовался близ берегов Порт-Ройял. Джек, Гарри и Даниэль набрали на Тортуге отличную команду из восьмидесяти человек, некогда отъявленных разбойников, выброшенных обстоятельствами на сушу, где они прозябали свой век, занимаясь мелким грабежом, чтобы хоть как-то выжить. Услышав историю Джека, каждый из них загорелся желанием обогатиться, и не имело значения, насколько они поверили капитану Бишопу, определяющим для них стало наличие у него военного корабля и возможности нажиться, хоть довольно призрачной.

– Черт возьми, Джек, – говорил Гарри, сидя в шлюпке и, направляясь к берегу Порт-Ройял, – почему мы не можем, как в лучшие наши годы с моря разнести Порт-Антонио и силой забрать то, что ищем, и может ещё поживиться на местных «аборигенах»? Почему мы должны пробираться тайком по джунглям острова? И вообще, я не до конца понял твой план, как ты намерен завладеть искомой картой?

– Не болтай языком, Гарри! – возмутился Джек. – Лучше сильнее налегай на весла. – Я не желаю попасть на глаза капитана Миллера, думаю, петля мне не пойдёт.

Мужчины плыли в шлюпке с Даниэлем и восемнадцатью разбойниками, так по плану Джека они должны были по суше добраться до Порт-Антонио и ночью проникнуть в особняк. На самом деле у Джека не было какого-то определённого плана, он так и не смог продумать тактику своих действий, поэтому как обычно решил действовать по наитию.

Сойдя на песчаный берег Порт-Ройяла, компания мужчин сразу же направилась в сторону леса. Джек не желал светиться в городе, поэтому решил пробираться через джунгли. Он рассчитал, что если они не заблудятся, чего произойти не должно было, то к полуночи доберутся до Порт-Антонио.

– Нужно миновать лес до того, как стемнеет, а то придется делать ночлег! – сказал Джек. Мужчины быстрым шагом стали углубляться в густые заросли леса.

Порт-Антонио. Ямайка.

В это же время в порту Порт-Антонио пришвартовался небольшой галеон «Селинджер», на борту которого находилось одиннадцать человек, включая коммодора Рикардо Маурисио Торо.

После того, как им была одержана победа над англичанами близ берегов Гаваны, и получен наконец корабль «Молниеносный», коммодор передал пленных командиру Беласко в крепость Эль-Моро, оставил «Молниеносный» в порту Гаваны для последующего ремонта, и отправился на одном из линкоров к берегам острова Тортуга. Он надеялся, что верные моряки из его команды поддержат его преступный замысел на убийство губернатора Ямайки, но ожидания его не оправдались. По прибытии на Тортугу, моряки воспротивились выполнять приказы своего командира. Тогда коммодору ничего не оставалось, как дезертировать с испанского корабля и скрыться в глубине острова Тортуга. В этот же день коммодор потерял своё звание и честь офицера, кроме того, чуть позже по решению короля был приговорён к смертной казни через повешение. Рикардо, осознавая, что ради достижения своих целей, удовлетворения своих амбиций, зашёл слишком далеко, не мог уже отступить и просить помилования у короля, им всецело овладело чувство мести. Он давно потерял осознание того, чего же ему действительно было нужно. Он обрёл корабль, за которым гонялся чуть ли не всю жизнь, но тут же потерял его вновь, но это не удручало его, ведь сейчас он был так близок к своему врагу, и готов был пойти на любые ухищрения, любые подлости во имя достижения конечной цели – убийства Джеймса Вуда и Виктории Вуд.

На Тортуге за небольшое количество золота, Рикардо сумел приобрести галеон и нанять одиннадцать отпетых бандитов, бывших испанских корсаров, осевших на берегах Тортуги. Он пообещал им хорошую наживу за оказание ему помощи в совершении преступления.

– Эй, капитан, – обратился к Рикардо высокий лысый мужчина с густой рыжеватой бородой, когда он стоял на палубе галеона, намереваясь сойти на берег по трапу...

– Коммодор... – недовольно поправил его Рикардо.

– Не важно. Как ты собираешься проникнуть в дом к этому богатею, у него, как пить дать, полно вооружённой до зубов охраны!

– Для этого я и собираюсь в город. Нужно разведать обстановку, порасспрашивать местных о том, где находится дом губернатора, посмотреть его расположение.

Мужчина довольно покачал головой, а коммодор продолжил:

– А вы оставайтесь на борту корабля. Не сходите с него пока я не вернусь!

– Так точно!

Рикардо спустился по трапу на деревянный помост, ведущий к мостовой порта. К нему подошёл высокий достопочтенный господин в темно-синем сюртуке с золотистыми пуговицами в два ряда, на голове мужчины был надет белый курчавый парик и шляпа. Он отдал низкий поклон Рикардо, поприветствовав его в Порт-Антонио, сообщил, что стоянка судов стоит

один шиллинг. Рикардо вытащил из кармана своего сюртука небольшую горстку монет и протянул её мужчине со словами «Всё что есть». Мужчина пересчитал монеты и, сменяя доброжелательный тон на слегка пренебрежительный, ответил:

– Здесь только десять пенсов, не хватает двух, сэр.

– Но больше у меня нет. – Рикардо вывернул пустые карманы сюртука наизнанку, ему пришлось потратить все имеющиеся при себе деньги на корабль и наем бандитов.

Мужчина приосанился, высоко запрокинув голову, указал рукой на деревянную лавку, а которой сидела круглолицая женщина средних лет в серой панаме, и надменно проговорил:

– Оплатите через кассу и не забудьте зарегистрировать судно, сэр!

Рикардо отвесил низкий поклон мужчине и направился к кассе. Закончив дела с оформлением стоянки корабля, он неторопливо направился по каменной мостовой в сторону центральной площади города, которую ему указала женщина из кассы. Он шёл мимо пришвартованных небольших торговых судов, рыбацких шхун, торговых палаток, вокруг него туда-сюда сновали какие-то люди, они все были заняты своими делами, суетились. Рикардо видел этот город убогим, нищим, не достойным его, он с глубоким отвращением смотрел на всех этих людей, считая их мелкими людишками, и не желая ходить с ними по одной земле. Он едва верил, что среди всего этого сброда найдётся хоть один, кто обладает полезной для него информации. И это злило его. Рикардо надеялся, что в районе центральной площади ему попадутся на глаза представители местной знати, развязные на язык. Дойдя до деревянного указателя с надписью: «Улица Сан-Доминго. Центральная площадь», коммодор в толпе людей заметил помпезную даму в роскошном ярком алом платье. Для себя он сразу отметил, что женщина одета по последней моде, и что платье её пошито на заказ, кроме того бросались в лицо её грация и манера держаться во всей этой грязной толпе мелких людишек. Он подумал, что она-то и сможет рассказать ему о Джеймсе Вуде, вероятно, она вхожа во все светские дома местной знати. Это была Марианна Вуд. Она стояла в футах десяти от Рикардо и мило беседовала с щеголеватым высоким худым мужчиной в тёмном строгом фраке, который нервно теребил в руках свой цилиндр. Рикардо сделал несколько шагов в их сторону и остановился, ожидая, когда этот пижон оставит Марианну в одиночестве. Он не заставил себя долго ждать, спустя несколько минут, поцеловав ручку девушки, мужчина торопливо направился в сторону центральной площади. А Марианна неторопливой, покачивающейся из стороны в сторону походкой направилась к экипажу, который ожидал её в стороне. Рикардо поторопился догнать её, пока она не успела сесть в кэб. Почти нагнав девушку, он сделал вид, что оступился и толкнул её в плечо. Марианна развернулась, бросила на Рикардо гневный взор и закричала так, что казалось весь порт замер на те несколько секунд, что она выражала своё недовольство.

– Да как Вы смеете!!! Я дочь губернатора! Я от Вас мокрого места не оставлю! Немедленно принесите мне свои извинения!

Рикардо услышав слова Марианны о том, что она дочь губернатора, не мог поверить своему счастью, удача буквально соблаговолила ему на каждом шагу. Он решил проявить все своё обаяние.

– Простите меня ради Бога, мэм, но меня буквально сбила с ног Ваша красота. Никогда ранее я не встречал столь прекрасной особы, Вы само совершенство, эталон женственности, грации, Вы словно прекрасная роза среди всех этих лютиков. Простите меня, мэм, но я просто не мог пройти мимо Вас.

Он склонил перед ней голову, искоса бросая лукавый взгляд и ожидая её реакции. По лицу Марианны он понял, что произвёл на девушку нужное впечатление. В завершение всего он взял её за руку и нежно коснулся её нежной надушенной кожи своими губами.

Марианна действительно сменила гнев на милость, никогда ранее ей не приходилось слышать столь приятных комплиментов от мужчин, и девушка растаяла. Кроме того, она отме-

тила, что Рикардо благороден, это читалось в его чертах лица, прекрасной горделивой осанке, словах, но она также отметила, что он говорит с выраженным акцентом.

– У Вас необычный акцент... – проговорила она, пытаясь высвободить свою руку из его объятий.

– Португальский. – быстро соврал Рикардо.

– О! Я всегда мечтала побывать в Лиссабоне, говорят там красиво. – восторженно воскликнула Марианна. – Португалия страна неведомых замков и прекрасных утёсов. Что привело Вас на Ямайку, сэр?

– Личные дела.

– Надеюсь не любовного характера? – ехидно спросила она.

– О, нет, мэм. Это семейные дела.

Марианна довольно улыбнулась. Он понравился девушке.

– Вы случаем не моряк? – спросила она, пристально рассматривая его сверху вниз.

– В недавнем прошлом... – немного сухо ответил он, но потом снова нежно заговорил с ней: – Я буду польщён, если Вы окажете мне честь выпить чашку чая со мной.

– С удовольствием!

С этими словами Марианна подхватила Рикардо под руку и быстрым шагом направилась вверх по улице Сан-Доминго в сторону центральной площади. Она шла по улице горделиво, осматривая всё вокруг, будто впервые была в этих местах. На самом деле она пыталась привлечь к себе внимание, встретить кого-нибудь знакомого, чтобы похвастаться своим кавалером, которого считала достойным своей важной персоны. Через несколько минут девушка свернула на небольшой переулочек и вошла на открытую террасу небольшого кафе. Над входом висела табличка с надписью – «Кафе мистера Норбера «Париже». Терраса была выполнена в прованском стиле, повсюду стояли горшки и корзинки с голубой лавандой, столики из плетёного дерева, окрашенные в белый цвет. Здесь царил лёгкая непринуждённая обстановка. За дальним столиком в тени лаврового дерева Марианна увидела свою знакомую, молодую белокурую девушку с кукольным лицом. Она махнула ей рукой и поздоровалась: «Здравствуй, Жозефина!». Девушка ответила ей тем же. Как только Марианна и Рикардо сели за столик к ним подскочил молодой человек с черными густыми кудрявыми волосами и смуглой кожей, одетый в белую рубашку, зелёный жилет и черные брюки, представившись гарсоном, он принял заказ и также быстро удалился. Спустя минут десять Марианна и Рикардо попивали чай, закусывая воздушными пирожными со взбитыми сливками. Это был любимый десерт Марианны. Она ела и болтала без умолку обо всем подряд. Рассказывала о том, как ей наскучила жизнь на Ямайке, о том, как хочет танцевать на лучших балах Лондона, крутиться в высшем обществе Парижа или Лиссабона. Говорила о том, что отец держит её здесь, словно в тюрьме, не позволяя тратить ни копейки его денег, при этом сам отдаёт немалые суммы на благотворительность. Рикардо внимательно слушал её, пытаясь уловить каждое слово, но порой он не понимал, о чем она ему говорит. Знания английского у Рикардо были слабыми. Обучаясь в военной академии, он не любил английский язык, ему претила сама мысль о том, чтобы разговаривать на языке этих варваров, собак, как он называл всегда англичан. И сейчас ему явно не доставало знаний этого языка, так как он не успевал улавливать быструю болтовню Марианны. Тут дверь кафе отворилась, и из неё на террасу вышел доктор Даврос. Марианна, увидев его, прервала свой рассказ, и махнула ему рукой. Старик незамедлительно подошёл к Марианне, поклонился и поздоровался с девушкой и её спутником.

– Доктор Даврос, рада видеть Вас в добром здравии. – сказала Марианна, улыбаясь ему.

– Я так же рад видеть Вас, мэм! Хотел справиться о здоровье Вашей племянницы?

Марианна сменила улыбку на ехидную ухмылку и сказала:

– Ах! Как же я устала от этой неотёсанной девчонки. От неё сплошные неприятности!

– Да, я прекрасно Вас понимаю, мадам. Беременность в наши дни без мужа не будут встречены одобрительно, а тем более, если речь идёт о такой знатной фамилии как Вуд.

Марианна опешила, услышав слово беременность, она пришла в ужас, неужели её племянница беременна, это какой позор ждёт её – Марианну, ей придётся забыть о высшем обществе Лондона, да что там Лондона, всей Англии, всего мира!

– Мадам, с Вами всё в порядке? Мадам, Вы меня слышите... – говорил доктор.

Но Марианна не слышала его, у неё в голове звучало слово беременность подобно колокольному звону. Виктория ждёт ребёнка. Позор! Позор! Позор!

– Да-да, доктор Даврос, что Вы там говорили? – еле слышно проговорила Марианна.

– Простите меня, мадам, но я должен идти, меня ждут пациенты. – доктор спешно откланялся и покинул кафе.

– Я, пожалуй, тоже пойду. – тихо сказала Марианна. – Мне нужно домой. Простите меня, мистер... э-э-э, я не знаю Вашего имени.

– Рикардо.

– Да, простите меня, мистер Рикардо, я должна идти.

Она спешно встала из-за столика и вышла на улицу. Рикардо не мог её так отпустить, ведь он толком ничего у неё не узнал. «Черт бы побрал этого доктора, который так не вовремя появился!», думал про себя Рикардо.

– Мэм, позвольте проводить Вас до экипажа! – воскликнул он, выбегая следом за Марианной.

Она протянула ему руку в знак согласия.

Молча они дошли до экипажа. Марианна была вся погружена в свои мысли о беременности Виктории, и чем больше она об этом думала, тем больше приходила в негодование, негодование постепенно сменялось злостью, а злость ненавистью. И к тому времени, как они подошли к экипажу, она чувствовала, как внутри неё всё кипит от ненависти к этой девчонки. Она желала избить её, придушить, лишь бы этот отпрыск не родился на свет. Рикардо помог Марианне сесть в экипаж, но так отпускать её он не хотел, и напросился доехать с ней до центральной площади. Марианна благородно согласилась подвезти его. В кэбе Рикардо всё же решился на разговор с Марианной, он чувствовал, что девушку, что-то сильно тревожит, и что это что-то может сыграть ему хорошую службу.

– Мэм, скажите мне, что Вас беспокоит? – робко и одновременно настойчиво спросил он.

– Ах, если бы Вы могли мне помочь! – с горечью в голосе воскликнула Марианна.

Рикардо взял руку Марианны в свои ладони и притянул к себе.

– Я готов на всё ради Вас, лишь бы видеть улыбку на Ваших устах!

Марианна была настолько польщена, что позволила себе поцеловать его в губы. Это длилось всего пару секунд, потом она взяла себя в руки и отдалилась от него, принося свои извинения за столь бездумный и легкомысленный поступок.

– Не извиняйтесь, мэм. Мне очень приятно целовать Вас. Кажется, что я влюбился в Вас с первого взгляда и готов ради Вас на всё!

Этими словами он вселил в Марианну уверенность. Она придвинулась к нему ближе и шёпотом заговорила:

– Помогите мне избавиться от неё!

– От кого? – также шёпотом спросил Рикардо.

– От моей племянницы. Я ненавижу её всем сердцем.

– Что Вы хотите, чтобы я сделал?

Марианна задумалась. Убийство? Готова ли она была пойти на убийство? Сакраментальный вопрос, который задаёт себе всякий, у кого в мыслях появляется желание убить, а готов ли он пойти на убийство? Чего ему будет стоить это? И равноценна ли жертва? Но внутри Марианны всё переворачивалось от ненависти к Виктории. Она вспомнила бал, поцелуй Александра

и Виктории, его предложение руки и сердца, сделанное Виктории, безмерная любовь и щедрость её отца по отношению к внучке, а теперь ещё и нагулянный ребёнок, который оклеймит её благородную фамилию вековым позором. Нет! Марианна не могла позволить этому произойти, она должна была пойти на крайне радикальные меры. Сейчас ей казалось, что убийство – это та самая мера, которая избавит Марианну навсегда от злосчастной племянницы. Да, отец погорюет, но всё забудется и сотрется из памяти. Все снова заживут своей привычной жизнью. И она, Марианна, тоже забудет про это. Пусть этот поступок станет поступком во спасение всего того, что дорого ей, Марианне, её семье, фамилии, ценностей, гордости, в конце концов. Чем больше Марианна думала об этом, тем более ей приходила уверенность в том, что убийство – это единственный правильный выход. И она решилась на это, она произнесла это вслух.

– Убийство.

Рикардо внимательно посмотрел на Марианну, пытаясь прочесть в её глазах, насколько серьёзна её просьба. И он увидел глаза полные ненависти, вражды. Он понял, что Марианна пойдёт до конца. Именно такой союзник ему и нужен был. Тогда он лишь кивнул.

– Как Вы намерены реализовать это? – тихо спросила Марианна.

– Оставьте это мне, мэ. Поверьте, я не подведу Вас. Но мне потребуется Ваша помощь!

– Все что угодно, просите! – воодушевлённо воскликнула она.

– Ваша племянница проживает с Вами и Вашим отцом?

Марианна кивнула.

– Тогда я должен буду, как-то проникнуть в дом.

– Я всё устрою. Ослаблю охрану отца до двух человек на въезде в поместье. А Вы войдёте через калитку в западной его части. Я открою её для Вас. Скажите, когда Вы будете готовы?

Рикардо про себя ликовал от счастья, он не мог поверить в то, что так быстро всё устроилось. Он не желал больше ждать ни дня.

– Сегодня! К чему откладывать столь щепетильные дела в долгий ящик, Вы не находите?

Марианна довольно улыбнулась.

– Неужели сегодня всё будет кончено. – как бы с облегчением сказала она. – Приходите к часу ночи, где мы условились. После чего она достала из сумочки небольшой клочок розовой бумаги и нацарапала на нем карандашом адрес поместья. – От центральной площади полчаса. Дорога туда ведет одна и упирается в центральные ворота, поэтому Вам нужно будет раньше свернуть в лес и обогнуть поместье с запада, то есть с моря.

– В час ночи. Я буду непременно.

На этом Рикардо попрощался с Марианной, и довольный вышел из кэба, направляясь на галеон предупредить команду о предстоящем мероприятии.

Марианна, вернувшись домой, заперлась в своей комнате. На ужин девушка также не спустилась. Миссис Блекбэрн это показалось странным, но она не придавала этому большого значения. Последнее время она практически все дни старалась проводить с Викторией, рассказывая последней о радостях материнства и нюансах воспитания ребёнка.

Ровно без десяти час Марианна зажгла лучину в своей спальне. Всё это время её мучали мысли о предстоящем преступлении. С одной стороны, ею обуревал страх, страх разоблачения, она боялась, что их план с Рикардо может пойти не так и их схватят, посадят в тюрьму, от этой мысли её передёрнуло. С другой стороны, всё внутри у Марианны выжигала ненависть к Виктории. В душе она понимала, что Виктория носит под сердцем ребёнка Александра, и это ещё больше вызывало в ней гнев. Она осознавала, что капитан Миллер может вернуться со дня на день и, узнав о беременности девушки, незамедлительно женится на ней, а для неё, Марианны всё будет кончено. Она сгорала от любви и желания к капитану Миллеру, не могла допустить его свадьбы с Викторией. Сейчас она даже переживала не столько за своё положение, сколько за неизбежность потери Александра Миллера. Этот мужчина глубоко засел

в душе девушки, стал буквально её навязчивой идеей, целью всей жизни. Все эти мысли придали Марианне уверенности. Она искренне поверила, что убийство – это благородный поступок, совершаемый ею во имя любви, и что Виктория всего лишь малое препятствие, возникшее у неё на пути, но так легко устранимое. И как это, кстати, что я встретила Рикардо. Ах! Бедняга, он так влюбился в меня. Жаль будет ему отказывать! – думала она про себя, но потом осеклась: Что же это я, мы с ним теперь сообщники. Он сможет манипулировать мной! Этого нельзя допустить! Я должна буду избавиться и от него! Девушка решительно встала с постели, взяв лучину в руки, и освещая себе дорогу, она проследовала в оружейную комнату своего отца. Она выбрала небольшой пистолет, который спрятала в корсет своего платья и торопливо направилась к калитке, где её уже ожидал Рикардо. Отворив деревянную калитку, Марианна увидела перед собой Рикардо и десятерых бандитов. Она спешно попыталась захлопнуть калитку, но Рикардо надавил на дверцу и ворвался внутрь вместе со своими головорезами.

– Что всё это значит?! – сурово спросила Марианна, после чего попыталась убежать, но один из бандитов схватил её за локоть и обхватил своей рукой за шею, приставив к ней лезвие ножа. – Рикардо?!

– Спасибо, мадам, что сослужили мне хорошую службу! – с насмешкой ответил Рикардо. – Вы привели меня к Вашему отцу. Сегодня Джеймс Вуд будет мёртв, а заодно и Ваша ненавистная племянница Виктория. Вы ведь этого хотели?

Марианна ошарашенно посмотрела на него, о чем он говорит? Неужели она привела в дом убийцу её отца? Однако Марианна ничего не чувствовала, услышав об убийстве отца, казалось это несколько не испугало её. Когда Рикардо произнёс имя её отца и сказал, что он умрёт, девушка не ощутила того страха потери близкого человека, которое ощущают любящие дети. С рождения отец угнетал Марианну, не проявлял к ней должной любви, и сейчас она вдруг на секунду представила ту свободу, с которой заживёт после его смерти.

Рикардо приказал ступать всем в дом. Оказавшись в полутёмной гостиной, он шёпотом спросил у Марианны:

– Кто из прислуги в доме?

– Кроме гувернантки и камердинера, никого. Прислуга живёт в отдельном доме, в северной части поместья. – спокойно ответила она.

Тогда Рикардо и трое здоровенных мужчин быстро поднялись по лестнице на второй этаж. Спустя несколько минут Марианна услышала всхлипывания миссис Блекбэрн, а также недовольные возгласы отца. Наконец перед Марианной предстали Джеймс Вуд и Виктория, а миссис Блекбэрн и камердинер стояли несколько поодаль них. Марианна заметила, что Виктория страшно напугана и её это забавляло.

Виктория действительно была буквально парализована от страха, от страха потерять своего ребёнка, которого носила под сердцем. Увидев commodora, сердце девушки замерло, а потом бешено застучало, как обычно бывает при сильном испуге. Она стояла, прижавшись к Джеймсу и крепко вцепившись ему в руку. Сильно стиснув зубы, и даже боясь моргнуть, Виктория про себя молила Господа о том, чтобы он послал им спасение. Коммодор что-то говорил, но она не слушала, от страха у неё будто отказали все органы чувств.

Джеймс Вуд бросил быстрый взгляд на Марианну, которую всё ещё удерживал один из бандитов, но он отметил, что девушка совсем не напугана, скорее даже, наоборот, у него сложилось впечатление, что она от всего этого получает удовольствие.

– Настал день, Вуд, день твоей казни! – говорил Рикардо, расхаживая по гостиной со шпагой в руке.

– Погоди вот-вот вернётся капитан Миллер, тебе и твоим псам не поздоровится! – дерзко бросил Джеймс.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Рикардо. – Ваш хваленый капитан Миллер был ранен вот этой шпагой и, скорее всего, уже лежит мёртвым в одной из темниц крепости Эль-Моро.

Услышав это, по телу Виктории пробежал холод, не могла она поверить в то, что Александр погиб. Нет, нет, нет! Этого не могло случиться!

– Кто ты такой?! – спросил Джеймс.

– Фамилия Маурисио Торо тебе о чем-нибудь говорит, старик?

Джеймс Вуд бросил на него холодный взгляд и насмешливым тоном ответил:

– О, да! Припоминаю, как моя шпага навзничь проткнула тело твоего отца!

Рикардо обезумевший подскочил к Джеймсу и вlepил ему пощёчину, после чего приставил к груди лезвие своей шпаги и сквозь зубы проговорил:

– Сейчас моя шпага навзничь пронзит твоё сердце, которое я после вырву из твоей груди, подлый мерзавец!

Сказав это, он обратился к Виктории:

– О! Сеньорита Эстебан Севильо, я премного рад нашей встречи. Вы посмели увести мой корабль. – он говорил медленно с расстановкой, пытаясь придать каждому своему слову какую-то особую окраску. – Может мне начать казнь с Вас?

Он поднёс ей к горлу лезвие своей шпаги, она почувствовала, как холодная сталь коснулась её кожи. Виктория не могла дышать, ей казалось, что вот-вот он надавит сильнее и для неё всё будет кончено, для неё и для её ребёнка. В этот самый момент стеклянные двери в гостиную, ведущие на летнюю террасу распахнулись, и комната быстро заполнилась пиратами, вооружёнными мушкетами, шпагами и пистолетами. Среди пиратов Виктория увидела Джека и Даниэля. Сердце её учащённо застучало от переполнявшей радости. Но вместе с радостью она не могла скрыть и удивления.

– Джек! – воскликнула она.

Он подмигнул ей и приказал своим людям окружить бандитов Рикардо. Не прошло и пары минут как люди Рикардо опустили шпаги и сдались. Пираты превосходили их и по численности, и по наличию огнестрельного оружия. Марианна, воспользовавшись тем, что бандит отпустил её, быстро достала из корсета револьвер, направив его на Викторию, сказала:

– Я всё равно убью тебя!

Джеймс Вуд бросил на дочь угрожающий взгляд и потребовал немедленно опустить оружие, но Марианна была опьянена своей ненавистью и желанием уничтожить соперницу. На помощь Виктории бросился Даниэль, он преградил собой девушку.

– Хочешь убить её, для начала тебе придётся выстрелить в меня! – воскликнул он.

Джеймс, воспользовавшись тем, что Марианна несколько замешкалась, подскочил к ней и выхватил из рук револьвер, отвесив девушке хорошую оплеуху, от которой она упала на пол.

– Довольно! – воскликнул Джек. – Хватит с меня семейных драм. Перейдём к делу.

С этими словами он оттолкнул Даниэля, схватил Викторию за шею и приставил дуло пистолета к её голове.

– Джек, что ты делаешь?! – закричал Даниэль.

– Уймись, малец! – прорычал он.

– Грязный мерзавец. – сквозь зубы проговорила Виктория, но Джек сделал вид, что не услышал её оскорбления, он обратился к Джеймсу Вуду.

– Старик, если ты не хочешь, чтобы твоя внучка пострадала, ты немедленно отдашь мне карту, которая приведёт меня к Острову Трёхглавой горы!

По лицу Джеймса Вуда скользнула тень испуга, а в глазах читался страх, он не желал даже слышать об этом острове.

– Ты глупец! – отчаянно заявил Джеймс Вуд. – Я не чертил карту этого проклятого острова. Я бы предпочёл вообще не знать о нём.

– В любом случае ты приведёшь меня к этому острову, иначе я продырявлю милую головку твоей внучки! – для подтверждения своих слов Джек взвёл курок. В душе Джек молил, чтобы Джеймс Вуд дорожил жизнью внучки и пошёл на его условия, ведь он совсем не желал

причинять боль той, в кого влюблён без памяти. Он напряг мышцы на своей руке настолько сильно, что перестал чувствовать их, лишь бы не выдать дрожь, которая предательски проступала по всему телу.

– Нет! – воскликнул Джеймс. – Не причиняй ей вреда, я приведу тебя к острову.

Но поклянись честью капитана, что оставишь Викторию.

Джек самодовольно улыбнулся и спустил курок, опуская при этом пистолет.

– Схватить старика и девчонку! – скомандовал он.

Тут же двое здоровенных моряков подхватили за руки Джеймса Вуда и Викторию.

– Ты же обещал, подлый лгун, что не тронешь Викторию! – закричал Джеймс, пытаясь вырваться из железных тисков пирата, схватившего его.

– Мне нужны гарантии, что ты приведёшь меня к цели. – спокойно ответил Джек, после чего обратился к бандитам Рикардо: – Эй, не хотите ли заработать? Думаю, что этот хлыщ немного вам платит? Обещаю вдвое больше.

Мужчины пожали плечами, и действительно Рикардо заплатил им сущие гроши, посулив хорошую наживу. Но при таких обстоятельствах, поживиться не удастся.

– Прости, кэп! – сказал один из бандитов, высокий бритоголовый мужчина с рыжей бородой, обращаясь к Рикардо.

После этого вся компания, похитив Джеймса и Викторию, покинули особняк. Они вышли через калитку, открытую Марианной для Рикардо и прошли несколько десятков футов лесом, после чего оказались на небольшой просёлочной дороге, где их ожидала большая повозка, запряжённая четырьмя лошадьми. Они забрались в повозку, и Джек скомандовал:

– Гони, Гарри, в Порт-Ройял.

Глава 15

Марианна и Рикардо остались в полутёмной гостиной, в полной тишине, разрываемой лишь испуганными всхлипами миссис Блекбэрн. Камердинер обратился к Марианне:

– Мадам, верно, стоит вызвать полицию.

– Нет! – отрезала она. – Ни к чему скандал.

– Но, мадам, пираты похитили Вашего отца и племянницу... – настаивал он.

– Я сказала, нет! – гневно воскликнула она. – Об этом никому не слово. Завтра я объявлю, что мой отец по важным делам уехал в Лондон вместе с Викторией. Временно исполняющим обязанности губернатора станет мистер Киплинг. Сообщите ему с самого утра, что я желаю его видеть.

Камердинер пожал плечами. Он помог миссис Блекбэрн подняться на ноги и отвёл на второй этаж в её спальню.

Рикардо полностью опустошённый этой неудачей, понимающий, что он всё поставил на кон и всё проиграл, сел на диван и закрыл руками лицо.

– Ты думаешь, что это сойдёт тебе с рук, негодяй?! Кого ты намеревался провести? – прошипела в полголоса Марианна.

Рикардо встал, высокомерно посмотрел на Марианну сверху вниз, и с силой оттолкнув её, покинул дом Вуд. Он понимал, что оставаться в Порт-Антонио нельзя и решил уехать в Порт-Ройял, откуда отправит письмо своей матери в Барселону. Только она сможет ему помочь.

Спустя несколько часов Виктория сидела в уже знакомой ей капитанской каюте на борту фрегата «Надежда». За столом сидел Даниэль, он восхищённо смотрел на неё, не сводя глаз. Девушка чувствовала некую неловкость, и она решила заговорить с ним о произошедшем:

– Джек подлец, как ты мог с ним связаться?

Даниэль опустил голову, ему было стыдно за себя, за то, что имеет дело с пиратами.

– Почему ты не вернулся в Испанию? – продолжила она. – Тебе нечего бояться, ты богат, уважаемый землевладелец. Кроме того, в Бадалоне осталась твоя жена.

Даниэль тяжело вздохнул. Он решил, что настало время рассказать Виктории всю правду.

– Рамира мне не жена, скорее не совсем жена.

Виктория в недоумении вскинула брови.

– А я не сеньор ди Кальенте, не уважаемый землевладелец, я никто.

– О чем ты говоришь, Даниэль, я не понимаю? – тихо спросила Виктория.

– Виктория, всё это ложь! Ложь, придуманная донной Франческой. Я её личный слуга. Моя матушка работала горничной в доме де Маурисио Торо, а отец был садовником. В их семье произошла, какая-то трагедия, связанная с гибелью отца Рикардо и последний с того дня грезил о некоем корабле «Молниеносный», а также был преисполнен желанием отомстить Джеймсу Вуду, я так понимаю, за смерть своего отца. Госпожа придумала план, по которому некто должен был сойтись с твоей мачехой – Рамирой, выведать у неё необходимую информацию. Однако столь щекотливый вопрос донна Франческа не могла положить на плечо кого попало, поэтому поручила это мне. А незадолго до этого, твоя мачеха, будучи в Барселоне, кажется, у неё там случилась небольшая интрижка с одним пожилым господином, который скоропостижно скончался, а она впоследствии осталась на улице, обратилась за помощью к донне Франческе, которая и придумала всю эту ложь с богатым землевладельцем, она будто бы случайно свела меня с твоей мачехой на одном из светских мероприятий, а дальше, оказалось всё довольно просто, узнав, что я якобы несметно богат и к тому же одинок, Рамира не преминула ответить мне на мои ухаживания, а вскоре и вовсе предложила нам связать себя узами брака. Я тут же бросился к своей госпоже, поскольку свадьба никак не входила в мои планы, кроме

того, я совершенно ничего не питал к твоей мачехе, более того она была мне неприятна, прости, Виктория, но это так. Ты представить себе не можешь, с каким трудом мне давалась близость с женщиной, годившейся мне в матери! Донна Франческа устроила нам мнимую свадьбу, Рамира же ни о чём не подозревала, думая, что в действительности выходит замуж за богатого помещика. В скором времени оказалось, что женщине ничего неизвестно о своём муже, о его прошлом. Донна Франческа была в не себя от злости и тогда напрямую обо всём спросила Рамиру, рассказала последней о том, что в действительности её муж не Савьоло Эстебан Севильо, а английский подданный Ричард Вуд, и ей нужна ты, Виктория. Она полагала, что твой отец рассказал тебе о себе перед смертью и, что ты непременно пожелаешь встретиться со своим дедом. Поэтому Рикардо должен был жениться на тебе для того, чтобы беспрепятственно попасть на Ямайку и втереться в доверие Джеймса Вуда. И как только это бы случилось, он убил бы его. Правда, я не знаю ничего об истории с тем кораблём, но они так же надеялись, что Рикардо нашёл бы его именно на Ямайке. Это вся правда, Виктория! Прошу только понять меня, я не мог отказаться участвовать во всём этом. Да и мог ли я подумать, что встретив тебя, так искренне полюблю?! После нашей первой прогулки, я тут же отправился к донне Франческе и честно во всём ей признался, просил отпустить меня и не втягивать дальше в свои хитросплетения, но она лишь запугала меня тюрьмой, в которой я так или иначе оказался. Но ты спасла меня! Ты, точно мой Ангел, посланный мне с небес!

Виктория молча сидела на краю кровати, пытаясь осмыслить услышанное, как-то осознать это, но гнетущая волна разочарования вновь накрыла её с головой. Всё вокруг неё было окутано толстой паутиной лжи, в которую по воле какого-то злого случая она попала, её казалось, точно вот-вот появится огромный паук и раздавит её своими черными лапами. За всё последнее время на пути ей не встретился ни один человека, который бы не солгал ей. Отовсюду бесконечные протягивались нити вранья. На секунду вся её жизнь показалась ей сплошным фарсом, какой-то игрой, в которой она была подобно пешке. Господь словно отвернулся от неё, потерял из виду или попросту забыл о её существовании как таковом.

Она отвернулась от Даниэля, ей нечего было сказать ему. Он всего лишь очередное разочарование в её жизнь.

– Прошу, Виктория, не отвергай меня сейчас! – взмолился юноша, бросившись к её ногам. – Я люблю тебя! Искренне, по-настоящему, я мечтаю быть рядом с тобой! Прошу, прости меня, прости! Я люблю тебя, люблю, слышишь?! – он обнимал её колени и всё повторял «Я люблю тебя!».

Но в сердце у Виктории не дрогнул ни один мускул, она с полным безразличием взглянула на него, после чего оттолкнула от себя, не желая чувствовать на себе его прикосновения, они стали для неё подобно тем черным лапам огромного паука, что сплёл вокруг неё эту грязную паутину лжи.

– Уходи! – закричала Виктория. – Не смей больше со мной говорить, подходить ко мне. Я не желаю знать тебя!

Даниэль вскочил на ноги и чувствуя, что слёзы горечи наполняют его глаза, выбежал из каюты. Почти сразу в каюту вошёл Джек с бутылкой рома в руке.

– На Даниэле лица нет. – проговорил он с лёгкой иронией в голосе.

– Какое мне до него дело! – резко ответила Виктория. – Лучше скажи мне, где мой дедушка? Я желаю его видеть!

– А где подobaет быть штурману? У штурвала, конечно же! Пока он не приведёт меня к цели, ты его не увидишь!

Виктория встала и заходила по каюте взад-вперёд. Её переполняла злоба из-за Даниэля, из-за Джека, из-за всей этой ситуации с похищением, до дрожи в теле ей осточертели эти игры, в которые её то и дело заставляют играть окружающие в угоду своих собственных целей.

– Где моя благодарность, мисс? – игриво спросил Джек.

– Благодарность?!

– Да-да, я же спас тебя!

Виктория рассмеялась каким-то нервным смехом, с нотками озлобленности.

– Спас! – насмешливо воскликнула она. – Ты оказался там не по мою душу, Джек! Ты похитил меня и губернатора Ямайки. Ты понимаешь, что тебя казнят, как только ты вернёшься.

– Я вернусь богачом, никто и пальцем не посмеет меня тронуть...

– Ты действительно веришь в эту чушь с сокровищем? Ты глуп!

Джек отпил из бутылки солидное количество рома и хотел было закурить, но Виктория выхватила у него из рук сигару и отбросила её в сторону.

– Тебя не учили, что при дамах курить крайне невоспитанно. Действительно, Джек, ты собираешься держать меня здесь, в каюте, всё время нашего плавания?

– А ты предпочитаешь разгуливать по палубам среди пиратов? Отбросов общества, голодных псов? Вперёд!

Девушка призадумалась, да, в этом он был, пожалуй, прав.

– Куда мы плывём? – наконец спросила она, стараясь немного успокоить себя.

– На Бермуды, детка.

Неожиданно Джек взял Викторию за руку и притянул к себе. Он был уже достаточно пьян, чтобы говорить с ней о прекрасном.

– Что ты делаешь, Джек?! – возмутилась Виктория, пытаясь освободиться из объятий пирата.

Он силой усадил её себе на колени и прижал к себе, обхватив руками за талию.

– Я не переставал думать о тебе, малышка... – говорил он, целуя её плечи. – Мне кажется, что я влюбился в тебя, влюбился по самые уши, понимаешь?

– Ты сошёл с ума! – воскликнула она. – Немедленно отпусти меня!

Виктория с трудом вырвалась из крепких объятий Джека и закатила ему сильную пощёчину, которая видимо несколько привела его в чувства. Он вскочил на ноги и вышел из каюты, прихватив с собой початую бутылку рома.

– То-то же! – крикнула Виктория ему вслед. – И не возвращайся!

Когда Джек захлопнул за собой дверь, Виктория без сил упала на кровать. Ей не хотелось ни о чем думать, лишь образ Александра каждый раз представлял пред её глазами, стоило их только закрыть. Она тихо заплакала. Всё внутри разрывалось на мелкие осколки от мысли о том, что его может не быть в живых. Слова коммодора «...мёртвый лежит в одной из темниц крепости...» терзали её рассудок и резали сердце сильнее ножа, причиняя телу нестерпимую адскую боль. Но скудный лучик надежды по-прежнему теплился в душе Виктории. Александр жив! – убеждала она себя сквозь сон, который медленно заволакил собой сознание.

Три дня Виктория просидела в каюте, ни разу не глотнув свежего воздуха. Её укачивало, и потому большую часть времени она провела в кровати. Ни Джек, ни Даниэль за всё это время ни разу не зашли в каюту, но Виктория была даже рада этому, ей меньше всего хотелось видеть эту влюблённую парочку, да и их любви она совсем не желала. Все мысли её были обращены к капитану Миллеру. С каждым днём все больше убеждала она себя, что он жив и искренне поверила в то, что по возвращении на Ямайку, она встретит его вновь.

Виктория почувствовала, как корабль медленно лёг в дрейф. Неужели мы добрались до заветного острова Джека? – пронеслось у неё в голове. Она встала с кровати, быстро оделась и подошла к двери. Через маленькое окошко, девушка попыталась рассмотреть, что происходит на палубе, но ей ничего не было видно. Тогда она стала стучать в дверь и требовать, чтобы её немедленно выпустили. На крик Виктории явился Гарри, который стоял на пороге с недовольным видом. Все эти дни он приносил еду Виктории, и был её единственным собеседником, хоть и совсем немногословным.

– Что Вы так кричите, мисси? – спросил он.

Виктория полной грудью вдохнула свежий слегка прохладный морской воздух, ощутив приятное головокружение.

– Мы прибыли к месту?

– Мисси, мы прибыли на Бермуды, твой дед, похоже, водит нас за нос!

– Я хочу его видеть?

– Об этом Вам нужно говорить с нашим капитаном, с Джеком! – ответил Гарри, с этими словами он вышел из каюты, закрыв за собой дверь на замок.

Виктория снова осталась одна. Так ничего и не узнав, она вновь легла на кровать.

Джек и Джеймс Вуд стояли на четвердеке у штурвала и оживлённо разговаривали, когда к ним подошёл Гарри.

– Чёрт побери, старик, ты водишь меня за нос! – возмущённо говорил Джек. – Я сотню раз заплывал в воды Бермудских островов, изучил каждый фут этой чёртовой территории, отплывал и дальше, и дальше, со всех сторон. Где, чёрт тебя побери, этот остров?!

Джеймс Вуд стоял с довольной ухмылкой.

– Острова нет, Джек! – ответил он спокойным тоном. – Остров миф, выдумка, называй, как хочешь.

Гарри плюнул и выругался.

– Только время потеряли! – проговорил он.

Но Джек не унимался, он был одержим своей идеей.

– Ты пытаешь обмануть меня?! – взревел он. – Это мы ещё посмотрим. Гарри, приведи сюда девчонку!

– Нет! – воскликнул Джеймс. – Джек, неужели ты так до сих пор ничего и не понял?

Джек испытующе посмотрел на Джеймса. Что он хочет ему сказать? Внутри у пирата всё закипало от злости, он так давно грезит этим островом, этими сокровищами, он готов пойти на всё лишь бы добиться своего.

– Острова Трёхглавой горы не существует. Посмотри туда! – Джеймс протянул руку в сторону туманного рифа, расположенного севернее основной группы Бермудских островов.

Джек и Гарри посмотрели в сторону, указанную Джеймсом.

– Что я там должен увидеть? – зло спросил Джек. – Туман?!

– За этим рифом двадцать первый остров, это и есть тот самый остров. Риф всегда окутан густым туманом, поэтому даже опытные моряки стараются обходить его стороной, боясь лечь на мель или пробить днище корабля и затонуть. Поистине, множество кораблей полегло на этом рифе, а опасен он тем, что острые как лезвие кинжала скалы, практически скрыты морской пеленой, а туман не даёт возможности увидеть, где этот риф начинается. Так, я когда-то оказался на этом острове. Столкнувшись с пиратами, нам пришлось отплыть, надеясь спрятаться в густом тумане, мы полным ходом столкнулись со скалистым рифом и вскоре затонули, а выбравшись на берег острова, и вовсе пожалели, что нам удалось спастись. Я каждую секунду, проведённую там, жалел, что не ушёл на дно вместе со своим кораблём. Джек, нам нельзя высаживаться на этот остров!

Джек махнул рукой. Столько лет он плавал вокруг этого туманного рифа, он и подумать не мог, что за ним прячется то, ради чего он жил последние годы. Вот он его заветный шанс, так близко, осталось только преодолеть риф.

– Скоро стемнеет, думаю, мы отплывём на рассвете.

– Джек! Одумайся, пока не поздно! – закричал Джеймс в ужасе. – Я не желаю возвращаться в этот ад.

Гарри с сомнением посмотрел на Джека, слова Джеймса производили на него впечатление. Он и сам не раз слышал разного рода рассказы бывалых моряков о том, что остров таит в себе смертельную опасность, а сейчас, когда Джеймс Вуд, пожалуй, единственный, кто дей-

ствительно был на острове, с таким трепещущим страхом в голосе рассказывает об этом месте, это заставляло всерьёз усомниться в затее Джека.

– Если ты пытаешься запугать меня страшилками о местных аборигенах, то зря стараешься, капитан Джек Бишоп не из трусливых! – доблестно заявил Джек, гордо при этом задирая нос.

– Хвастовство здесь не уместно, Джек! – настаивал Джеймс. – Это не просто аборигены, они быстры точно кошка, кровожадны, словно саблезубый тигр, их длинные когти впиваются в человеческую плоть, разрывая её буквально одним движением, а острые, словно нож зубы способны перегрызть человеку шею...

Джек прервал его.

– Хватит с меня рассказов про жутких тварей, якобы населяющих этот остров! Завтра на рассвете мы высадимся на остров, и ты приведёшь меня к сокровищам.

Джеймс понял, что Джек одержим сокровищами, и что ни один приведённый им довод не заставит его передумать высаживаться на остров, но он предпринял последнюю попытку.

– Нет на острове никаких сокровищ! Я провёл там три дня и три ночи, там ничего нет! – спокойно сказал он. – Ты попросту подвергнешь смертельной опасности всех нас и останешься с носом, и дай Бог, если ты сумеешь выбраться оттуда живым.

Джек не удостоил его ответом, быстрым шагом он предпочёл удалиться с четвердека, пока Гарри не начал панику.

Гарри обратился к Джеймсу.

– А как удалось выжить тебе? – недоверчиво спросил он.

– Как я уже сказал, я провёл три дня и три ночи на острове. Я пролежал в холодной канаве, полной воды, прячась и выжидая момента, чтобы бежать к океану. Я наблюдал за этими тварями, выжидал, когда они наименее активны, когда у них периоды затишья. И тогда я бежал. Бежал со всех ног, не помня себя от страха и ужаса, не чувствував под собой ног от холода, не знаю откуда у меня взялись силы, но поверь, я так быстро не бегал никогда в своей жизни. И эти седые волосы на висках у меня с тех пор. Ничего более ужасного в своей жизни я не видел. У меня на глазах эти твари разорвали десятерых здоровых мужчин.

Гарри передёрнулся, он ещё больше усомнился в правильности действий Джека, но пиратское нутро, жаждущее лёгкой наживы, всё же, пересилило его, и он ответил:

– Сказки всё это!

До утра ни Джек, ни Гарри не сомкнули глаз. Рассказы Джеймса не давали им покоя, убеждая себя, что всё это пустая болтовня, они смогли убедить себя, что никакая опасность им не грозит и уже завтра они станут богатейшими людьми.

Как только начало светать, Джек поднял всю команду и дал им чёткие указания. Им было принято решение не заплывать за туман, а бросить якорь близ него. Он не желал терять столь хороший фрегат, поэтому организовал экспедицию на шлюпках.

Виктория ещё спала, когда Джек вошёл в каюту. Он намеренно громко хлопнул дверью, чтобы девушка проснулась.

– Пора вставать, мисс! Вы отправитесь с нами! – командным тоном проговорил Джек, после чего бросил на кровать какую-то одежду.

Виктория приподнялась и в недоумении посмотрела на Джека.

– Какой во мне прок? Я не хочу никуда плыть! – ответила она. – Что это? – она указала на предметы одежды, которые принёс Джек.

– Послушай, милочка, если хочешь видеть своего деда в добром здравии, ты сию же минуту оденешься и выйдешь на палубу!

– Какой же ты мерзавец! – выпалила в отчаянии Виктория.

Девушка понимала, что это очень опасная кампания и главная опасность, прежде всего, заключалась в той неизвестности, которая ожидала их на этом острове.

– Ничего-ничего, по-другому запоёшь, когда я вернусь богатейшим человеком.

– Любовь и уважение нельзя купить. Тебе никогда не стать таким же благородным как капитан Миллер!

Джек хотел было ответить ей, но стиснув зубы, вышел из каюты. Он был так зол на Викторину, пытался вырвать её из своего сердца, забыть об этой дерзкой девчонке, но чувство любви к ней каждый раз брало верх.

Виктория встала, умыла лицо из кувшина, надела вещи, которые принёс Джек. Брюки, рубаха и сюртук были сильно изношены и велики ей, а вот сапоги-ботфорты оказались почти в самый раз. Выйдя из каюты, Виктория остановилась и, точно замороженная, уставилась на густой туман. Он выглядел будто глухая стена, серый и непроглядный. Лёгкий прохладный морской ветер обдал лицо Виктории, от чего у неё немного закружилась голова.

– Долго Вас ждать изволите, мисс?! – прокричал Джек.

Виктория увидела Джеймса Вуда и бросилась к нему в объятия. Он нежно поцеловал внучку в лоб и крепко прижал к себе.

– Джек, заклинаю тебя, оставь Викторину на борту! – взмолился Джеймс Вуд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.